

ВЕХИ «УЗКОГО ПУТИ»

Моим детям и внукам посвящается

Издательство Московской Патриархии Русской
Православной Церкви, 2017

УДК 82-94
ББК 84-4
Н 85

*Автор выражает признательность Эдуарду Борисову,
Арсению Замостьянову и протоиерею Михаилу Ходанову
за неоценимую помощь в подготовке и издании данной книги.*

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви.

ИС ???????????

Н 85 Нотин А.

Вехи узкого пути. — М.: Народное образование, 2017. — 200 с.

ISBN 978-5-91447-160-3

© Нотин А., 2017
© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
Отцы-городошники	11
Крест фронтовика	17
Сложная простота разумной достаточности	20
Несговорчивое сердце	26
Детская старость	29
Вера как дар	33
Не бойся никого, кроме Бога	37
У гроба нет карманов	41
Гармонь жизни	44
Кто в схеме «лох»?	46
Духовные корни рака	51
Что полезно знать о смерти?	54
Сон – маленькая смерть	59
От чего гибнет планета?	63
Тайна русской непобедимости	68
Одни ли мы во Вселенной?	72
Встреча с живым Богом	78
Реплика старца Илии	81
Адамов крест, или «Я не зверушка»	84
Не хочу дырявить скафандр!	88
Счастливые вы, русские!	91
Мудрый совет от Валентина Курбатова	93
Свой – чужой	95
Детский сад для взрослых	99
Искусство терпения	102
Куда делся Бог?	106
Читай Отцов – не пожалеешь!	107
Проханов	110

Болезнь – тоже веха	115
Нахлебаемся мы с ним!	120
Озарение Сергея Сторчака	123
Утешение от отца Николая.....	127
Разумная достаточность	131
Последнее китайское предупреждение, или Как читать знаки	135
Генерал Бритвин	138
Сирийские виражи	142
Откуда взялась «Переправа»?.....	147
Урок послушания от отца Луки.....	149
Выгодное дельце.....	153
Напутствие отца Серафима	156
Не благословляю!	161
Страшно жить?	163
Крест Владимира Квачкова	165
Мой патриарх.....	170
Саввушка	173
Военная тайна	176
Секреты профессора Осипова	179
Принцесса в Каменках.....	188
Под покровом Божией Матери.....	191
«Остров», «Матрица», «Аватар».....	193
«Заговор» в Каменках	195
Люди-ангелы.....	197

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В православии есть такое понятие — «узкий путь». Из самого названия следует, что речь идёт о некоей тропе, дороге, притом дороге тесной, которая оканчивается таинственной дверью, или, как сказано в Евангелии, «тесными вратами, ведущими в жизнь» (Мф., 7:13–14). Конечно, в Писании, где каждое слово отражает и выражает истины незримого бытия души и духовного мира, говорится не о земной дороге, или тропе. Это сказано о судьбе человека – каждого в отдельности и человечества в целом. Правда, чтобы не просто уяснить эти слова разумом, а постичь их правоту всем сердцем, всеми клеточками и нервами своего естества, нужно сначала уверовать во Христа, стать православным христианином. Тогда происходит чудо: открываются сердечные очи «внутреннего человека», то есть души, и она, очищенная и наученная Богом, узнаёт то, чего доселе не знала, увидит то, чего раньше не видела. Новый человек начинает видеть новый мир. Вернее, он видит тот же самый мир, но неизмеримо глубже, полнее и ярче. Это ещё не та острота зрения, что откроется после исхода души из тела, ибо здесь, на земле, по словам апостола Павла, «мы видим мир гадательно, как бы сквозь мутное стекло», но всё же это новое, духовное видение на несколько ступеней выше, чем плоское линейно-рациональное скольжение по поверхности вещей.

Верующему человеку чувство «узкого пути» открывается не как абстрактное знание, а как собственная судьба. Представим себе безбрежное болото или

дремучий непролазный лес. Можно идти напролом с закрытыми глазами, увязая в трясине и натываясь на корни и острые ветви. Но оказывается, что все-милостивый Господь прокладывает каждому человеку, кто верует в него, крепкую узкую тропу через это бездорожье земной жизни. Она, эта тропа, не похожа на прямую и удобную магистраль. Она извивается, совершая повороты, спуски и подъёмы, но идти по ней надёжно, удобно и безопасно. Кажется бы, чего проще — нашёл свою тропу и шагай вперёд. Ан нет, беда в том, что смертному человеку не дано знать будущего, и поэтому каждый наш шаг вперёд есть, строго говоря и логически рассуждая, шаг в полную неизвестность. Даже если тебе повезло, и ты нащупал «узкий путь», где гарантия, что через пару-тройку шагов при ближайшем его изгибе ты снова не шагнёшь в трясину? Тут-то становится понятно, зачем нужен Бог, вера в Него и Ему. Дело в том, что Богу, обитающему в вечности, видно и прошлое, и настоящее, и будущее каждого из нас. Он есть любовь, мы же — Его любимые чада. Поэтому, если человек добровольно и молитвенно протягивает к Нему руки, взывая о помощи, Господь никогда не откажет. «Грядущего ко Мне, — говорит Он, — не изжену вон» (Ин., 6:37). Господь незримо берёт руку верующего и, пока тот не выдёргивает её, бережно ведёт его по «узкому пути», минуя все овраги и коряги.

Оглядывая назад прожитую жизнь, я отчётливо вижу, как это «работает». Большая часть моей жизни, к сожалению, прошла вслепую, напролом по трясине страстей и греха. Жил, как все, тем и оправ-

дывался, тут и там набивал шишки, находил и терял, совершал порой правильные, но чаще всё же глупые и опасные действия, не понимая, что к чему, зачем живу и куда иду. Повторюсь: возможно, несколько раз до обращения к Богу в начале нулевых годов мне удавалось пересекать свой «узкий путь», а иногда даже удерживаться на нём некоторое время, переводя дух и ощущая не ясное самому себе удовлетворение от правильной жизни. Время от времени я, наверное, брёл буквально в шаге от спасительной тропы, ведущей к Богу, но духовная слепота, от которой не спасают ни земные знания, ни научные степени, ни даже так называемый здравый смысл, всякий раз мешала мне сориентироваться и разглядеть свой «узкий путь», который был совсем рядом.

Хуже всего то, что, двигаясь по жизни наугад, ты не просто впустую расходуешь единожды дарованные тебе природные таланты, а также бесценные и ограниченные ресурсы времени, сил и здоровья. Это ещё полбеда. Куда страшнее, что ты идёшь в ложном направлении, шаг за шагом приближаясь к «широким вратам, ведущим в смерть» (Мф., 7:13). Последнее мне довелось испытать на собственном опыте. Внешне всё шло вроде бы успешно: спортивные успехи, учёба в престижном МГИМО, учёная степень, создание семьи, дипломатическая работа и заграникомандировки, банковский бизнес в лихие 1990-е. Но только внешне. Со стороны посмотреть — чего ещё можно желать? А в душе? А в душе какое-то неумолимо нарастающее чувство тяжести, духоты и бессмыслицы. Осознать это сполна, увидеть себя со стороны, понять и оценить, что

происходит, сам я тогда был не в силах. Просто упрямо карабкался «вверх по лестнице, ведущей вниз», копя горечь и глухое внутреннее недовольство собой.

Этот унылый процесс оборвался в уже упомянутые начальные нулевые. Крах бизнеса — не полный, однако мучительный и болезненный, неурядицы в семье, болезни детей — всё это сплелось в тугой клубок несчастий и скорбей, которыми, как учит Евангелие, и «подобает внити в царство небесное» (там же. — Авт.). Не знаю и не могу знать, почему, за какие такие заслуги, коих сам я за собой до сих пор не нахожу, Господь благоволил навестить меня, утопающего в болоте «пространного пути», своими спасительными и целительными скорбями-лекарствами. Не знаю, но с тех пор не устаю в молитвах благодарить Его за столь благодатное и своевременное внимание к моей почти уже погибшей душе. Под молотом скорбей, на самом дне катастрофы и депрессии, на краю суицида произошло удивительное: кокон кажущегося моего благополучия, сплетённый из самоуверенности и разнообразных иллюзорных достижений прежней жизни, рассыпался в прах, обнажив то, что он скрывал внутри, — живую человеческую душу. Лишённая привычной опоры и розовых очков, она трогательно и естественно потянулась к единственному спасительному маяку — Иисусу Христу. Поистине «сила Божия в немощи совершается» (2 Кор., 12:9–10)! Душа обрела Бога, встретила Его, увидела Его. Найдя же, прильнула к Нему, забывая о всём ветхом и преходящем. Так рождается вера.

И ещё. Оглядываясь назад, восстанавливая в па-

мяти прожитое, я начинаю невольно по-новому трактовать многие явления, встречи, события и впечатления, из которых, как из строительного материала, складывалось здание моей судьбы. Пожалуй, лучше будет сказать иначе: из этих эпизодов, больших и микроскопически малых, важных и не очень в моём тогдашнем понимании, выстраивалась целая цепочка своеобразных вех, обозначавших, подобно фонарикам, трассу моего движения по направлению к «узкому пути». Скажу больше: во всех этих эпизодах присутствовала некоторая внутренняя заданность, некая последовательность, взаимообусловленность и взаимосвязь. Эти вешки — как бы узелки, связанные из, с одной стороны, личных переживаний и мыслей, а с другой — внешних воздействий на меня через людей и среду обитания. Поразительно, но, чем дольше живёшь или по крайней мере стараешься жить в согласии с Богом и установленными им духовно-земными законами бытия, тем чётче и рельефнее становится в памяти «трасса вех», очевиднее факт неуклонного сближения этой трассы с траекторией личного «узкого пути». Вешки эти не обязательно представлены крупными событиями, иногда наоборот — память из своих бездонных архивов вдруг выхватывает что-то, казавшееся в своё время незначительным, и вот она — реальная вешка. Крупные же по земным меркам события, напротив, тускнеют и отходят на задний план, как для «узкого пути» малозначимые. Выходит, что Господь всё время незаметно опекал меня, как и любого из нас, даже тогда, когда заблудшая душа Его указаний не различала и не признавала.

Предлагаемая читателю книга представляет собой попытку собрать воедино эти внешне разрозненные вехи судьбы в надежде на то, что кому-нибудь это поможет лучше разобраться в своих «вехах», увидеть их, угадать их тайный смысл, ощутить тонкое и любящее прикосновение Творца к своей мятущейся душе. Бог создал нас абсолютно свободными, и Он никого никогда не принуждает. Любовь не была бы любовью, если бы содержала в себе хоть каплю насилия. В то же время «Бог каждому хочет спастись и в разум истины придти» (1 Тим., 2:4), поэтому Он, промышляя о судьбе и спасении каждого из нас, выстраивает индивидуальные жизненные ситуации, отмеченные вехами — указателями, наилучшим для спасения образом.

Книга так и построена. Она разбита на разделы: события, встречи, мысли, в каждом из которых читатель найдёт вехи «узкого пути» или приближения к нему по бездорожью «пути пространного». Здесь всё субъективное, глубоко личное, и я молю Бога, чтобы Он помог мне нигде не покривить душой и, сколько хватит сил, своим опытом, преимущественно горестным, помочь другим путникам, идущим во тьме земной жизни к заветной цели спасения.

ОТЦЫ-ГОРОДОШНИКИ

Ребёнок воспитывается не столько нравоучениями, сколько личным примером тех, кто его окружает. «Смотри, Васька, не пей, как я!» — грозно внушает сыну отец, наливая себе рюмку за рюмкой. Душа ребёнка слышит и видит всё происходящее, но решающим для неё становится всё-таки авторитетный, хотя, к сожалению, и негативный пример родителя.

Апостол Павел писал, что дурные общества возвращают добрые нравы. Мне в этом смысле откровенно повезло. Десятилетним мальчонкой повадился я захаживать на городошную площадку за нашей 27-й школой, что на Кутузовском проспекте города Москвы. С замиранием сердца следил я, прижавшись лицом к сетке ограждения, как взрослые дядьки в спортивных костюмах по очереди бросают блестящие биты в городошный круг, как эти тяжёлые биты, гулко ухая, разбивают причудливые фигуры, собранные из деревянных цилиндриков; позднее я узнал, что эти-то цилиндрики, собственно, и называются городками.

Однажды после игры кто-то из участников, очевидно, приметивших мой интерес, предложил зайти и попробовать свои силы на площадке. Мне выдали старые облегчённые биты, я вышел на «кон» — очерченную белой краской полосу для броска — и, неловко размахнувшись, запулил биту куда-то вбок. Сзади раздался одобрителный смех и довольно едкие комментарии. Один из игроков подошёл ко мне и показал, как правильно стоять боком к цели, как заводить биту назад и, делая шаг вперёд, всем корпусом выталкивать её в сторону фигуры. Новичкам,

как известно, везёт, и следующий бросок на удивление попал в цель. Это решило дело, определив моё главное спортивное увлечение на следующие 15–20 лет.

Потом было много всего: знакомство и дружба с городошниками, каждый из которых был вдвое, а то и втрое старше меня, изготовление первой пары настоящих «личных» бит, подогнанных под руку по всем правилам городошного искусства, тренировки по выходным и в будни при любой погоде, беззлые шутки-прибаутки, скромные празднования поочерёдных дней рождений в деревянной бытовке, где стояли тиски и хранился слесарный инструмент для ремонта бит, а также всякая всячина, начиная с запаса городков и кончая лопатами и мётлами для ухода за площадкой.

Сегодня, по прошествии многих лет с того момента, когда наши пути-дорожки с отцами-городошниками безвозвратно разошлись, наша площадка успела исчезнуть с лица земли, а многие из них, надо думать, уже навсегда оставили этот мир, я невероятно остро и даже временами болезненно понимаю, в каком удивительном мужском сообществе Господь благоволил мне получить начальное воспитание и взросление. В те строгие послевоенные десятилетия, а именно 1960-е и 1970-е годы, общение моё с родителями было довольно скудным: бóльшую часть времени они проводили на работе, а вечерами все мы занимались своими делами: мать на кухне, отец возился с какими-то бумагами, а я делал уроки. Вообще, как я теперь понимаю, то было время, когда большинство людей

предпочитало держать язык за зубами даже в семье. Так получилось, что недостаток «воспитательного общения» я восполнял не дома, не во дворе или в школе со сверстниками и учителями, а прежде всего и главным образом со своими старшими товарищами на городошной площадке. Они, наверное, тоже рвались в городошный бой во всякую слякоть и непогоду, в дождь и мороз, чтобы в дружеском кругу не только нагрузить мышцы, но и неформально пообщаться, посоветоваться, обсудить последние новости, поделиться свежим анекдотом и т.д. Это был настоящий мужской клуб по интересам, созданный по согласию, взаимной симпатии и без малейшего принуждения. Заядлый рыболов, британский премьер-министр Уинстон Черчилль любил шутить, что все люди равны в глазах рыбы. То же самое можно с полным правом сказать о городках. Традиционный, уходящий корнями в глубину веков, в деревенскую лапту, этот исконно русский вид спорта обладает целым рядом неоспоримых достоинств. В их числе и общедоступная простота устройства игровой площадки, которая может быть сооружена на любом пустыре, и тот факт, что играть в городки можно в любую погоду и в любом составе. При всём при этом у городков в отличие от большинства видов спорта нет практически никаких возрастных ограничений: одинаково высокие результаты могут показывать и пятнадцатилетний юнец, и шестидесятилетний ветеран. В городки играют часами, без перегрузок и суеты, поэтому физическая нагрузка накапливается умеренно и постепенно, что благотворно сказывается на здоровье спортсменов. В то же время это

командная игра с высочайшим накалом азарта, неповторимостью и непредсказуемостью игровых ситуаций вкупе с потрясающей зрелищностью, когда после удачного броска очередная сложная фигура взмывает в воздух, приводя зрителей в неописуемый восторг. К слову, с этой точки зрения наш исконно русский вид спорта по зрелищности ничем не уступает тому же новомодному кёрлингу. Глубоко убеждён: при современном уровне технологии показа «телевизионная картинка» городошных состязаний получилась бы куда ярче и увлекательнее, чем заморский кёрлинг. И это при том, что кёрлинг требует строительства специальных арен, сложного ледового покрытия и ювелирно точных по исполнению гранитных камней каждый стоимостью в несколько тысяч евро. Одним словом, спорт высоких достижений для избранных. И пусть не осмеливаются наши недоброжелатели упрекать городки в «недостаточной сложности»! Эта игра содержит в себе столько тонкостей и хитростей, требует от спортсмена такой собранности, психологической устойчивости и одновременно творческой находчивости, не говоря уже об элементарной физической кондиции, что достичь в ней высот мастерства так же сложно, как и в любом другом «престижном» виде спорта. Иной игрок всю жизнь подбирает себе биты по размеру, весу, перевесу (центру тяжести), числу оковок и прочая и прочая, годами мастерит, делает и переделывает, да... так и не находит искомого решения.

Помню, как горячо и обоснованно до хрипоты наши отцы-городошники, многие из которых занимали ответственные посты в органах государствен-

ной власти, отстаивали идею включения городков в состав олимпийских видов спорта на Московской Олимпиаде 1980 года. Ничего тогда не получилось. А жаль, ибо на этом поприще, как и в хоккее, русские всегда были бы в числе мировых лидеров! Увы, но с конца 1980-х произошло нечто ещё более ужасное: либеральная мода на всё западное, овладевшая сознанием постсоветской элиты, да и многих простых людей, незаметно вытеснила нехитрые и общедоступные формы городского досуга из нашей жизни. Точечная жилая застройка и распространение коммерческих ларьков добились городки, и теперь редко встретишь в наших ландшафтах знакомые очертания городошной площадки, услышишь до боли привычный стук бит о металлическое поле. Вместе с городками из нашего обихода куда-то исчезли вольные игры детворы, стихийные гулянья под гитару или гармошку, соседская взаимовыручка и всеобщее знание неписаных законов мудрого человеческого общежития. На их место заступили столь же всеобщие одичание, ожесточение, безразличие и одиночество. Дворы опустели, и вместо столь привычных взору в 1970-е годы ватаг ребятишек тут и там видишь строгих мамочек с поджатыми губами, влекущих за собою своих запуганных отроков. В духовном плане город стал другим — настороженным и расчётливым. Может быть, за прошедшую четверть века мы что-то и приобрели, но, лично по мне, всё же больше потеряно, разбазарено и проиграно.

Отцы-городошники — теперь я вижу и знаю это доподлинно — внесли очень весомый, возможно, даже решающий вклад в формирование моей «пла-

стилиновой» детско-юношеской личности. Мне посчастливилось быть как бы сыном полка в мирное время. Эти люди стали для меня, с одной стороны, авторитетными наставниками, носителями идеала мужественности и взрослых манер, а с другой — равными товарищами по игре. Нечто подобное, думаю, встречается и в других видах спорта, где старшие обучают младших, однако полного аналога городкам в этом смысле трудно сыскать, ибо век профессиональных «гладиаторов» от гимнастики, плавания, футбола и иже с ними до обидного короток, в городках же наше разновозрастное братство длилось десятилетиями. Не потому ли я до сих пор помню их всех по именам и отчествам, до мельчайших деталей могу воссоздать в памяти не просто их лица, но и манеру говорить, неповторимость стиля их бросков, походку и прочее. Когда засыпаю, я часто вижу их перед мысленным взором, в едином строю, словно гвардейцев некоего славного полка, в котором и мне, грешному, посчастливилось послужить.

КРЕСТ ФРОНТОВИКА

Отец мой, Иван Кузьмич Нотин, 1925 года рождения, попал на фронт, можно сказать, случайно. В начале 1942 года они с другом опоздали на работу. Время было военное, завод — оборонный, и грозило им, несмышлёным пэтэушникам, по несколько лет тюрьмы. Куда деваться? Тогда и решили мы с другом, рассказывал отец, пойти в ближайший районный военкомат и записаться добровольцами на фронт. Военком, конечно, имел все основания усомниться, что перед ним восемнадцатилетние добровольцы, но махнул на это рукой и отправил ребят учиться на механиков-водителей танка. Войну отец закончил в Вене в звании старшего сержанта, с несколькими ранениями и боевыми наградами. Вспоминать о ней не любил, и лишь по нескольким его отрывочным рассказам можно было судить, что насмотрелся там он такого, чего не увидишь ни в каком самом страшном военном фильме. Впрочем, сейчас речь не об этом.

Речь о другом, не военном подвиге, совершённом отцом уже после возвращения домой со сверхсрочной службы в 1953 году. Матушка моя, Нина Николаевна, всячески избегала воспоминаний о том периоде, потому что в армии старший сержант Нотин серьёзно пристрастился к спиртному и даже после рождения первенца, то есть меня, никак не мог вырваться из цепких когтей «зелёного змия». Под угрозой оказалось всё: семья, работа, членство в партии, боевые заслуги, будущее. Доподлинно неизвестно, ибо родители мои, Царство им Небесное, уже

оставили этот мир, какое событие подвигло Ивана Кузьмича порвать со своей страстью. Возможно, таким переломным моментом стало рождение в 1956 году моей младшей сестры Татьяны. Так или иначе, но в том же году он бросил пить. Бросил тоже по-фронтовому, одним махом, раз и навсегда. С тех пор и до самой смерти в начале нулевых он не позволил себе ни одной капли спиртного, ни в каком виде и ни по какому поводу. А таковых поводов, как ни трудно понять, в его жизни были сотни: дни рождения, праздники, юбилеи и т.п. К тому же трудился он в рабочей среде и, наверное, ни один раз на дню слышал: «Кузьмич, уважь такого-то и такого-то, махнём по маленькой, с тебя не убудет».

Что испытывает человек, однажды подвергшийся хмельному пленению, а затем давший обет полной и абсолютной трезвости? Какая это адская мука одним лишь усилием воли ежечасно гасить пламень дьявольского искушения? Есть у меня давний друг Михаил Фёдорович Морозов. Вот уже без малого тридцать лет возглавляет и содержит он реабилитационный центр для наркозависимых в деревне Дураково Калужской области. Сам бывший алкоголик, он как-то признался мне: «Знаешь, брат, я ведь до сих пор до конца не вылечился, хотя и капли в рот не беру без малого четверть века. Каждый день я просыпаюсь с мыслью о том, что я алкоголик. Я знаю: капля спиртного — и омут небытия снова затянет меня. С тем и живу».

Морозов, на его счастье, верующий человек. Молитвой и причастием он призывает помощь Божью, именем Господа отгоняя от себя демонов-

мучителей. Коммунист и фронтовик Иван Нотин, скорее всего, не имел этой помощи свыше, потому что не испрашивал её у Бога. И всё же он выстоял, дотерпел до конца и тем самым одолел врага рода человеческого. Он никогда не делился со мной своими переживаниями, не жаловался на судьбу и ниспосланный ему крест воздержания. Временами мне остро не хватало его отеческой ласки, внимания и тёплого задушевного слова. Когда я тянулся к нему за всем этим, он будто напрягался и бросал что-то вроде: «Да, ладно тебе, займись чем-нибудь путным». Ныне, с высоты прожитых лет, я совсем иначе, без обиды, а наоборот, с восхищением и благодарностью сознаю, что стало истинной причиной его замкнутости и сухости, на какой эшафот добровольного страдания он взошёл ради семьи и меня, грешного. И тогда невольно слеза набегаёт на глаза, рождая чувство невосполнимой утраты и недоисполненного сыновнего долга.

Уверен, что Господь принял душу моего отца в небесные Свои обители, где нет ни воздыхания, ни плача, никакой скорби. Как приняты на небеса миллионы душ павших героев Великой Священной войны, ибо удостоверял Спаситель, что нет большей любви, как если кто положит душу свою за други своя.

СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ

Сколько человеку надо для достойной и радостной жизни? В каждую эпоху этот вопрос решался по-разному, но всегда находились и бессребреники, и «плюшкины». Первые отказывались от самого необходимого, дабы никакой хлам не мешал им встретить в душе Живого Бога; вторые в беспамятстве проводили свою земную жизнь как снегоуборочные машины, подгребая под себя всё, что попадалось на пути. Первые постами и молитвой достигали вершин духовной чистоты и здоровья, именуемых святостью, вторые являли собой пример тяжкой духовной болезни, превращавший в кошмар их собственные жизни и жизни окружающих.

Разумная достаточность, по-моему, есть нечто среднее между подвигом самоотречения и безумием рабского подчинения дьявольскому духу мамыны. Оглядываясь назад, отчётливо вижу: в советское время это понятие было куда более распространённым и обыденным, чем теперь. Разумную достаточность тогда скорее насаждали извне, нежели предлагали как добровольный выбор и духовную ценность. Всё и для всех было ограничено, умеренно и скромно: одежда, питание, предметы обихода, средства передвижения, одним словом, то, что сегодня принято называть уровнем достатка. Нельзя сказать, что советское «пуританство» навязывалось исключительно извне. Призыв к воздержанию и нестяжанию так или иначе присутствовал и в «кодексе строителей коммунизма» (почти буквальная ин-

терпретация христианского Декалога, но без Бога), и в повсеместной пропаганде советского образа жизни, которой реально следовало подавляющее большинство граждан СССР. Всех, кто не желал жить скромно и честно, объявляли отщепенцами и негодьями.

Что же не получилось у коммунистов? Где они про- считались, и почему на рубеже 1990-х воспитанное в духе разумной достаточности общество безвольно отказалось от этой модели бытия, чтобы, польстившись на западное изобилие, ринуться в противоположную крайность обогащения без меры и любой ценой? Не разобравшись в в этом вопросе, мы, как народ и государство, обречём себя либо на повторение прежних ошибок, либо на окончательное растворение в смердящем болоте потребительства.

Коренной просчёт теоретиков от марксизма и практиков от развитого социализма состоял в их отступлении от Бога. Они сочли, что будет достаточно принудительно, с помощью одной лишь морали и уравниловки побудить человека отказаться от присвоения избыточного, развернуть, так сказать, подобно пингвину, руки прочь от себя. Да так и жить, так и ходить по земле под зорким присмотром партии-рулевого. Именно этот элемент внешнего принуждения и идеологического, то есть опять-таки внешнего внушения сыграл со строителями «светлого будущего» (читай: рая на земле) злую шутку. Некоторое время люди искренне, до самопожертвования верили этой благой иллюзии, старались жить, как велено, даже не щадили ради неё своих жизней. Их ни в коем случае нельзя ни осуждать,

ни считать близорукими. То было время великих искушений от лукавого! Отец рассказывал мне такую историю, очень характерную для той эпохи. В нашем доме на Таганке до войны проживал коммунист с большой буквы. Крохотная его комнатка ничем не отличалась от кельи монаха: жёсткая лежанка в углу, тумбочка, вешалка, на ней длиннополая шинель и остроконечная шапка-будёновка, под ней единственная пара сапог — вот и всё имущество. Однажды «комиссар», как его за глаза звали во дворе, предложил жильцам заняться починкой прогнившего водопровода. Никто, понятно, не откликнулся. Тогда в ближайшее воскресенье, единственный на неделе выходной день, «комиссар» вышел с лопатой во двор и в одиночку начал копать траншею. В следующее воскресенье к нему понемногу, пристыженные совестью и жёнами, присоединились все мужчины двора. Дело было споро сделано, а мой батя вместе с остальными участниками этой истории на всю жизнь удостоверился в силе личного жертвенного примера.

Провал коммунистов, как, впрочем, и нынешних неолибералов-псевдогуманистов, обнажает ту простую и вместе с тем сложную истину, что разумная достаточность не может быть навязана извне, на уровне сугубо душевных порывов и мотиваций. Люди не пингвины, и лишь тогда человек разумный сможет подавить в себе хватательный инстинкт присвоения и накопительства, победить эту страсть и болезнь, когда, во-первых, осознает, что болен, и в нём уже действует «вирус плюшкина»; во-вторых, признавая собственное

бессилие, призовет помощь Божью; и, в-третьих, опытно удостоверится, что разумная достаточность — это не болезненное ущемление себя в правах в угоду тем или иным «измам», а полнота, обеспеченность и радость жизни, освобождённой от всего избыточного.

Без веры не может быть разумной достаточности. Природа человека от рождения повреждена, страсти и грехи легче прилепляются к нашим душам, чем добрые побуждения. Знаю, о чём пишу, ибо испытал на себе и мертвящий груз обременённости излишним, и неописуемую радость и лёгкость жизни без оно́го. Священное Писание испокон веков знает целебные свойства разумной достаточности. «Всякое даяние благо, всяк дар совершен свыше есть» — этими чудесными словами завершается каждая литургия. Не надо быть высокого ума, чтобы понять, что, в сущности, реальные и достаточные потребности каждого отдельно взятого человека весьма скромны и что, неосознанно подчиняясь «инстинкту снегоуборочной машины», он буквально калечит и уродует свою жизнь. Как-то в бытность мою советником нижегородского губернатора Валерия Шанцева тамошний краевед поведал мне удивительную вещь. Оказывается, в XIX веке многие богатые купцы-староверы добровольно устанавливали себе некий достаточный уровень ежегодного дохода — не минимальный, не максимальный, а именно достаточный, то есть оптимальный. И, если наш купец, предположим, в данный год зарабатывал в несколько раз больше этого уровня, он всю разницу, весь излишек, не раздумывая, на-

правлял на благотворительность. Заметим, не десятину и не столько, сколько не жалко, а всю разницу без остатка.

Что перед нами: показная щедрость или религиозный фанатизм? Не то и не другое. Перед нами образец духовной мудрости, который точно соответствует евангельскому закону: «отдай плоть, прими дух». Воспитанный в вере и просвещённый Богом, купец доподлинно знал и был опытно убеждён, что всеми своими, как сейчас принято говорить, «бизнес-успехами» он обязан не себе, а Промыслу Божьему. Деятельность свою на земле он воспринимал как служение, а избыточный доход — как Божий дар, который он обязан разумно и безвозмездно — «даром получили, даром и отдавайте!» (см.: Мф., 10:8) — распределить среди нуждающихся. При этом купец ещё решал несколько своих личных задач: первое — без вреда для себя из года в год наращивал торговлю, реализуя принцип «больше заработал — больше отдал»; второе — отводил от себя душепагубные соблазны роскоши и накопительства; третье — оберегал свою семью от вредных привычек безделья и расточительства, зная, что за «лёгкими» деньгами неотступно следуют тёмные силы — зримые и незримые.

Будущее России заключено в природных талантах её населения усваивать и воплощать на практике непреложные законы духовного мира, одним из которых является разумная достаточность. Сегодня «льстивый и лукавый», по определению Святых Отцов, мир, лежащий во зле и ведомый дьявольским духом противления правде Божьей, оглушает нас

СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ _____

прямо противоположными призывами: «Не пойман — не вор», «Рука руку моет», «Бери от жизни всё, что можно» и т.п. — тьфу, противно даже повторять! Но мы же не звери, нам, как уверял апостол Павел, дарован «ум Христов». Не этим ли умом впору и воспользоваться, чтобы не позволить врагу рода человеческого с помощью дешёвых обманок заманить себя в «намазанные мёдом сети» излишеств и пороков!

НЕСГОВОРЧИВОЕ СЕРДЦЕ

В учении Святых Отцов православной церкви есть один пункт, который лично у меня до сих пор вызывает изумление. Оказывается, центр человека и средоточие всех его сил, талантов, свойств — это сердце. Не мозг, не интуиция, а именно сердце. Именно оно собирает воедино наше тело и душу, предопределяет характер и соединяет человека с Творцом. Речь, конечно, идёт не просто о мышце размером с кулак, гоняющей кровь по организму, а о чём-то неизмеримо более значительном и таинственном. Взять хотя бы тот факт, что, согласно Священному Преданию, в частности, Синаксарию, читаемому на Страстную седмицу перед Великим постом, сердце новорождённого «живописуется» на третий день после зачатия в утробе матери, за пять недель до того, как плод образуется в «полный вид». Мало того, наше сердце проявляет поразительную жизнеспособность, поскольку даже через сорок дней после кончины «едину сердцу живу быти». Вот, кстати, достойный ответ тем «умникам» и «немного учёным», которые ратуют за аборты, прикрываясь нелепыми утверждениями, будто человек появляется на свет только после родов, а умерщвление в утробе убийством считаться не может.

Когда в начале нулевых милостью Божьей в моей жизни и душе произошёл драматический перелом, и она получила бесценный дар веры, большинство, если не все мои представления о себе и окружающем мире претерпели глубокие изменения. Из книги святителя Луки (Войно-Ясенецкого) «Тело, душа,

дух» я узнал, что человеческий мозг выполняет всего-навсего функцию «центрального телеграфа», который получает, систематизирует, распределяет по ячейкам памяти и в дальнейшем оперативно использует информацию, полученную от органов чувств и переработанную умом. В подтверждение вторичной и вспомогательной по отношению к сердцу роли мозга выдающийся хирург епископ Лука приводил такой аргумент: в годы войны, рассказывал он, как руководителю крупнейшего в стране перевалочного госпиталя в Красноярске ему доводилось удалять более половины мозга у раненных солдат, тем не менее многие из них после операции выздоравливали и оставались полноценными людьми. Другим любопытным фактом однажды поделился со мной известный православный писатель Василий Давыдович Ирзабеков: «Видите ли, Александр Иванович, слово «сердце» встречается в Ветхом и Новом заветах более семисот раз, а вот ум — всего раза два–три».

Народ тоже всегда чувствовал и знал эту истину: сердце в его эпосе и любит, и милует, и ведает, и вещает. Оно может «лежать» к какому-либо делу, и тогда дело спорится, тело не устаёт, а часы пролетают как секунды, но может оно и «не лежать», тогда самое простое занятие превращается в мучительную каторгу. Вот почему Святые Отцы настаивают на необходимости постоянно, чуть ли не ежеминутно «внимать себе», то есть чутко прислушиваться и присматриваться к тому, что творится не только в теле, но и в душе, каковой, собственно, сердце и является. Привыкая контролировать душу, следить за тем, ка-

кие мысли и эмоции её наполняют, да и не просто следить, а ограждать её от всего дурного и грязного, человек может, например, расположить своё сердце даже к нелюбимому делу. Для этого надо найти в порученном или неотложном занятии какие-то положительные моменты, сосредоточиться на них и не отпускать внимание. Тогда даже мытьё грязной посуды можно превратить в созерцание красоты льющейся воды и размышления о той пользе, которая принесется этим занятием. При известном навыке сердце может открыть дополнительные источники сил и энергий. Монахи, достигавшие высот в «умном внутреннем делании», рассказывали, что через прямое обращение к сердцу и «внутреннему человеку» — душе можно достичь таких результатов, на которые в обычных условиях тело не способно. К примеру, вы отжимаетесь от пола максимум десять раз. Попробуйте убедить своё внутреннее «я» отжаться пятнадцать раз, чтобы тело как бы следовало за душой, подчинялось ей. Сразу не получится, тогда с молитвой повторите упражнение, и в один прекрасный момент усталость рук будто бы схлынет, и то, что вчера казалось невозможным, станет реальностью.

ДЕТСКАЯ СТАРОСТЬ

Смотрю на своих внуков, и грустные мысли осаждают душу. Что ждёт их впереди? Смогут ли они, хватит ли у них сил и ума, чтобы защитить себя от нападков и искушений падшей цивилизации?

В руках моего восьмилетнего Данилы айфон. Это всего-навсего один из десятков новомодных гаджетов, служащих нашим детям такими же предметами повседневного обихода, какими в дни моего детства были книги, деревянные лошадки, самокат. В чём разница? А в том, что наши нехитрые игрушки пробуждали воображение и открывали ту информацию о себе и мире, которая была уместна и полезна для данного возраста. Интернет и тысячеканальное телевидение взорвали незримую стену, ещё недавно отделявшую детские души от взрослого мира с его страстями и пороками. Хочет того ребёнок или нет, но он, болтаясь в Интернете, непременно и очень скоро натолкнётся на такой срам, такие мерзости, о которых мы, старшие, и в свои двадцать лет даже не подозревали.

Что в результате? Дети принудительно взрослеют. Да, да, именно так: физически и умственно незрелый организм получает извне лошадиную дозу духовного яда. Последствия не заставляют себя долго ждать. Познакомившись в деталях с половыми извращениями — не отношениями, подчёркиваю, а именно гнусными извращениями! — наш юный интернет-пользователь испытывает такой неосознанный шок, замешанный на вроде бы естественном любопытстве, что под угрозой в дальнейшем оказывается вся его способность любить и создавать семью. Душа человека напоминает чашу, способную вмещать как божественные дары —

веру, доброту, милосердие, любовь, так и... грехи. Разбитую чашу не склеить. Как воспитать в молодом человеке уважение к будущей матери его детей, если ещё в раннем возрасте таинственный покров брачных уз был бесцеремонно сорван, романтика влюблённости опошлена и изгажена, душа смертельно ранена?

Стоит ли удивляться, что потомки наши с каждым поколением становятся, с одной стороны, всё более капризными и грубыми, а с другой — безграмотными и примитивными. Они теряют основу основ своей русскости — целомудрие и родной язык, и эта потеря, если ничего не делать, может убить Россию. Но как, спросите вы, бороться с этой напастью? Вспоминаю одну сцену. В православной гимназии под Красногорском через приоткрытую дверь у одного из классов я заметил двух ребятшек. Мальчик лет семи-восьми и девочка лет двенадцати совершали поясные поклоны перед иконой Богородицы. На мой немой вопрос директор гимназии пояснил, что за каждое произнесённое вслух слово «блин» виновнику полагается десять поклонов, но поскольку новички — а на этом попадают младшие гимназисты чаще старших — поклоны класть, как правило, не умеют, то старшеклассники добровольно берут на себя труд кланяться вместе с ними. Что самое удивительное, продолжил директор, иной раз в молельной комнате можно было встретить ученика, добровольно налагавшего на себя эту «епитимью» за ругательное слово, произнесённое... про себя.

Ребёнка к добру понуждать надо, учат Святые Отцы. В переводе на современный язык это значит, что за душу ребёнка надо без усталы и изо всех сил бороться. В противном случае, подчиняясь неумолимому веле-

нию падшей природы человека («Во гресех роди мя мати моя», — сокрушается псалмопевец Давид), она будет удобно катиться под уклон всё ниже и ниже, растлеваясь и погибая для вечности. Это будет сделать непросто, но нам всем Русским миром предстоит восстановить защитный информационный купол над молодым поколением, вернуть обществу утраченную им со времён СССР функцию охранителя детства, усмирить и разогнать всю свободно-рыночную нечисть, которая растлеывает и калечит наших детей. Если мы, родители, не хотим или не можем заниматься детьми, то они, повзрослев и накачав мышцы с кулаками, «займутся» нами... в тёмных углах, подворотнях и т.п.

Не менее серьёзную угрозу для детства несёт в себе общество потребления. Ещё в 1980-е годы американский православный священник Серафим Роуз с тревогой отмечал, что Запад возвращает себе могильщика в лице поколения «мне». Теперь эта беда переползла и через наш порог. Беспрестанно твердя «мне», «моё», «хочу» или «не хочу», особенно если этому бездумно потакают взрослые, ребёнок постепенно привыкает воспринимать старших как безусловный источник всевозможных благ и услуг, а себя — как маленького божка, которому все должны подчиняться и угождать. Слово его становится законом. Когда же такой божок подрастает, а родители, дряхлея, перестают снабжать его полезными вещами и услугами, он, навывкнув только брать, а не давать, без малейших угрызений совести отказывается от них, забывает или выбрасывает вон на улицу. В Нижегородской области мне рассказывали, что тамошние дома престарелых переполнены брошенными стариками при живых и вполне благополучных детях.

А взаимное отчуждение! Никому ни до кого нет дела. Куда делись городские дворы советского периода, где мелюзга свободно бегала под присмотром старших, и никто, в сущности, не делил детей на своих и чужих? Каждый взрослый не просто имел право, но и считал своим долгом сделать зарвавшегося озорнику соответствующее внушение. Никому и в голову не приходило озлобленно реагировать на чужие назидания: «Не ваше дело», «Мой ребёнок» и прочая и прочая! Узнаёте повзрослевшие продукты поколения «мне»? А уж о тех романтических временах, когда в русских сёлах детвора была общей, замкнү практически отсутствовали, а песня провожала людей на работу и с работы, вспоминаешь сегодня как о чудесной сказке.

Что со всеми нами случилось? Ведь всё, что уродует, устрашает и унижает нас, всё это рукотворное. В беспамятстве потребительства и погоне за ложными ценностями мы загнали себя и детей своих в вязкую тряси́ну, из которой теперь никак не можем выбраться. Мы кажемся себе замечательно умными и прогрессивными, предков же своих, дышавших полной грудью, воспитывавших потомство в уважении к старшим и любви к Родине, притом по высочайшим меркам культурности и образованности, заносчиво считаем людьми отсталыми и старомодными. Не пора ли одуматься? Не пора ли силами Русского мира, по крайней мере той его части, которая не утратила способность критически мыслить и объективно признавать чужие заслуги, решительно и трезво пере-оценить происходящее с нами и вокруг нас, отделить полезные технологии от вредных и, призвав на помощь мудрость великих предков, приступить к строительству новой Русской цивилизации?

ВЕРА КАК ДАР

Вера — это дар Божий. Бесценный дар. Бесценный потому, что только она, вера, поселяясь в сердце человека, реально улучшает его жизнь на земле и, что ещё важнее, прокладывает ему путь в новую жизнь после смерти, где уже не будет ни плача, ни горя, ни вздыхания.

Получить веру по щелчку пальцев нельзя, ибо Бог понуждаем не бывает. Только Он один решает, кого и когда одарить верой. За последние годы мне довелось воочию наблюдать десятки случаев неожиданного пробуждения веры в сердцах, казалось бы, к ней непригодных и даже её недостойных. С другой стороны, несколько раз мне приходилось наблюдать, как вполне разумные и положительные люди оставались абсолютно невосприимчивы к вероучению в самых вроде бы благоприятных обстоятельствах. Есть у меня знакомый по имени А., близкий друг весьма воцерковленного сотрудника «Переправы». Сколько бессонных часов наше «трио» провело в горячих обсуждениях места и роли веры в современной жизни! А. внимательно слушал, местами даже соглашался и... оставался совершенно равнодушным. В народе про это говорят: «Как об стенку горох».

Или другой, прямо противоположный пример. Высокоставленный генерал-силовик, пройдя с боями две чеченские кампании, пережив тяжелейшие душевные и семейные драмы, почти мгновенно обретает чувство Бога и «вкус православия». «Однажды, — рассказывал он мне, — ноги словно сами завели

меня в храм. Жизнь моя в тот период превратилась в сущий кошмар. Душа горела и кипела: как же так, сколько наших парней погибло в Чечне, а Москва жирует и беснуется, клопы-кровососы, нажившие миллиарды на грабежах и воровстве, прожигают жизнь в ночных клубах! Хотелось открыть по ним ураганный огонь из станкового пулемёта! Зачем жить, ради кого, кого теперь защищать? ...В храме, куда я попал, был полумрак. Все молились, и взгляд мой случайно упал на двух пожилых людей, стоявших вместе с девочкой лет пяти. Внезапно луч света осветил эту группу, и меня осенило: вот ради кого стоит жить, кого я должен теперь защищать!». В настоящее время этот генерал, зовут которого Николай Николаевич Бритвин, уйдя в отставку, живёт в Ростовской области, что на Дону, и всего себя беззаветно отдаёт работе с военно-патриотическими клубами, воспитывая молодёжь в духе любви к Христу и Отечеству.

Почему вера так избирательна? Иногда, и довольно часто, человеку полезно, не мудрствуя лукаво, просто признаться: «Не знаю». И правда, откуда нам знать, что представляет собой душа другого человека — своей-то толком не знаем! — а тем паче чего желает Господь? В Евангелии Он прямо говорит, что Его пути — не наши пути, и мысли Его — не наши мысли. Очевидно, чтобы немного приблизиться к пониманию этой тайны, надо фокус внимания сосредоточить на собственной душе, которая либо способна, либо не способна принять веру как дар Божий. Неспособность же, согласно Святым Отцам, проистекает как из прямого нежелания верить в

Бога и Богу, так и из грязного, скверного состояния самой этой души, непригодной для восприятия той высшей чистоты и святости, каковой является Бог.

Думаю, что мой знакомый А. страдал как раз недугом внутренней узости и сопротивления — помощи, Господи, ему преодолеть эту напасть! Сегодня это, увы, широко распространённая болезнь. Имя ей — духовная беспризорность. Человек знает своих земных родителей или как минимум не сомневается, что они у него есть. А вот Отца своего Небесного в силу тех или иных причин, чаще же всего из-за высокомерия, не знает, не признаёт и знать не желает. Почему-то ему легче и приятнее согласиться с той мыслью, что вся вселенная, включая и его самого, произошла от Большого взрыва, которого, получается, он и признаёт своим отцом.

Вера, таким образом, есть результат как бы встречного порыва души человека и любви Бога, причём первое произвольно, а второе безусловно. Человек должен сделать шаг к Богу или хотя бы, как младенец к погремушке, обратиться к Нему. Господь всегда наготове, Он ждёт этого мгновения, говоря «грядущего ко Мне не изжену вон» (Ин., 6:37), и, если видит, что чадо готово, одаряет его верой, открывает Себя ему. В моей жизни было иначе. Господь вошёл в неё в самый мрачный и беспросветный момент, когда у меня не оставалось сил и воли даже на то, чтобы воззвать к нему. Это тема отдельного разговора, однако сам факт отсутствия с моей стороны прямого и личного обращения к Господу при том, что Он всё-таки спас меня, буквально вытащив со дна зловонной ямы заблуждений и греха, свидетельствует о том,

что существует ещё и третий путь спасения, и, наверное, четвёртый, десятый, сотый, то есть их столько, сколько Богу угодно.

На этом начальном волевом обращении человека к Богу хочется остановить особое внимание. Без него ничего не будет, так как, повторяюсь, человек сотворён безгранично свободным, и без его личного приглашения-согласия, без молитвы-мольбы Бог в душу не войдёт. Можно сколько угодно топтаться на пороге веры, озираясь по сторонам и ловя ворон. Ничего не произойдёт. В этой связи вспоминаю такой забавный анекдот. Подвыпивший мужчина средних лет хочет войти в метро, но милиционер его не пускает. На вопрос, почему нельзя, страж порядка так и объясняет: под градусом запрещено. Тогда наш герой спрашивает, правда ли, что туда, под землю, ведут движущиеся лестницы, там есть огромные станции-дворцы и ходят настоящие поезда. Утвердительно кивнув, удивлённый милиционер, в свою очередь, интересуется:

— А ты что же, не был там ни разу?

— Не-а...

— Ты не москвич?

— Москвич.

— А лет-то тебе сколько?

— Сорок два.

— Почему же не был?

— А не пускают!

Господь всех нас ждёт, всех «пускает» к Себе независимо от возраста и греховности. Надо только обратиться с духом и от всего сердца произнести: «Господи, помилуй!».

НЕ БОЙСЯ НИКОГО, КРОМЕ БОГА

В земной жизни человека однажды наступает момент, имя которому — кризис. Это может быть тяжёлая болезнь, предательство друга, распад семьи, потеря близких, крах бизнеса, тюрьма... одним словом, всё, что сотрясает душу до самого основания, ввергая её в бездну отчаяния. А порой на грань суицида. Люди неверующие такую трагедию считают невезением, чёрной полосой и стечением роковых обстоятельств. Люди церковные усматривают в подобных концентрированных скорбях суд Божий, что в переводе с греческого и означает слово «кризис». Бог есть любовь, и Он никого не карает. «Кого люблю, того и наказую» (Ин., 12:5), — говорит он, имея в виду не возмездие, но наказ, подсказку, научение. Видя, что человек, сам того не ведая, погружается в трясину греха и гибнет, бесконечно милосердный Господь с помощью кризиса радикально меняет обстоятельства его жизни, чтобы душа этого человека встрепенулась и, возможно, через покаяние и добровольное изменение себя вернулась к Богу и спаслась. Нередко изначально неверующие люди, пройдя через очистительный кризис, а то и не один, действительно преображаются, а позже, когда жизненная буря утихнет и они обретут покой и радость веры, пережитое покажется благом и даже возникнет готовность ещё и ещё раз пройти испытание, лишь бы не потерять обретённого Бога.

Пишу это из собственного опыта. В начале нулевых годов моя жизнь вступила в полосу жёсткой турбулентности, продолжавшейся около трёх лет.

Тут было всё и сразу: банкротство возглавляемого мною банка, тяжёлые болезни детей, семейные неурядицы, страхи и депрессии. Ощущение такое, словно чья-то невидимая рука на полном ходу без всякого предупреждения дёрнула «стоп-кран», и поезд моей судьбы совершил аварийную остановку. В глазах померкло, рассудок перестал справляться с происходящим, чувство было такое, будто ты один-одинёшенек бредёшь по тёмному и враждебному лесу, среди угроз и неизвестности.

В эпицентре кризиса человек, как правило, остаётся один. Мнимые друзья куда-то исчезают, часть их обращается во врагов. На пике банковской карьеры меня, как успешного предпринимателя, да к тому же советника всемогущего вице-мэра Москвы, окружали тысячи «друзей». Когда пришла беда, от этой массы осталось меньше, чем пальцев на руке. И это, замечу, великое благо, ибо с помощью кризиса естественным образом расчищается, освобождаясь от балласта, круг общения. Много позже мне пришла в голову такая мысль: если удельный вес настоящих друзей и помощников в моём окружении тогда был так ничтожно мал, то сколько сил, времени и нервов потребовалось бы мне самому, чтобы разобраться и очистить этот круг. Безнадёжная затея! А кризис, вернее, Господь судом Своим надо мною одним мановением руки решил эту задачу, за что я Ему до сих пор безмерно благодарен. Верные друзья мои до сих пор со мной, а сотни призраков ложной дружбы навсегда растворились во мгле пережитой драмы. Кстати, нечто подобное испытали многие знакомые мне предприниматели, высокопоставленные чинов-

ники и военные, так что это явление, пожалуй, можно считать закономерным элементом и результатом чуть ли не каждого личного кризиса.

Когда тяжесть суда Божьего накрывает душу и она, лишённая привычных опор и ориентиров, озябшая, одинокая и запуганная, пытается на ощупь выбраться из тупика, наступает самый ответственный момент. С одной стороны, в этом состоянии невероятно трудно правильно ориентироваться и принимать трезвые, взвешенные решения, отсюда почти неизбежные ошибки, с другой — оказавшись на дне, легче оттолкнуться и впервые в жизни молитвенно воззвать к Богу: «Господи, помилуй мя грешного!».

Насчёт ошибок. Помню, как-то «друзья» предложили откупиться взяткой от очередного «наезда» на гибнущий банк, а их были десятки со стороны бандитов, конкурентов, оборотней в погонах и иже с ними. В беспамятстве и растерянности я уж было согласился, однако один из настоящих друзей, коллега по банковскому делу по имени А., отговорил: «Знаешь, брат, если у тебя есть такое горячее желание расстаться с деньгами, вези их ко мне, я положу их в сейф, а потом, когда ты во всём разберёшься, верну их тебе». Позже, когда тучи над моей головой начали рассеиваться и Господь скорбями, как наждаком, несколько очистил мою глупую и грешную душу, справедливость слов друга открылась во всей полноте. Ни у кого из нас, согласно учениям Церкви, на земле нет и не может быть врагов во плоти. В это трудно поверить, но это так. «Наша брань, — пишет апостол Павел, — не против плоти и крови, а против... духов злобы поднебесной». Человек, кото-

рый тебе угрожает или на тебя нападает, действует не по своей воле, но в ста случаях из ста он служит слепым орудием демонов-мучителей. Впрочем, и те в конечном счёте подчинены высшей и всеблагой воле Господа, который попускает нам скорби лишь в меру наших сил. Бросаясь на очередного «обидчика», горя жаждой мести, строя против него козни, мы теряем человеческий облик и уподобляемся обыкновенной собаке, яростно грызущей палку, которой её бьют, не бьющую руку.

Православие делает ещё один широкий шаг вперёд в понимании сути кризиса и личных врагов: последних надо не просто не бояться, их следует любить, благословлять и ценить, молиться за них как бесплатных учителей и наставников, посылаемых нам Богом в нужный момент для очищения и спасения души. На самом деле никому из так называемых наших врагов по большому счёту нет до нас никакого дела, ибо такой человек, ведомый по жизни алчностью и злобой, по-настоящему не интересуется ничем, кроме самого себя и своих узкокорыстных интересов. Поэтому, оказавшись лицом к лицу с таким существом, бесполезно его задабривать. Надо твёрдо, с Богом в душе стоять на ногах. А скорби и испытания — что ж, они пройдут, утихнут, улягутся, как всё однажды проходит в нашей переменчивой и быстротекущей жизни.

У ГРОБА НЕТ КАРМАНОВ

Эта история приключилась несколько лет назад. С моим соратником по «Переправе», генерал-полковником Б. из Ростова-на-Дону мы выехали из Москвы в Сергиев Посад, чтобы навестить профессора Алексея Ильича Осипова. По дороге, как водится, говорили о том о сём, пока невзначай и без всякого умысла с моих уст не сорвалась известная в народе поговорка «У гроба нет карманов».

Как ни странно, мой боевой товарищ до этого ни разу не слышал этой крылатой фразы, и она его потрясла до глубины души. «Как ты сказал, Иваныч, про карманы у гроба, а ну повтори!» — генерал буквально подпрыгнул от восторга на заднем сиденье, а когда я не без удовольствия ещё раз процитировал эту народную мудрость, он вдруг громко рассмеялся и начал так и эдак, с каким-то лихим, мальчишеским задором обсуждать тему «карманов у гроба». Он то заставлял нас напрягать воображение, представляя, как они могли бы выглядеть у натурального гроба, то, хохоча, начинал перечислять, что именно туда можно было бы сложить, то иронично проектировал создание целой коммерческой службы для «предусмотрительных» богатеев. Не могу сейчас даже точно вспомнить и воспроизвести все весёлые фантазии и метафоры, которые в течение получаса наш попутчик адресовал гробу с карманами, да это и не важно. Кому, как не ему, боевому офицеру, прошедшему не одну «горячую точку» и неоднократно глядевшему смерти в глаза, была очевидна и понятна скоротечность и уязвимость человеческой жизни.

В киносериале «Мастер и Маргарита» по мотивам одноимённого романа М. Булгакова дьявол в обличье заезжего иностранного профессора Воланда, рассуждая о жизни и смерти, как бы вскользь бросает в лицо собеседникам едкое и язвительное напоминание: беда человека не в том, что он смертен, а в том, что он внезапно смертен. Действительно, никто из нас, земнородных, не знает и знать не может, когда, где, при каких обстоятельствах и по какой причине он оставит этот мир. По милости Божьей будущее отделено от нас непроницаемой стеной. Доподлинно мы знаем лишь то, что это непременно произойдёт однажды и притом внезапно. Об этом же недвусмысленно напоминают слова православной молитвы: «Внезапно Судия придет и деяния каждого обнажатся». Слово «внезапно» здесь означает буквально в любой момент. Согласно учению Церкви, именно в этот момент, для каждого свой, душа разлучается с телом, навсегда обрывая все связи с земным: привязанностями, имуществом, достижениями и прочим. Даже знания, полученные здесь, теряют для неё какое бы то ни было прикладное значение, ибо в той духовной вечности, куда лежит её путь, их просто не к чему приложить.

По правде сказать, многие из нас не любят вспоминать или думать о смерти, хотя кое-кто, возможно, стоит в шаге от неё. Между тем, по единодушному мнению Святых Отцов, память смертная не только целительна для души, ибо заставляет ценить каждую минуту бытия, но и спасительна, поскольку «помнящий о последняя своя вовек не согрешит». Неслучайно схимники и монахи ради этой памяти часто

устанавливали в своих кельях гробы. Теперь понятно, что ничего мрачного и жуткого в этом и в помине нет.

Над чем же так заразительно потешался заслуженный генерал? Наверное, отчасти и над самим собой того образца, когда в нём ещё не было веры и жёсткого, честного взгляда на сущность и смысл собственной жизни. В этом смехе, может быть, неким фоном присутствовала ещё и горечь от того, сколь все мы, несчастные, наивны в страстной борьбе за виртуальные земные блага, которые не положишь в гроб и не захватишь с собою в ту новую и бесконечную реальность, что однажды непременно откроется за гробом.

ГАРМОНЬ ЖИЗНИ

Жизнь человека — великая загадка, и, чем чаще думаешь о ней, только желательнее без розовых очков, тем легче и радостнее живётся. Вот одно наблюдение. Никто не спрашивает нас, хотим ли мы появиться из материнской утробы на свет Божий, — это раз. Два — что ни одному смертному, если он не извещён Богом, не дано знать о дне его кончины. Голыми вступаем в эту, как её называли Святые Отцы, «юдоль печали и греха», голыми и покидаем её. А сама жизнь? Младенец заключён в границы своей коляски или кровати, ареал его жизненного пространства — размером с напёрсток. Подрастая и поднимаясь по ступеням возрастной лестницы, ребёнок раздвигает эти границы: комната, двор, город, страна и, наконец, весь земной шар. Гармонь жизни растягивается. Достигнув пика годам где-то к сорока и перевалив его, человек начинает движение вниз и назад. Соответственно, в обратном направлении сжимаются и границы его возможностей: ухудшается здоровье, снижается активность, постепенно сужается ареал интересов и перемещений, и, наконец, немощными и больными стариками мы вновь обнаруживаем себя, подобно грудным младенцам, в замкнутой комнате, а то и на больничной койке.

Философы и богословы давно заметили, что в земном путешествии человека, вынужденном и неопределённо кратком, нет линейного смысла. Но природа и сотворивший её Бог не ведают пустоты и бессмыслицы. Если здесь человек, созданный по образу и подобию Божьему, не способен сполна

ощутить радость бытия, познания, красоты и любви, если жизнь — это пространственно-временная гармония, следовательно, за её земными пределами должно быть нечто, где всемогущий Господь даёт Своему любимому чаду возможность с избытком получить то, к чему он изначально призван. Иначе пришлось бы допустить — а это кощунство, что либо из-под руки Бога выходит что-то несовершенное, либо Он по каким-то причинам не желает абсолютного блага Своему любимому чаду. То и другое — абсурд. Бог есть высочайшая любовь, безграничное благо и совершенство во всём. Это ли не решающее доказательство реальности и блаженства жизни вечной?!

КТО В СХЕМЕ «ЛОХ»?

Для ответа на этот каверзный вопрос, хочется нам того или нет, придётся нырнуть в сточные воды современного российского бизнеса. Помню, как в бытность мою банкиром коллеги по «цеху» цинично шутили: «Если ты не знаешь, кто в схеме лох, то лох — это ты». Банковский мир, особенно в лихие 1990-е, представлял собой нечто среднее между дикими джунглями, минным полем и ареной гладиаторских боёв. Если там и дружили, то против кого-то, если враждовали, то насмерть. Ковбойский дух Запада, наиболее ёмко выраженный в формуле «Извини, старик, бизнес, ничего личного!», через поваленный на рубеже 1990-х «железный занавес» прорвался на девственно-советские просторы, дав толчок обильному бурьяну дикого капитализма. Мир разделился на «крутых» и «лохов». Первые создавали финансовые пирамиды, бегали от налогов, совершали рейдерские захваты и «пилили» бюджеты, обналачивали и выводили «бабло» в офшоры, вторые чувствовали себя униженными, оскорблёнными и ограбленными, иногда не без зависти поглядывая в сторону «счастливчиков». Но всё это лишь внешний, парадный фасад нашей темы. С духовной точки зрения, «лохами», то есть марионетками в чужих и ловких руках, в итоге оказались и те, и другие, причём баловни судьбы даже в большей степени, чем номинальные неудачники. Как одному из участников общенационального лохотрона, временно угодившему в стан «везунчиков», мне довелось, вернее, Господь попустил, наблюдать картину,

так сказать, изнутри, прочувствовать процесс кожей, ощутить кисло-горький вкус земного успеха. Каково это — быть на вершине горы, именуемой Богатство и Власть?

Представим себе какого-нибудь Абрамовича, сидящего, подобно пауку, в центре целой империи активов: дворцов и заводов, яхт и нефтяных скважин, банковских счетов и биржевых акций. Глаз у него, бедного, как и у всех нас, всего два, а следить надо неусыпно, причём днём и ночью, за всем хозяйством сразу и в окружности 360 градусов. А ну как украдут, обманут, сожгут! Жизнь такого бедолаги только внешне кажется сытой и праздной. На самом же деле она полна тревог и опасностей, иначе зачем нашему везунчику такая многочисленная охрана. В его жизни почти не остаётся места нормальному отдыху, человеческим отношениям и нехитрым радостям. Болезнь души, именуемая алчностью, поглощает человека целиком, и он постепенно, чаще всего против собственной воли, превращается в зверя, в собаку на стоге сена.

Последние годы перед крахом банкирская карьера всё больше тяготила и угнетала меня. Хочешь ты того или нет, но жить и трудиться тебе приходится в общей для всех атмосфере наживы и ростовщичества — дышать же этим «духовным воздухом», в котором почти нет кислорода, невыносимо трудно. К тому же конкуренция при капитализме, и не только у нас, но и на Западе, — это всегда крысиные бега. Тут не зевай: нападай или убегай. Или ты, или тебя. Как в тюрьме: не верь, не бойся, не проси. Подчиняясь закону джунглей, включаясь в эти бега, ты сам

понемногу становишься крысой. Правда, выиграть можно лишь в том случае, если ты станешь главной, самой злобной, хитрой и беспощадной крысой — так называемой крысой-львом. Есть и такая. С её помощью жители русских деревень боролись с набегами крыс на погреба и скотные двory. «Крыса-лев» — это не продукт природы. Она рукотворна. Чтобы воспитать такого монстра, несколько крыс помещают в пустую бочку и морят голодом до тех пор, пока одна не пожрёт всех остальных. Такая крыса уже не может создать семью и, будучи выпущенной на волю, станет убивать всех себе подобных в радиусе сотни метров.

С высоты духовного понимания жизни, открытого нам самим Господом, успешные ростовщики, казнокрады и олигархи тоже суть рукотворные монстры, только их «натаскивает» враг рода человеческого с помощью целой армии незримых падших ангелов. Именно они, сидящие на сундуках с золотом и презрительно сверху вниз, с усмешкой превосходства поглядывающие на «жалких людишек», и являются лохами первой величины, хотя ни в коей мере и никогда не признают себя таковыми. Дьявол же, согласно Писанию, владеет всем золотом мира. По проклятию Божьему, он обречён змеем, не поднимая головы, ползать на брюхе по морскому брению из злата и все дни жизни своей питаться землёй. Верховный дух злобы и человекоубийца от века, как его назвал Иисус Христос, он с наслаждением «ищет кого поглотить», совращая людей и наблюдая, как они «гибнут за металл». Кто из так называемых успешных бизнесменов, владельцев денег и хозяев

мира, видит эту картину, как она есть, готов признать себя высокопоставленным лохом и игрушкой в лапах дьявола? Найдётся ли хоть один?..

Мне повезло: Господь силой снял меня с этого «пробега». Вспоминаю, как буквально за несколько месяцев до начала главной в моей жизни катастрофы в обществе нескольких московских банкиров я на полном серьёзе участвовал в обсуждении, как лучше наказать нашего с ними общего должника — тот строил гипермаркеты в Солнцево и то ли проворовался, то ли запутался, то ли не рассчитал сил, но в итоге задолжал сразу двум десяткам кредитных учреждений. Подробностей я уже не помню, в сознании осталось лишь впечатление какой-то нереальности, зазеркальности всего происходящего. Группа молодых, модно одетых, ни в чём не нуждающихся образованных и порядочных людей ничтоже сумняшеся перебирала варианты наказания должника: отобрать имущество, посадить в тюрьму или и того хуже. Оглушённый происходящим, я помалкивал, хотя, возможно, именно в тот момент в душу властно пришло решение: так больше жить нельзя, это не моё, с этим надо кончать. Сегодня я без усталости благодарю Бога за то, что Он услышал мой вопль отчаяния и, попустив стечению роковых обстоятельств разрушить возглавляемый мною банк, сделал то, на что у меня тогда не хватило бы ни сил, ни решимости.

Когда в наши дни иной духовно-беспризорный подросток, замороженный телерекламой и фальшивыми ценностями века сего, пуская слюну, с возделением разглядывает витрину красивой жизни,

неплохо бы ему, горемыке, знать, а нам, взрослым, объяснить, что мир устроен совсем не так, как ему кажется. Не зря апостол возвещает: «Мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор., 3:19). Оказывается, дело не в деньгах и не в богатстве как таковом. И нищий в другой раз готов горло перегрызть тому, кто посягает на его дырявую суму. Святые Отцы справедливо замечают, что богатство само по себе не добавляет, а бедность не умаляет достоинство человека. Деньги и богатство — это всего лишь земное вещество, которое не просто ускользает из наших рук, когда душа по смерти разлучается с телом, но и вообще однажды в Конце времён сгорит вместе с землёй и всеми «делами человек». Стоит ли биться и губить свою бесценную душу за это призрачное достояние? Какая польза человеку, восклицает Спаситель, если он весь мир обретёт, а душе своей повредит? Следовательно, чтобы не стать лохом в этой жизни, надо постичь её суть и смысл, усвоить её глубинные духовные законы — заповеди, стараться, сколько есть сил, жить в согласии с ними и через это встретить Бога Живого, который готов каждому подать руку спасения и вытащить из схем и трясин дьявольского земного лохотрона.

ДУХОВНЫЕ КОРНИ РАКА

Как-то в беседе со мной известный московский проповедник протоиерей Валентин (Кречетов) высказал интереснейшую мысль о происхождении и природе рака. Почерпнул он её у своего друга, известного на весь мир академика-онколога и глубоко верующего человека. Рак, по словам учёного, — это болезнь самости, или гордыни клетки, то есть болезнь не столько телесная, сколько душевно-духовная. В физическом смысле, когда так называемые раковые клетки в организме человека начинают стремительно делиться, сгущаясь в опухоль и метастазы, чтобы в конечном счёте уничтожить организм человека, то есть здоровые клетки, мы наблюдаем лишь внешнюю сторону процесса, его, так сказать, конечный результат. Внутренние же, глубинные причины зарождения болезни, корень зла, при этом остаются непознанными. Почему в какой-то момент времени зачастую в абсолютно здоровом теле часть клеток вроде бы ни с того ни с сего начинает бешено делиться? По какой команде это происходит, и почему один человек подвержен раку, а другой нет, хотя раковые клетки есть в любом из нас? Кто или что запускает смертоносный процесс?

Человек — поразительное и непостижимое существо. Медицина, конечно, с важным видом знатока ковыряется в его внутренностях, однако к постижению его сверхъестественных тайн толком даже подступиться не может. В каждом из нас около 220 миллиардов клеток. Каждая из них по-своему уникальна и суверенна, у каждой наверняка имеется некая осо-

знанность, благодаря которой она выполняет свою функцию, свою партию в общем оркестре организма, как часть целого. Самость, или гордыня, — это тоже одно из свойств индивидуальной осознанности, присущей свободной личности. Православие давно знает о способности болезни, именуемой гордыней, погубить тело человека на земле, а его душу для вечной жизни. Гордыня зарождается в сердце на уровне тончайших эмоций и намерений, «тайных дел человеков». Отравляя сознание высокомерием и призранием к ближнему — человека ли или клетки, она наглухо отгораживает гордеца от Творца и источника жизни — Бога, который «есть любовь и только любовь, и ничего, кроме любви» (апостол Иоанн Богослов). Не Бог, заметим, отступает от человека или его клетки, а наоборот. Получается, что именно повреждённое гордыней сердце впадает в безумие самости и даёт сигнал к саморазрушению, воспринимаемый раковыми клетками буквально. Те заражают соседние клетки, и пошло-поехало... То есть причина рака кроется в сакральных глубинах человеческой души, когда и если та по свободной своей и дурной воле отказывается исполнять заповеди-законы мироздания, установленные самим Господом, прежде всего заповедь смирения и любви. Присмотримся к гордецу: сколько в нём, с одной стороны, напыщенной важности, а с другой — страшного напряжения нервов и чувств от необходимости постоянно поддерживать эту важность на высоте и защищать её от разного рода «посягательств». Сколько жизненной силы тратится впустую! Как слаба и беззащитна вне Божьего покрова

заблудшая душа! Она будто бы сама себя толкает в пропасть рака. Это с одной стороны. С другой — известны сотни случаев чудесного исцеления, казалось бы, безнадежных раковых больных, которые на краю жизни и смерти переживали глубочайшее покаяние и смиренно молили Бога о спасении. Радио- и химиотерапия нужны, спору нет: жизнь больного благодаря им порой действительно продлевается на несколько лет. Хотя что это за жизнь, если она не сопровождается изменением себя в вере и Боге, покаянием в грехах? После обработки клеток смертоносными лучами или отравляющими веществами уровня иприта тело, по сути, мумифицируется и переходит в «фазу дожития». Рак купирован, но чаще всего не побежден. В любом случае смерть по-прежнему неотвратима и маячит на горизонте. Подлинная же в истинном смысле этого слова победа над болезнью и смертью достигается только через соединение души с Богом.

ЧТО ПОЛЕЗНО ЗНАТЬ О СМЕРТИ?

Не надо быть семи пядей во лбу или обладать тонкой наблюдательностью, чтобы заметить одну престранную вещь: современный мир и населяющие его люди изо всех сил прячутся от смерти. Достаточно для начала приглядеться к себе: большинство из нас о смерти ни думать, ни вспоминать не желает, даже разговор о ней считается неловким и неприличным. «Старуха с косой» всегда рядом с нами, её ледяное дыхание насыщает ежедневные телевизионные новости и кинобоевики, где прямо на наших глазах гибнут тысячи людей. Обезумевший мир заливают потоки крови, но и их мы стараемся не относить к себе, воспринимаем вскользь, как нечто абстрактное и чуждое.

В чём дело? Почему естественный и совершенно неизбежный для каждого из нас финал становится для нашего сознания персоной нон грата? Почему, подобно маленьким детям, мы норовим спрятаться от «неприятных» известий и событий, связанных со смертью? Умирает кто-то из близких или дальних знакомых — в душе невольное облегчение и даже подленькая мысль: слава Богу, не я, не меня! Пока мы молоды, от финального рубежа нас закрывают спины родителей, а перед ними бабушек и дедушек. Но горестная очередь ни на миг не останавливается, и вот уже от черты небытия нас отделяют только родители, а дальше... никого! Как пугающе справедливы слова Эрнеста Хемингуэя: «Не спрашивай меня, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе!».

Согласно Священному Писанию, смерти как таковой изначально не было, ибо Господь её не сотворял.

То, что мы называем сегодня физической смертью, вошло в этот мир с грехом. Однако это не конец жизни, а лишь её необходимый земной этап, за которым следует переход вечной души из мира вещества в мир духов, в ту обитель, откуда она и пришла. Понятие смерти в этом смысле условно, как условен и временен наш и пространственно-временной материальный мир. Вспомним, как она возникла. Господь заповедал Адаму и Еве не вкушать в Раю от Древа добра и зла (хорошего и лукавого), а не то «смертью умрёте»! Это была не угроза, а предупреждение, и Он не карал Своих провинившихся любимых чад, соблазнённых змеем-искусителем, не проклинал их в отличие от того же дьявола и ни в чём не повинной земли. Произошло ровно то, о чём Он предупреждал: бессмертная, нетленная (не подверженная скорбям и болезням) и бесстрастная райская природа прародителей человечества в результате нарушения установленного Богом закона-заповеди — одного-единственного!!! — решительно повредилась, и смерть властно вошла в нашу жизнь. Вместе с ней, хотим мы того или нет, возник вопрос о правильном отношении человека к своей кончине. Обманывать себя, бегать от «костлявой», по-страусиному прятать голову в песок при малейшем упоминании о конечности жизни или, разобравшись в её сущности и смысле, не тратя время попусту, готовить себя к этому неотвратимому рубежу? Выбирай, человек разумный, что тебе милее! Казалось бы, из чего тут выбирать: первое — глупо и нелепо, второе — честно и полезно. Казалось бы... тем не менее мы, образованные и трезвомыслящие люди третьего тысячелетия, как малые дети, словно покоряясь какому-

то дурману, в девяти случаев из десяти глупое первое предпочитаем здравому второму.

Итак, в чём состоит «культура смерти»? Прежде всего в осознании её неизбежности. «Однажды каждому положено умереть, а потом суд» (Евр., 9:27), — предупреждает святой апостол Павел. Слово «однажды» здесь несёт двоякий смысл. Оно указывает, с одной стороны, на неизбежность того, что «положено каждому» в конце земной фазы бытия, а с другой — на неопределённость наступления этого момента для каждого человека без исключения. Отсюда следующий важный постулат «культуры смерти»: никто из нас, смертных, не способен предугадать время ухода из мира сего, если на то не будет воли Божьей. История Церкви знает тысячи случаев, когда люди высокой веры и чистоты жизни удостаивались от Господа извещения о дне или даже часе своего ухода в мир иной. Такое благодаяние касалось не только подвижников-монахов, но и вполне мирских людей, исполнивших Заповеди Христовы. Призывает иной крестьянин, проживший праведную жизнь во Христе, своих детей и внуков и велит: «В среду умру, приходите попрощаться!». И действительно, в среду во всём чистом лёжа на полатах, окружённый родными и близкими, он тихо и мирно испускает дух, что само по себе свидетельствует о его спасении за гробом. Такой конец — высшая награда и величайший итог правильно прожитой жизни. Венец «культуры смерти»! Неслучайно в литургических молитвах мы просим у Господа «безболезненной, непостыдной и мирной кончины живота нашего и доброго ответа на страшном судище Христовом».

Ещё один элемент «культуры смерти» — осознание необходимости готовиться к ней постоянно, здесь и сейчас, не рассчитывая «на потом». Ибо никакого «потом» у нас на самом деле может не оказаться. «Внезапно Судия придет и деяния каждого обнажатся», — читаем мы в утренних молитвах, готовящих нашу душу, нашего «внутреннего человека» к вступлению в очередной день, который может оказаться последним. Слово «внезапно» не имеет никакого другого истолкования, кроме как в любой момент. Следовательно, и слова Господа о том, что «время близ есть», любой здравомыслящий человек обязан понимать в том смысле, что его, времени, практически не осталось, а значит, надо спешить делать добрые дела, прощать, каяться в грехах, которых у каждого из нас с избытком, «аки песка морского», связывать свою душу с Тем, кто её сотворил и, как любящий Отец, ждёт её добровольного возвращения к Себе после разлучения с земным телом.

«Культура смерти» есть на самом деле не что иное, как «культура жизни», ибо правильная смерть открывает дверь в вечную жизнь. Человек, нашедший в себе силы «заглянуть смерти в глаза» — а это возможно лишь с высоты веры Христовой, — получает от Бога бесценный дар. Не только умом, но и всем своим естеством, каждой клеточкой своего естества, тонкими фибрами духа и души он постигает, что смерти нет. Этим разрушается самый корень десятков и сотен мелких и крупных страхов, постигается благо конечности земного бытия как юдоли печали и греха, облегчается разрыв с земными и вещественными привязанностями, которые рано или поздно

придётся оставить безвозвратно и навсегда. Святые Отцы, эксперты в «культуре смерти», не уставали повторять, что душа ещё при жизни должна осознать, понять и признать условность и конечность всякого земного владения, отношения и знания на земле, чтобы не прикипать к временному достоянию. Чем сильнее, писали они, мы увязаем во временной вещественности, отдавая ей предпочтение перед вечностью и Богом, тем труднее и мучительнее будет принудительный разрыв этих связей на смертном перевале, страшнее участь заблудшей души после смерти.

Точно так же, как грехом смерть вторглась в нашу жизнь, борьбой с грехом она и побеждается. Священное Предание, столь легкомысленно отвергаемое современными «просвещёнными умниками» и «немного учёными», буквально вопиет к нашему здравому смыслу, к нашему разуму и даже, если угодно, инстинкту самосохранения. Оно взывает: человек разумный, за что ты цепляешься на брэнной земле, если знаешь, что смерть уже поджидает тебя где-то за углом! Кого ты, наивный, пытаешься обмануть: её, себя, других или Бога? Пока у тебя остаётся некоторое время жизни, очищай душу от зависти, злобы, лжи, дурных привычек и целого вороха пагубных привязанностей. Готовься к смерти. Не переноси весь этот душевный хлам туда, где каждая из этих страстей, более не сдерживаемая телесными узами, будет с ускорением раскручиваться и жечь душу, не находя ни удовлетворения, ни передышки.

Остаётся только решить, что для нас важнее: хлопоты брэнной жизни или «культура смерти».

СОН — МАЛЕНЬКАЯ СМЕРТЬ

Чем глубже мы с тобой, уважаемый читатель, зарываемся в сложности мира сего — информационные шумы, умную технику, сетевые лабиринты и иже с ними, тем дальше мы, как ни странно, отходим от простых и полезных истин. Вспомним проникновенные слова одного из героев фильма «Покровские ворота» в адрес «отставленного, но не вполне отпущенного» экс-супруга Маргариты Павловны — Хоботова: «И такая у тебя голова, и столько в ней намешано всякого, а простых вещей не понимаешь!». Зачарованные обманной пестротой земного бытия, мы часто не даём себе труда задуматься о том, что лежит у нас буквально под носом и от чего напрямую зависит наша жизнь. Впрочем, как объясняют Святые Отцы, это легкомысленная поверхностность большинства людей вызвана не только их противоречивой природой, но и враждебной к человеку деятельностью падших «духов злобы поднебесной». В отличие от людей эти последние живут тысячи лет, не нуждаются ни в пище, ни в отдыхе, они незримы и быстры и благодаря изначально ангельскому уму научились великолепно использовать все слабости человеческого естества ради конечного погубления человека.

Одно из таких простых, буквально «под носом» лежащих явлений, которые мы незаслуженно игнорируем, — всем нам привычный сон. Святые Отцы не без оснований сравнивали его с «малой смертью». В самом деле, засыпая, кто из нас имеет под подушкой страховой полис на предмет утреннего пробужде-

ния? Ответ: никто. Но и это ещё не всё. Где пребывает, где блуждает наша душа в часы ночного забвения? Что за картины — иногда до боли знакомые, а нередко и пугающе новые — являются нашему мысленному взору в этом состоянии? Почему большинство сновидений не удерживается в памяти, а почти мгновенно после пробуждения улетучивается, словно дымок? Вопросы, вопросы...

Поразительно, но достоверным знанием о том, что происходит с душой во время сна и как трактовать сновидения, не обладают даже премудрые Святые Отцы, наученные Писанием и самим Богом. Это говорит лишь о том, что Господь предпочитает, чтобы люди не имели этого знания. Поэтому-то «маленькая смерть» остаётся для нас даже большей загадкой и тайной, чем смерть главная, итоговая, физическая. Святые Отцы категорически утверждали, что человеку не только не дано, но и бесполезно каким бы то ни было образом истолковывать свои сонные блуждания и мечтания. С полным на то основанием они считали, что во сне душа слишком беззащитна и практически лишена возможности контролировать себя, чтобы надёжно, как наяву, противостоять не прекращающимся и во сне проискам демонов-мучителей. Да, она в известной мере защищена от них божественным обетованием свободы, а ещё лучше — молитвенным испрашиванием Божьей защиты перед сном, как это делает всякий верующий человек: «В руке Твои, Господи Иисусе Христе, сыне Божий, предаю дух мой. Ты же мя помилуй, Ты ж мя благослови и живот вечный даруй ми». И всё же происки бесовские в царстве сна никогда нельзя сбрасывать

сывать со счетов: если даже при свете дня им удаётся с лёгкостью водить человека за нос, то тем паче под покровом ночи, когда душа расслаблена и теряет бдительность.

По себе знаю, что из-за обычной нашей греховности, то есть слабости и прерывистости связи души с Богом, даже горячая вечерняя молитва зачастую не избавляет человека от дурных, срамных или страшных сновидений, являющихся плодами как бесовских интриг, так и неизжитой «остаточной» греховности внутри самой души. Эта греховность в виде постыдных образов, воспоминаний и фантазий просачивается в тонкую ткань сна, чтобы, воспламеняясь происками духов злобы, ввергнуть нас в болезненный ужас и уныние. Замечено, что наиболее яростные нападения падших сил приходятся на сам момент пробуждения, когда размякшая после сна душа ещё не укрепились утренней молитвой. Именно в эту «прореху» чаще всего и лезут незваные гости-мысли, именуемые в православии прилогами: всё плохо, как я устал, ничего не получится и т.п. Лишь почувствовал такое настроение — бегом к образам, на колени и моли Господа, чтобы Он силой благодати отогнал демонов-мучителей и укрепил размякшего и раскисшего после ночного сна «внутреннего человека».

Теперь, надеюсь, понятно, почему святые наши учителя православия всячески предостерегают от обращения к разного рода гадалкам, колдунам и экстрасенсам, готовым за соответствующую мзду дать объяснения любому сну. Пустое занятие! Вещие сны случаются, но они чрезвычайно редки, имену-

ются восхищёнными и пророческими, однако посылает их благий Бог лишь тем «немногим верным», кто по чистоте души и жизни, во-первых, способен отличить вещий сон от обычного, а во-вторых, действительно достоин и нуждается в подобной помощи Божьей. Через вещий сон Господь неоднократно посылал угодным ему людям некоторые знания о будущем.

«Маленькая смерть», таким образом, есть некое вневременное состояние души, над которым мы не властны. Тем не менее именно от нас зависит, кому вверить погружённую в сон душу — дьяволу или Богу.

ОТ ЧЕГО ГИБНЕТ ПЛАНЕТА?

Эта мысль впервые пришла мне в голову, когда несколько лет назад я случайно наткнулся в телевизионном «ящике» на ток-шоу, посвящённое какой-то очередной семейной склоке. Суть очередной «бытовухи» меня, естественно, не интересовала — негоже подсматривать в замочную скважину и этим тешить бесов! — зато потрясла царившая в студии атмосфера: мужчины и женщины кричали одновременно так, что никого и ничего понять было невозможно, градус истерики и психоза нарастал, превращая студию в палату для буйно помешанных. Ведущий отчаянно пытался вернуть «дискуссию» в цивилизованное русло, но безрезультатно. Сначала меня заинтриговала «политическая» сторона дела: кто и зачем с завидной регулярностью устраивает подобные шабаши на федеральных каналах, где каждая минута эфира в миллион рублей? Получается, что мы, налогоплательщики, через шлюзы федерального бюджета сами невольно оплачиваем растрепанность и помрачение собственного сознания. Давно замечено, что для обывателя нет большей радости, чем копаться в чужом грязном белье, перебивать кости соседям или таскать сор из избы. Однако почему за дело распространения этой «психической чумы» среди населения берётся государство? Этот вопрос оставим открытым.

Чуть позже до меня дошло, что дело тут не только и даже не столько в скандальных ток-шоу. Они лишь часть общей картины, лишь звено в цепи информационно-коммуникационных ресурсов, слу-

жащих оболваниванию и одичанию человечества. В этой цепи и Интернет, и гламурные СМИ, и пресловутый шоу-биз с вездесущей модой, и реклама, и фармакологический наркокартель, и ЕГЭ с секспросветом, и ещё сотни мелких и крупных ячеек, из которых враг рода человеческого плетёт свои «намазанные мёдом сети» (Святые Отцы), чтобы во всемирном масштабе ловить и губить души человеческие.

Главная же задача врага — подавить, заглушить, затоптать или извратить естественную способность человека к любви и его тягу к правде и Богу. На ток-шоу нет места этим благородным порывам. Там, как пел Высоцкий, «все рвутся в первые, с ума сойти!». Цель — не убедить, а перекричать другого. Как на базаре — себя показать и на других посмотреть. Даже если в центре обсуждения реальная беда или драма, она уже по большому счёту никого не интересует, и сама жертва трагедии становится объектом подозрений, насмешек и иногда прямых оскорблений. И сразу не понять, что перед нами: то ли «матрица» во плоти, то ли ярмарка тщеславия.

До чего мы докатились! Что мы творим! Ведь в этом мире люди, созданные по образу и подобию Божьему, возведённые Им на царственный престол управления живой и неживой природой, призваны служить главными проводниками в мир Божьей силы — любви, чтобы за гробом окончательно и бесповоротно соединиться с Ним, стать Его сынами и богами по благодати. Бог, согласно Священному Писанию, есть Дух, и Он есть Любовь. Оно и понятно: столь невообразимо сложный вселенский меха-

низм, состоящий из мега-, макро- и микромиров, увенчанный фигурой человека, не мог быть сотворён и не мог бы поддерживаться в дивной гармонии и равновесии, в невообразимой точности и слаженности своих частей, если бы в нём присутствовала хотя бы капля лукавства и злобы. Вселенная — это океан любви, на волнах которой качается обитель человечества — Земля. И всё бы ничего, но человек от века сотворён свободным, а праотцы наши, презрев Божий завет, вкусили раньше срока от Древа добра и зла. Зло не имеет собственной сущности, ибо Бог его не создавал; всё, что Он сотворил, Он признал добром и благом. Зло есть нехватка добра, повреждённое человеком добро, точно так же, как ложь — нехватка правды, тьма — света, уродство — красоты и так далее. К великому сожалению, именно люди стали источниками разрушительной энергии нелюбви, порождённой и умноженной в поколениях первородным отступлением от Бога. Чем дальше ослеплённые эгоизмом мы отходим от Источника Любви, тем больше в нас дурной и злой воли. Она незаметно, изо дня в день, грязными мыслями, словами и делами подтачивает богоданную природу человека, превращая его в «скота несмысленного». Однако этим дело не ограничивается. Хотя человек ещё в Эдеме добровольно уступил своё царственное главенство над миром дьяволу, он продолжает, сохраняя живую связь с живым Богом, вершить судьбы земли и её обитателей. Злом он разрушает не просто себя, но и некий радиус вокруг себя: семью, дружеское окружение, общество, природу. Если индивидуального зла становится больше, то и радиус

сы разрушения и распада как бы налагаются друг на друга, образуя сплошную тёмную тряси́ну. Тогда земля и всё живое на ней незаметно погружаются в безумие и самоистребление. Если же в человеке побеждает любовь, загорается фитилёк благодати Божьей, происходит обратное: разбуженная Богом душа освещает и себя, и тьму вокруг себя. Не имея сущности, тьма слаба и не может противостоять свету, если он где-то рядом. Это вселенский закон. «Стяжи дух мирен, — говорил преподобный Серафим (Саровский), — и тысячи вокруг тебя спасутся». Тьма греха и зла — это арифметика, где один плюс один равно максимум двум. Божественная же любовь, умножающая силы, — это высшая математика света и благодати, где один может быть равен тысячам.

Сегодня мир стоит на грани экологической катастрофы. Учёные теряются в догадках — что это: результат деятельности человека или циклические природные изменения. Духовный взгляд на эту проблему не оставляет сомнений: люди в беспмятстве не просто расстроили планетарную среду своего обитания, фактически подрубив сук, на котором сидят, но и продолжают усугублять положение, обличая себя неспособностью в соразмерном беде общечеловеческом масштабе договориться о совместном преодолении нависшей смертельной угрозы. Да, именно нелюбовь, распространяясь от человека к человеку, от народа к народу, подобно раковой опухоли, разрушает не только вершину пирамиды бытия — самого человека разумного, но и все нижестоящие уровни органической и неорганической жизни вплоть до природных стихий

ОТ ЧЕГО ГИБНЕТ ПЛАНЕТА? _____

и земных оснований. Соответственно вывод: никакие ухищрения «лжеименного разума», политические интриги и научные открытия не спасут землю и её обитателей от окончательного уничтожения, если человечество, хотя бы и в малой своей части, не начнёт возвращать себе утраченный в беспмятстве свет истинной Христовой любви. Тогда, и только тогда, можно будет надеяться, что утихнут военные конфликты, помирятся обезумевшие народы, а вслед за этим успокоятся и разбушевавшиеся стихии.

ТАЙНА РУССКОЙ НЕПОБЕДИМОСТИ

Некоторые события, внешне незначительные и даже эпизодические, на самом деле глубоко отпечатываются в памяти и исподволь формируют мировоззрение. Как в капле воды содержится образ океана, так в этих неприметных вроде бы впечатлениях отражается порой самая суть нашего земного бытия.

...Середина января. Конец нулевых годов. Морозный и ветреный день. Стужа пронизывает до костей. Высмотрев из окна своей фазенды рыбаков на льду Рузского водохранилища, издавлека напоминавших чёрные кляксы на белом листе бумаги, я решил дойти до них, поинтересоваться клёвом, а заодно прогуляться. Одежда по погоде: валенки на резиновом ходу, ватные штаны, тёплая куртка, шарф, шапка-ушанка — всё как положено. Снег был не очень глубок, и до цели добрался минут за двадцать.

Эти двое, из местных, расположились немного в стороне от основной группы рыбаков. Они сразу привлекли моё внимание своим необычным видом. Одеты они были, мягко говоря, легко: один — в лёгких осенних ботинках, другой — в кирзовых сапогах, у обоих лёгкие брюки, демисезонные какие-то нелепые пальто и такие же не по погоде шапки. Оба заметно продрогли. И немудрено: на открытом пространстве водохранилища морозный ветер задувал и жёг заметно злее, чем на берегу. Об улове можно было не спрашивать, поскольку вокруг их лунок не было ни одной рыбки. Мы поздоровались, посетовали на глухозимье, когда рыба держится у дна и клевать не хочет. Я уже собрался было поворачивать восвояси, как ненароком, краем уха услышал их разговор:

— Слышь, Колян, — вымолвил посиневшими от холода губами тот, что был ближе ко мне, — может, ну его, всё одно с утра ни поклёвки. Добежим до магазина, возьмём «беленькую», хоть отогреемся.

— Да ладно тебе, — отозвался дрожащим от холода голосом второй, — п-посидим ещё часок-другой, авось после обеда пойдёт.

Я бы и забыл, наверное, об этой мимолётной и ничего для меня и для них не значащей встрече, но в дальнейшем по мере погружения в общественно-политическую публицистику и размышления о вызовах и угрозах, нависших над нашей многострадальной страной, этот эпизод вдруг вспыхнул в моей памяти, освещая и объясняя метафизическую природу русской непобедимости. Мне вдруг подумалось: поместив на место этих простых сельских ребят их сверстников из Америки, Голландии или Германии, которую мы по старой памяти уважаем как достойного противника, они ведь не то что терпеть не станут «ещё часок-другой», а попросту замёрзнут или в панике убегут со льда после первых же 15 минут. Феноменальная неприхотливость и выносливость русского человека, готового из азарта или нужды терпеть даже то, что для любого другого смерть, вот уже тысячу лет делает его непобедимым. Современное оружие, все эти танки, самолёты и подводные лодки, хорошо лишь тогда, когда внутри «железа» сидит не изнеженное рахитичное растение, исполненное сознанием собственной самооценности, а воин духа, генетически, от предков — первопроходцев и землепашцев, приспособленный трудиться и побеждать в самых, казалось бы, невыносимых условиях. Именно об этой тайне кратко и сочно выразился в песне «Комбайнёры»

современный бард Игорь Растеряев: «Знают пусть враги, никогда, отребье натовское, не возьмёте нас!».

Хотя и это ещё не всё. Вторая, не менее важная часть великой русской военной тайны сопряжена с той чертой нашего национального характера, которой, пожалуй, не может похвастать ни один другой этнос на планете Земля. Речь идёт о природном, глубинном, жертвенном безразличии русского человека к земным благам и его совестливой устремлённости к небу, к космосу, к горнему.

...В начале 1970-х годов, мы, тогда ещё желторотые студенты МГИМО, как-то выехали, точнее, нас вывезли на уборку картошки в Зарайский район Подмосковья. Бригадиром к нашей группе приставили местного тракториста по имени Георгий. Представился он Жорой, и мы сразу подружились. Да и как было не подружиться с такой открытой и простой душой! Жора был вдвое старше нас и годился нам в отцы, но вёл он себя так естественно и не по-городскому прямо и простодушно, что с первых же минут общения отбил у московских «умников» всякую охоту поязвить или потщеславиться. Жора же преподавал нам первый урок настоящей совестливости. Бывало едем по полю в прицепе его трактора, и вдруг, видя груду мешков с удобрениями, брошенными кем-то посреди поля, он останавливается и говорит: «А ну-ка, хлопцы, давайте закинем эти мешки в прицеп, а то нехорошо — размокнут от дождя, и удобрения пропадут, и землю отравят». После рабочего дня он часто зазывал нас к себе домой и угощал отменной яичницей на шварках. Жора был не женат и жил с пожилой матерью в покосившейся избёнке на краю села. Избёнка была древняя, худая и кое-где даже

подпёртая потемневшими от времени лагами. Такой очевидный непорядок искренне удивлял и даже возмущал нас, городских перфекционистов. «Жора, — не раз и не два зывали мы к нему, — ты же мужик непьющий, рукастый, бригадир! Чего тебе стоит выписать в совхозе леса и срубить новый хороший дом взамен этого хлама?». В ответ он только пожимал плечами и, отводя глаза, буркал что-то вроде: «А ну его к лешему, дом как дом, стоял сто лет и ещё простоит, авось не завалится».

В трактористе Жоре я, тогда ещё этого не сознавая, разглядел вторую системную составляющую русского воинского характера. «Русский человек, — писал один из наших историков, — токмо тогда себе добро сделает, когда к тому принуждён будет». Западный обыватель в жизни своей обращён к долгу, к земле и житейским надобностям. Немец или голландец на месте нашего Жоры давно бы уже, конечно, справил бы себе новый дом, отремонтировал покосившийся палисадник, в общем, как говорится, «навёл марафет». Русский человек другой. В нём живёт затаённая отрешённость от «бытовухи», душа его неосознанно ищет иных смыслов и запредельных высот; если же не находит таковых, страдает, протестно замыкается в себе и ищет забвения, нередко в «зелёном змие». Правда, стоит лишь зазвучать боевой трубе, зовущей спасти мир, поворачивать реки вспять или лететь на Луну, эта душа с такой же лёгкостью бросает пьянство, и на месте вчерашнего безнадёжного забулдыги изумлённому взору мира предстаёт неустрашимый и неодолимый воин-победитель, суворовский чудо-богатырь!

ОДНИ ЛИ МЫ ВО ВСЕЛЕННОЙ?

Космос всегда рядом. Мы окружены им со всех сторон и отделены от его мертвящего ледяного безмолвия неосязаемой оболочкой атмосферы толщиной в каких-то несколько десятков километров. Подумать страшно! Ясными ночами он приближается на расстояние вытянутой руки, подавляя своей звёздной необъятностью и непостижимостью. В такие моменты волей-неволей задумываешься: что это за необъятность, наполненная 300 миллиардами звёзд, чёрными дырами, галактиками и млечными путями? Одни ли мы во Вселенной или всё-таки правы те — а их большинство, кто верит в НЛО, «зелёных человечков», параллельные миры и прочую фантастику? Почему взоры землян с нарастающей тревогой и надеждой устремляются в чёрные глубины космоса? Чего мы ждём оттуда — помощи высшего разума или на худой конец спасительного убежища?

Ответы на эти «сердитые» вопросы не найти в плоскости рационального мышления. Современная наука, сколько ни старается, не может найти объективного подтверждения реальности НЛО и других воображаемых пришельцев. Насколько мне известно, сейчас среди серьёзных учёных начинает торжествовать та точка зрения, что бесчисленные факты так называемых контактов с внеземными цивилизациями, которыми грезит половина западного человечества, начиная с середины прошлого века, есть не что иное, как некие проявления тонкоматериальной или психической деятельности за гранью нашего вещественного мира, но ни в коем случае не реальные материальные объекты.

Православие на этот счёт высказывается ещё более жёстко и категорично: никаких НЛО нет и в помине, разноцветные человечки, летающие тарелки и прочие чудеса — это всего-навсего изощрённые проделки «духов злобы поднебесной», проще говоря, бесов. Именно об этих «чудесах» и небесных огненных знамениях, как предвестии Конца времён, прямо упоминается в «Апокалипсисе» апостола Иоанна Богослова. Бесы невидимы, быстры и по-своему могущественны, ибо обладают пусть и падшим, но всё же ангельским по природе умом. Некоторые Святые Отцы, которым по чистоте жизни Господь даровал видеть незримое, с ужасом сообщали, что всё воздушное пространство над землёй вплоть до неба, где начинается Царство Божие, настолько плотно забито этими звероподобными тварями, что «за ними солнца не видно». Вот они и устраивают воздушные потехи и зрелища в расчёте смутить или устроить неустойчивые умы людей. Признаться, мне и самому, находясь с дипломатической миссией в Сирии где-то в конце 1980-х годов, довелось воочию наблюдать одну из таких потех. В тёмном небе над мной на высоте нескольких километров перемещались пять – семь разноцветных точек. Они то выстраивались в правильные геометрические фигуры, то с огромной скоростью расходились в стороны — одним словом, совершали такие манёвры, которые, вне всякого сомнения, не под силу никаким нашим летательным аппаратам. Что это было, не знаю до сих пор, хотя теперь, осознав и всем сердцем приняв духовную правду Христову, я не мучаюсь в догадках. И вот почему.

Святоотеческое учение, выросшее из живого наследия воплотившегося Бога, утверждает, что мы, люди, одиноки во Вселенной, и никаких других человекообразных и вообще разумных существ в космосе нет. В пользу этого прежде всего и главным образом говорит тот факт, что на переломе человеческой истории две тысячи лет назад ради спасения человечества из рабства страстям и греху на Землю благоволил спуститься, Духом Святым воплотиться и в итоге принять лютую крестную смерть на Голгофе сам Бог-Слово, Иисус Христос. Явление такого масштаба и силы не могло не потрясти все уровни и сферы видимого и невидимого миров в масштабах Вселенной. Но оно могло произойти только единожды, только на Земле и только ради тех, кого Господь сотворил и назвал своими «любимыми чадами». Никаких упоминаний об иных населённых мирах в Священном Писании нет. А значит, их нет и на самом деле. Для верующего сердца, открытого Богу, это так же очевидно, как дважды два четыре, а безмолвие и безжизненность космоса — лишнее тому подтверждение. Все выдумки, догадки и фантазии насчёт иных миров смело, хотя и не без досады, отнесём к области досужих домыслов слабого и падкого на всякие небылицы человеческого разума, добровольно оторвавшегося от Бога. Нервный и обострённый интерес к «гостям из космоса» по-своему вполне объясним. Наша отягощённая пороками и злодеяниями цивилизация с ускорением катится в тартарары, и, кстати, начало этого ускорения с полным основанием можно отнести к той самой середине XX столетия, когда и вспыхнул всемирный интерес к НЛО и «зелёным пришельцам». Человек, как бы ему ни

ОДНИ ЛИ МЫ ВО ВСЕЛЕННОЙ? _____

морочили голову байками про научно-технический прогресс и прочие достижения «светлого разума», остаётся существом биопсихическим, с тонкой врождённой интуицией, способной улавливать в том числе и сигналы надвигающейся глобальной катастрофы. Каждый из нас, если даст себе труд прислушаться к пульсу души — чутью «внутреннего человека», обязательно обнаружит эти томительно-пугающие сигналы, нарушающие душевный покой и днём, и ночью. Белки и олени со всех ног бегут из леса задолго до наводнения или пожара. Мы уступаем братьям нашим меньшим в животной чувствительности, однако не всё же мы растеряли, безоглядно двигаясь по дороге пресловутой эволюции и прогресса! Вот почему движимые неясным предчувствием планетарной беды в отсутствие должного упования на Бога мы начинаем охотно поддаваться на проделки и подсказки бесов, вглядываясь в звёздное небо. Где они, наши спасатели с других планет? Отчего не спешат к нам на помощь, чтобы поправить наши донельзя расстроеныя дела, очистить землю, отравленную и загаженную «цивилизационными отбросами», а ещё лучше — увезти нас с Земли куда-нибудь в более благоустроенное — читай: нами же ещё не загаженное — место? А если нет, то мы и сами соберём экспедиции боевых межпланетных кораблей и отыщем себе новую родину. Зачем инопланетянам такой «подарочек» или где гарантии, что вожделенные нами «далёкие планеты» не постигнет горькая участь родной Земли, и в толк не возьмёшь.

Ничего у нас не выйдет, пока не изменим себя. Земля, как живой и сотворённый Богом ковчег, вверенный попечению человека, не отпустит своих

«питомцев». Наши ракеты более полувека буксуют на околоземной орбите, словно чья-то всемогущая рука привязала их к планете невидимыми сверхпрочными нитями. «Громяющие петарды» — так не без сарказма называл современные ракетоносители мой ныне почивший знакомый профессор медицины М.И. Фомин. «Куда нам лететь, — подтрунивал он, — с таким коротким сроком жизни, полем тяготения и ракетами-тихоходами!». И вправду, как можно разумному человеку всерьёз воспринимать идею колонизации Марса, если создание мало-мальски приличной биостанции на Красной планете обойдётся человечеству в сумму, не меньшую, чем озеленение целого африканского континента. Землю надо спасать, а не глупостями заниматься!

Итак, в точном соответствии с божественным Откровением Земля бесконечно одинока в гигантских просторах космоса. Правильнее было бы даже сказать так: вся Вселенная есть невообразимо сложный и сотворённый Богом механизм, важнейшей функцией которого является — как не диковинно это звучит для нашего «просвещённого» сознания! — поддержание жизни человека на Земле. В пользу этого тезиса говорит и тот зафиксированный Священным Писанием факт, что в Конце времён сгорят не только Земля и все людские дела на ней, но погаснут светила, и само небо свернётся как свиток. Вселенная в том виде, в каком мы наблюдаем её сейчас, перестанет существовать, она «придёт», уступая место новой Земле и новому миру, где не будет ни плача, ни воздыхания. Именно туда, в Новый Иерусалим, в небесное Царство Божье, и влечёт нас Господь, при-

ОДНИ ЛИ МЫ ВО ВСЕЛЕННОЙ? _____

зывая к исполнению главных духовных законов, вместо того чтобы, подчиняясь лукавым наущениям бесов, губить уникальную родную планету, рваться в недостижимые ледяные дали, забивать голову небылицами или прикрывать собственное невежество вкуче со страстями, пустыми надеждами на мифический инопланетный разум. В это трудно поверить — слишком уж громаден космос и на его фоне мал человек, но, наверное, с таким же недоумением столкнулся бы разумный микроб, окажись он на поверхности оси, вращающей стрелки кремлёвских курантов. Легко ли было бы ему понять и признать, что вся эта хитроумная и огромная махина, состоящая из странных конструкций, служит одной-единственной цели — передвижению стрелок по циферблату? Наше счастливое отличие от микроба состоит в том, что нам есть кому подсказать. Творец Вселенной не просто спас нас от вечной смерти, но и сообщает «человекам» все необходимые и достаточные для них сведения об устройстве мироздания. Больше, чем надо, не сообщает, во-первых, из-за ограниченной ёмкости нашего ума; и во-вторых, из опасений, что избыточными знаниями взбалмошное и жестокое человечество способно себя погубить.

О, как было бы здорово, если бы, следуя примеру и учению Христа, люди отбросили бесовские иллюзии и собственные рациональные галлюцинации, чтобы все наличные силы направить на исправление себя, своих уже совершённых ошибок и недопущение новых!

ВСТРЕЧА С ЖИВЫМ БОГОМ

Бог по-разному являет себя людям. Почему по-разному, тоже отчасти понятно: каждый человек уникален, у каждого свой организм, унаследованный от предков, условия жизни, судьба, наконец. С одной меркой ко всем не подойдёшь. Если уж среди семи миллиардов людей не найдётся и двух человек с одинаковыми отпечатками пальцев, то тем более нет одинаковых душ. Своя душа — загадка, чужая — потёмки, и только Всевышний, сотворивший человека, держит каждую душу на ладони, видит её насквозь, знает, чем она больна и как её лечить. Известно Ему и то, как предъявить Себя избранной душе, чтобы встреча с Живым Богом не стала для неё ударом, а принесла пользу. Естественно, в каждом случае Господь находит Свой одному Ему известный и притом наилучший способ личного «знакомства».

Однажды духовник «Переправы» архимандрит Лука (Ионов) рассказал такую историю. До пострижения в монахи он был призван на воинскую службу. Среди новобранцев в их взводе оказался сельский паренёк, носивший нательный крестик. Годы были строгие, страна шагала к коммунизму, и такой явный вызов атеистическим устоям не мог пройти мимо внимания начальства. Сержант предложил нашему герою снять крестик. Тот отказался. Тогда в дело включились старшина, лейтенант, и пошло-поехало. Какими только весомыми доводами не увещевали несчастного парня, как только не стыдили, чем не угрожали! Всё без толку, он упрямо держался своего: не сниму, хоть режьте! В казарме сослужив-

цы по вечерам тоже донимали его на свой лад: подумаешь, эка невидаль, сними крестик или объясни, в чём дело! История, рассказанная пареньком, потрясла всех до глубины души.

Это было за год до его призыва, во время посевной. Молодой ученик тракториста полез под трактор за какой-то надобностью, и в этот момент двигатель взорвался. Дальше лучше привести прямую речь главного действующего лица: «Лежу я, ребята, и вижу, что мне прямо в голову летит болт. Вспоминаю, как мама учила меня говорить «Господи, помилуй!», если будет страшно. Шепчу «Господи, помилуй!», и болт перед моим лицом поворачивает на 90 градусов и проходит мимо головы. Как же я могу, братцы, снять крестик, отказаться от Бога, предать его?».

Все слушали эту исповедь затаив дыхание, как будто время внезапно остановилось, и что-то грозное и таинственное наполнило собой казарму. Никто даже не подумал усомниться в словах рассказчика: как ему удалось увидеть болт, да ещё и успеть прочитывать молитву, если всё произошло за считанные доли секунды?

Не буду углубляться в детали. Перед нами один из бесконечной вереницы примеров посещения Богом человека. Нашему герою несказанно повезло, ибо он буквально увидел Творца в самом для Него главном деянии — спасении человека. Это большая редкость, объяснимая, возможно, тем, что душа этого юноши была по каким-то причинам, предположительно связанным с его предками, особо приятна и дорога Господу. Но, если задуматься и порыться в

архивах памяти — а дело это стоящее, — многие из нас наверняка припомнят за собой случаи необъяснимого избавления или помощи свыше, мгновения неизъяснимой радости, покоя или озарения. Как часто мы проходим мимо этих более или менее очевидных знаков внимания к нам со стороны Бога, не предавая им должного значения или пытаясь затолкать эту непостижимость в спичечный коробок своих рациональных шаблонов: «случайность», «совпадение», «не может быть» и т.п. В этих случаях мы, сами того не желая, обижаем Бога, уподобляясь чеховскому «учёному соседу» с его характерной отговоркой: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!».

РЕПЛИКА СТАРЦА ИЛИИ

С известным старцем мне довелось встречаться несколько раз и в разных местах — от Оптиной пустыни до его импровизированной приёмной в подмосковном Переделкине. Самая же короткая и важная для меня беседа состоялась лет десять назад как раз в Оптиной, куда по настоянию жены я приехал в поисках выхода из затянувшейся депрессии. В целом дело тогда уже шло на поправку, болезнь нехотя отступала, и через «не могу» я потихоньку возвращался к нормальной жизни. Сил в тот момент хватало даже на то, чтобы увлечься эзотерическими трудами Толле, Ошо, Цунэтомо и иже с ними. Эзотерикам не откажешь в умении увлечь читателя захватывающими сюжетами из жизни души и приёмами её успокоения. В этих практиках были ссылки на Будду и Брахму, Конфуция и Фрейда. Не было там только одного — истинного Христа и Бога-Троицы, впрочем, в тот переломный период я ещё этого сполна не осознавал — больная душа жила будто в тумане. Меня тогда больше занимала психотерапия, нежели религиозная достоверность. Оживление ума дошло до того, что в несчастной моей одурманенной эзотериками голове начали складываться собственные диковинные концепции выхода из психологических тупиков. Конечно, это был бред, созданный больным воображением и приправленный энтузиазмом «первооткрывательства». Но я-то тогда этого не знал, не сознавал. Самодовольная и шальная радость переполняла мою душу. Хотелось с кем-нибудь немедленно поделиться, кому-то помочь — вот и приступил я

со своими идеями к старцу Илие, быстро семенившему по главной дороге обители в окружении неизменной паствы. Стараясь говорить кратко и ёмко, я в двух словах изложил бабушке свою позицию. Он выслушал, склонив голову, а потом как-то вполборота остро посмотрел мне в глаза из-под куколя и тихо, ласково так произнёс: «В православии всё есть, сын мой!». И пошёл дальше, оставив меня посреди дороги в полной растерянности, недоумении и чуть ли не обиде на столь пренебрежительное отношение к моим изысканиям. И это всё! Сказочные хрустальные замки будущих психотренингов на базе «открытого сознания», громоздившиеся в моём воспалённом воображении полгода, а то и год, после одной этой фразы словно рассыпались на куски и растаяли, как апрельский снег. Одиноким и раздосадованным я глядел вслед уходящему старцу, ещё не понимая, что в жизни моей в этот момент произошёл коренной перелом, болезнь окончательно повержена, а испытанный мною шок был ничем иным, как естественной горечью, вызванной приёмом сильнодействующего духовного лекарства.

Много позже мне открылась вся глубина бабушкиных слов. В православии действительно всё есть, и это всё настолько же превосходит суету эзотериков и язычников, насколько Небо отстоит от земли. Правда, чтобы убедиться в этом, надо многое изучить и испытать, ощутить «вкус православия», через боль и сопротивление грешного сердца освятить грязные уголки собственной души светом трезвения, покаяния и правды Христовой, что намного мучительнее любого внешнего страдания. Только при этом усло-

вии расколота на тысячу частей падшая душа начнёт понемногу, подчиняясь благой воле Божьей, собираться в единое и сильное целое. Только тогда в точном соответствии с учением Святых Отцов начнут разлепляться сердечные очи «внутреннего человека», и он, всё ещё слабый и неверный, щурясь и страшась, впервые в жизни окинет взором подлинную, великолепную в своей красоте и гармонии картину мироздания. Не ту, что мелькает перед нашими усталыми и полужакрытыми глазами подобно киноленте, а другую — объёмную и реальную, которую творит дух Божий.

С отцом Илиёй мы так ни разу и не возвращались к той первой и мимолётной нашей встрече. Не уверен, что он вообще помнит о ней. Я же до последнего своего дня буду благодарен ему, открывшему мне величайшую тайну Вселенной.

АДАМОВ КРЕСТ, ИЛИ «Я НЕ ЗВЕРУШКА»

В одной из книг отца Серафима Роуза я прочитал о том, что в Америке повально закрываются центры изучения дарвинизма. Основание — признание того, что учение Чарльза Дарвина об эволюции видов не может быть признано полноценной теорией и, по сути, является ничем не подтверждённой гипотезой. Почему-то этот факт сильно меня тогда взволновал и послужил толчком к следующим размышлениям.

Кому и зачем нужна так называемая теория Дарвина? На первый взгляд ответ очевиден: науке. Но вот наступает момент, когда уже сама наука выталкивает эту «теорию» из своих рядов, признавая её необоснованной. Тогда кому же ещё она нужна и почему дарвинизм до сих пор преподаётся в школах как единственное «научное» объяснение происхождения человека и живой природы? Если рационально решить эту загадку нельзя, остаётся применить метод духовного анализа, то есть выяснить, чей дух сотворил эту форму — учение Дарвина — и продолжает изо всех сил держать его на плаву.

Лично для меня ответ очевиден: это дух дьявола и дела рук его. Попробую обосновать. Кому, как не врагу рода человеческого, выгодно внушать ненавистным людишкам, то есть нам с вами, что произошли мы не от Бога — «Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым», а от несмышлёной обезьянки? Приём, применяемый в данном случае «лжецом и отцом лжи», весьма тонок. Если признаётся, что человек произо-

шёл от зверя, то вся последующая эволюция автоматически приобретает положительный знак. В самом деле, даже если взять за образец самого последнего, грязного и падшего человека и сравнить его с «пращуром» — приматом, мечущимся или изнывающим от скуки в клетке зоопарка, эволюционное превосходство первого над вторым всегда будет несомненным. Один может мыслить, говорить, трудиться, а другой, хоть убей, нет. Тогда невольно в душе человека, и без того склонной к самообольщению, вспыхивает чувство гордости и превосходства перед «предком». Возникает то, что Святые Отцы именуют «прелестью», то есть ложно завышенным мнением о себе. Ведь этого и добивается дьявол!

Иное дело, коли за точку отсчёта в развитии человеческой цивилизации берётся образ первозданного Адама, как его нам описывает Книга Бытия в Ветхом Завете. До своего грехопадения сотворённый Богом из праха земного и от дыхания Его первородный Адам обладал такими феноменальными свойствами и способностями, о каких современный человек и мечтать не может. Как образ и подобие Божие, Адам изначально был бессмертен, бесстрастен и нетленен (то есть не страдал от болезней и ни в чём не нуждался). В Раю он нарекал имена животным, которых приводил к нему Господь. Согласно толкованию Святых Отцов, возведённый в ранг царя над всем растительным и животным миром земли, вплоть до демонов, наш предок мог прозревать души животных. Не исключено, что точно так же Адаму было по силам пронзать мысленным взором пространство мега- и микромиров. Грехопадением

первые люди отсекали себя от потока Божественной благодати, и их природа серьёзно повредилась, утратив своё высшее царственное достоинство и бóльшую часть изначально естественных, как бы сейчас сказали, сверхспособностей. Человек стал смертен, поскольку через грех смерть вошла в наш мир, страстен и тленен. Не Бог наказал Адама и Еву, но они сами, нарушив открытый им Богом духовный закон — заповедь «Не вкушать с древа добра и зла, не то смертью умрете», вызвали тяжелейшее повреждение собственной богоданной природы, а заодно и уступили своё царственное достоинство дьяволу, «ибо, согласно Писанию, кто кому покорился, тот тому и раб».

Бремя первородного греха через механизмы наследственной телесно-душевной преемственности тяжким грузом легло на плечи всех последующих поколений людей вплоть до нынешнего, вплоть до Конца времён. Более того, в борьбе с дьяволом и грехом из века в век мы, люди, начали терпеть нарастающие поражения. Поэтому многие мыслители не без оснований считают общий ход человеческой истории не эволюцией, а инволюцией, движением не вверх, а вниз. Этот тезис многим покажется небесспорным, однако даже в рамках жизни двух-трёх поколений легко можно увидеть, как стремительно деградируют наша речь и нравы, как растёт одиночество и усиливается взаимное ожесточение людей.

Получается что-то вроде «Адамова креста»: мир, лежащий во зле, через науку, технику, школу и СМИ внушает мне, что, мол, всё хорошо, что я прогрессирую и вместе со всеми

двигаюсь вверх, а в доказательство неявно предлагает сравнить себя с древним пращуром — дикой обезьяной. Христианство обосновывает кардинально иной подход к происхождению, состоянию и развитию человека, рисуя прямо противоположную динамику: с высоты Адама — вниз под уклон. Буквально крест-накрест относительно теории Дарвина. Каждому человеку самому предстоит сделать выбор, кому поверить — Богу или дьяволу, Священному Писанию или земному теоретику. И это самоопределение, заметим, представляет собой не навязанные извне досужие философские мудрования, а голую правду жизни, болезненный, но честный выбор пути: либо вместе с основным потоком падшей цивилизации безвольной щепкой плыть под уклон с широко закрытыми глазами на потеху бесам, либо, стиснув зубы, карабкаться вверх к святыне по имени Бог, по крохам выдавливая из себя ветхого и грешного человека. Тогда, быть может, даже иной городской умник, обвешанный гаджетами, ощущая божественный вкус свободы от греха, от избытка чувств однажды воскликнет: «Православие — это круто!».

НЕ ХОЧУ ДЫРЯВИТЬ СКАФАНДР!

Есть у меня друг — Алексей Вайц. Сам себя, представляясь, он любит называть «русский парень Лёха Вайц». По происхождению Лёха немец, предки которого с середины XVIII века верой и правдой служили русским царям. По душе и сердцу он русак на все сто процентов. По профессии — многостаночник: лётчик, актёр и режиссёр театра, политехнолог, мотоциклист и старший офицер «Ночных волков». Он-то, Лёха, и поведал мне эту маленькую историю из своей жизни.

Однажды с группой «Ночных волков» на мотоциклах и «в цветах», то есть в полном байкерском облачении в виде шлемов, кожаных жилетов с пёстрыми нашивками, указывающими на ранг в братстве «волков», всевозможной защитой и прочими атрибутами мотоциклетного сословия, Лёха отправился в одну из подмосковных колоний для малолетних преступников. Сначала, как водится, мотоциклисты провели показательные выступления: трюки, прыжки, молниеносные развороты на месте. Счастливые зрители не могли сдержать восторга. Они кричали, свистели и изо всех сил хлопали в ладоши. Потом все перешли в актовЫй зал для беседы. Вопросы градом сыпались на гостей со всех сторон. Лёхе достался, пожалуй, один из самых каверзных: носит ли он татуировку?

— Нет, — ответил Лёха, и по залу пронёсся гул удивления: как же так, такой крутой дядька, и без единой татуировки!

— Почему? — донёсся голос из последних рядов, и весь зал замер в напряжённом ожидании.

— Просто не хочу дырявить свой скафандр, — объяснил Лёха и кратко, под гробовое молчание аудитории рассказал ребятам, что каждый человек состоит из тела и души, причём тело для последней служит как бы оболочкой, защитным одеянием, или, попросту говоря, скафандром. А скафандр надо беречь. Станет ли космонавт, будучи в здравом уме, дырявить и портить свой скафандр, в котором ему предстоит выходить в открытый космос, где температура ниже двухсот градусов?

На том и сошлись. Для ребят, думается, этот ответ стал поводом поразмышлять о том, как непросто устроен человек. Лёха этим неожиданным ответом и пояснениями, возможно, вызвал в них целый шквал мыслей о внутреннем и внешнем «человеках», особенностях их природы, происхождения и судьбы как здесь, на земле, так и там — в духовном мире, куда живая душа — «внутренний человек» — навечно переселяется, разлучаясь с телом-скафандром.

Я же лишний раз убедился, что в нынешней России тюрьмы, как ни странно это звучит, похоже, становятся местами обретения Бога. Совершая преступления, лишаясь свободы, терпя связанные с этим «гневы, нужды и скорби», человек, особенно юный, невольно начинает задумываться о смысле жизни, о тех вещах, до которых на воле часто руки не доходят. Здесь же времени хоть отбавляй. Слава Богу, что профильное ведомство, курирующее места заключения в России, возглавляет сейчас верующий человек, и в большей половине современных тюрем действуют православные храмы. Остаётся только поражаться печальному оптимизму моего друга

и наставника отца Михаила (Резина), курирующего в Ардатовском районе, что близ Дивеева, несколько колоний для малолетних преступников, который сказал: «Чтобы сегодня по-настоящему уверовать в России, надо сесть».

СЧАСТЛИВЫЕ ВЫ, РУССКИЕ!

В жизни бывают встречи, на первый взгляд эпизодические и малозначащие. Тем не менее они не улечиваются из памяти, а накрепко врезаются в неё, неся некий стержневой смысл и помогая понять что-то очень важное. Встреча с архиепископом Мюнхенским и Баварским Марком точно относилась к этому разряду.

Дорога из Мюнхена до обители архиепископа на машине заняла не более получаса. Монастырь небольшой, неприметный, затерявшийся среди одноэтажной Германии. Да и монастырём его по нашим меркам не назовёшь — не дотягивает. Ни тебе высоких каменных стен, ни величественных храмов, ничего такого. Так, несколько приземистых деревянных зданий, скромная церквушка и изгородь в человеческий рост.

Архиепископ произвёл на меня куда более сильное впечатление. Моложавый, худощавый, высокого роста, с окладистой, чуть седоватой бородой и пронзительными внимательными глазами, он радушно встретил гостя из России, провёл в свою небольшую приёмную, где один из братьев накрыл стол с настоящим самоваром, вареньем и пахучим чаем на травах. Говорили о многом и разном, о чём конкретно, сейчас, спустя десять лет, и не вспомнить. Осталось лишь общее впечатление от чисто русского гостеприимства, какой-то необычной для наших времён и почти уже утраченной в России интеллигентности и чистоты речи, да ещё, пожалуй, одна мысль, высказанная под занавес беседы. «Знаете,

Александр Иванович, — с оттенком грусти и даже, я бы добавил, какой-то неизъяснимой обречённости произнёс Марк, — вы, русские, счастливые. Ваша молодёжь, несмотря на большевистское лихолетье, по-прежнему слышит зов Божий. Понимаете, о чём я говорю? Вы приходите в школы или вузы, собираете целые форумы вроде селигерского и говорите с ними прямо о Боге и вере. А тут и заикнуться нельзя — засмеют, зашикают, заболтают. Западная молодёжь, как ни горько это признавать, в основном духовно мертва, а в России она живая».

Сколько раз после той беседы я убеждался в истинности слов православного германского архиепископа! Сколько раз перед той или иной встречей с образованной молодёжью меня предупреждали: «Вы там, пожалуйста, о Боге не очень, аудитория не воцерковлена, могут возникнуть сложности...». И что же? Ни одного особого срыва в моей практике не случилось, хотя аудитории были разные и почти всегда неподготовленные. Это неважно. Наша молодёжь, может быть, и далека в основной своей массе от православия, однако она не чужда ему, и то, что в этой среде до сих пор царит духовное невежество, не их вина. Это их беда, вина же — наша общая, трагическая... Однако поправимая.

МУДРЫЙ СОВЕТ ОТ ВАЛЕНТИНА КУРБАТОВА

С Валентином Яковлевичем меня связывают долгие годы дружбы и духовного единomyслия. Писатель, почти классик, член президентского Совета по культуре, он не в самые молодые свои годы, живя во Пскове, неустанно объезжает всю матушку-Россию и всяческое зарубежье, организуя и возглавляя литературные вечера, дискуссии, конкурсы. Дивным образом в этом человеке сочетаются скромность и масштабность личности. Он-то и научил меня однажды правильно обращаться с информацией.

...Дело было под Псковом. Мы сидели на открытой веранде ресторана в загородном отеле «Плесков», наслаждаясь летним теплом, непередаваемыми ароматами соснового бора и восхитительным видом на зеркальную гладь Псков-озера. Говорили о том о сём. Признаться, меня давно занимал вопрос, как Валентину Яковлевичу удаётся всегда быть в курсе событий, как он работает с информацией. Ответ мэтра потряс меня: никак. Я потребовал объяснений. Видите ли, А.И., дело в том, что я давно уже отвык специально следить за новостями. Понимаю, что в контактах с людьми или прессой нельзя опростоволоситься, но телевизор почти не смотрю, газет особо не читаю. Как же быть? Всё просто: Господь сам, одному Ему известными путями, подаст мне всё, что нужно знать на данный день и час. Как это выглядит? Бывает, утром открываю форточку и слышу громкий разговор соседей во дворе. Потом жена включит радио, и оттуда донесётся что-нибудь этакое. Едешь в трамвае, обязательно станешь невольным свиде-

телем или слушателем свежей информации. И так, по сути, каждый день. Наверное, здесь мы соприкасаемся с одной из таинственных граней божественной заповеди: «Ищите прежде царства небесного и правды его, и все это приложится вам» (Мф., 6:33). Под словом «это» Спаситель подразумевает множество вещей и разумных потребностей человека, включая сюда и нашу с вами заботу об информационной пище. При этом Господь в отличие от нас не даст своему чаду ничего сверх нормы, а лишь в границах полезности и разумной достаточности.

Тот разговор не просто запомнился мне. Незаметно и естественно совет моего старшего друга стал для меня руководством к действию, вошёл и в мою повседневную жизнь. Правило это действует безошибочно и безотказно, хотя думается мне, что непременным условием такой Божьей заботы является добровольное и неустанное пребывание человека в Боге верой, молитвой, церковными таинствами, чтением священных книг и борьбой со своими неисчислимыми страстями. Оно и понятно: Бог, писали Святые Отцы, спасает нас не без нас, однако, если духовный контакт с Творцом состоялся и устойчиво поддерживается, Он, всевидящий и всезнающий, уже не оставит верного Себе вниманием и заботой.

СВОЙ — ЧУЖОЙ

Редко мы задумываемся над этим вопросом. Всё недосуг, всё бегом, как белка в колесе, а задуматься есть над чем. Вокруг каждого из нас десятки и даже сотни людей: одни ближе, другие дальше, третьи вообще мелькают на экране телевизора, и их почему-то приходится выбирать начальниками над собой... А личные отношения? Вспомним нетленные строки Евтушенко: «О сколько странных и ненужных связей, дружб недужных!.. Эй, кто-нибудь, приди, нарушь чужих людей соединённость и разобщённость близких душ!».

Ошибки в определении «свой — чужой» тоже, понятно, бывают разного калибра. В разведке они сродни самоубийству. В бизнесе — долготу, порой мучительному и нередко опасному для жизни разочарованию. В семейных отношениях это разочарование может длиться всю жизнь, и тогда останется лишь утешаться поговорками вроде «любовь зла, полюбишь и козла», «стерпится — слюбится» и иже с ними.

В общем, ясно, что перед нами действительно большой и важный вопрос. Как в океане встречных людей разглядеть своего и избежать чужого? Возможно ли это, есть ли такие «технологии»? В качестве исходной иллюстрации приведу свой пример. Идёт 2004 год. За пару-тройку месяцев удачливый банкир, советник столичного вице-мэра и вообще успешный во всех смыслах человек превращается в заколотого антидепрессантами, затравленного и одинокого страдальца. От сотен друзей, ещё недавно окружавших его вниманием, заботой и компли-

ментами, в одночасье остались считанные единицы — члены семьи и пяток сотрудников. Куда подевались остальные, ей-богу, не знаю и по сей день. Наверное, растворились, как сахарный песок, в кипятке моих тогдашних скорбей. Можно ли найти более наглядное доказательство тому, как глубока была моя слепота и как много совершено было ошибок в плоскости «свой — чужой»? К слову, точно такой же опыт «растворения друзей» пережил и мой близкий товарищ по имени С., занимавший высокий пост в одном из ключевых министерств нашей страны. Из тысяч друзей с ним остались единицы, когда по надуманному обвинению он на девять месяцев угодил в «Бутырку».

Впрочем, следует признать, что в подобной «шоковой терапии» есть и своя полезная сторона. К такому выводу мы как-то пришли с С., правда, уже много позже того, как улеглись наши с ним скорби и страсти. В самом деле, сколько, если задуматься, понадобилось бы нам с ним энергии, сил и нервов, чтобы с такой же хирургической точностью и скоростью очистить своё жизненное пространство от «странных и ненужных связей, дружб недужных»? Да никакой жизни не хватит! А тут сам Господь через очистительные и спасительные скорби, посланные каждому из нас, словно порывом ветра сдул весь мусор неверных отношений. Употребляя термин «мусор», я ни в коей мере не хочу обидеть кого-то из тех, кто прошагал рядом со мной часть жизненного пути: для них я оказался таким же «чужим», как и они для меня.

Теперь немного о «технологиях». Убеждён, что по-настоящему научиться отличать в толпе своего от чужого, не совершать в этой области грубых

и роковых ошибок можно лишь тогда, когда сам Господь откроет тебе глаза «внутреннего человека» и поведёт по «узкому пути» спасения. Все мы ходим в телесных скафандрах, украшенных искусной мишурой косметики, мимики и лукавства, все тщательно скрываем и оберегаем от постороннего взгляда свои души. «Всяк человек ложь», — вздыхал псалмопевец Давид, имея в виду не то, что каждый подлец и лгун, а то, что в каждом с пелёнок обязательно присутствует червоточина от грехопадения и, соответственно, склонность к греху. Получается, что круг и качество общения человека определяется прежде всего им самим, состоянием его души. Очищается душа, и она начинает с помощью Божьей притягивать к себе добрые души, отводя, наоборот, злые и лукавые. Не очищается или, хуже того, становится всё грязнее и темнее — тогда строго по принципу «подобное тянется к подобному» демоны-мучители, боящиеся света и обожающие тьму, с восторгом окружают эту душу ложными и пагубными отношениями, лютыми предприятиями, смертоносными соблазнами. Своими силами решить головоломку «свой — чужой» ни одному человеку не дано. Во-первых, мы не видим чужой души, да и окружающий мир, по словам апостола Павла, «видим гадательно, как бы сквозь мутное стекло». Настоящих «своих» до обидного мало — дай Бог, один на сотню, и без работы над собой, без подсказки свыше найти в многоликой толпе родственную душу невозможно. Во-вторых, человеческий интеллект, неподкреплённый всевидящим оком Господа, слишком слаб и узок, чтобы видеть невидимое.

Как охотно нервная, склонная к самообольщению

и лукавству природа наша — помните у Пушкина: «Меня обманывать не надо, я сам обманываться рад» — буквально заталкивает, затаскивает нас в общение с теми, кто снаружи приятен и выгоден, а внутри совсем не таков. Мы «ведёмся» на эту нехитрую приманку в надежде что-то получить без особого труда, прорваться куда-то повыше, поймать за хвост свою «птицу счастья». А в итоге? Крах, развод, слёзы, а то и ещё чего-нибудь похуже. Для освоения и правильного использования методики «свой — чужой» совсем не обязательно падать в пропасть бедствия, как было со мной. Вполне можно обойтись без этих потрясений, коих и врагу не пожелаешь. Зато обязательно надо верить в Бога и доверять Ему, делать всё, что заповедано Церковью и Отцами, чтобы содержать душу в чистоте, достойной принять Бога. Тогда уже Он, как величайшая любовь, возьмёт на себя хлопоты по обустройству жизни верного Себе человека и проведёт его сквозь все преграды и соблазны земного бытия по «узкому пути», ведущему в жизнь.

ДЕТСКИЙ САД ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Интересная штука: чаще всего поток жизни летит мимо нашего сознания, и с ним уносятся в непроглядную даль тысячи событий, встреч, впечатлений, воспоминаний, мыслей и слов. С некоторых пор я верю и знаю, что ни один из фрагментов земного нашего бытия на самом деле не исчезает, и память души, архив «внутреннего человека», бережно хранит весь этот «багаж» вплоть до мельчайших подробностей, чтобы предъявить всё, совершённое на земле, всеблагодару Судии. Потому и сказано в Евангелии: от каждого слова осудишься и от каждого оправдаешься. Бывают, впрочем, моменты, которые сразу и навсегда врезаются в сознание. словно посланцы Божьи, они незаметно формируют характер человека, становясь как бы невидимым каркасом для его личности. Иной раз поговоришь с собеседником, и хочется сразу записать этот разговор. Что-то необъяснимое внутри тебя подсказывает: это не просто рядовая беседа, а важная несущая балка, в которой остро нуждается вся конструкция твоего миропонимания.

Один из таких разговоров не так давно состоялся у меня с известным украинским музыкантом Джанго. Мы сидели в уютном кафе «Берлога», что в Крылатском, и болтали о том о сём. За окном свирепствовала метель, направляя наш разговор в философское русло. Кто мы пред Богом? Несмышлёные дети. Что наша жизнь? Детская площадка с песочницей, качелями, каруселью и прочими нехитрыми приспособо-

блениями. Как и малым детям, нам кажется, что на этой площадке мы занимаемся очень важными делами: временами дружим, потом ссоримся и даже дерёмся, строим и ломаем фигурки из песка, носимся друг за другом. При виде родителя прячемся за скамейку, и старшие делают вид, что нас не видят, хотя добрая и чаще всего нижняя часть отпрыска обычно торчит из-за скамейки. Отпрыску же в этот момент страшно и тревожно, душа трепещет, и самому себе он кажется страшно самостоятельным.

Взрослая наша жизнь, по сути, ничем не отличается от забав на детской площадке, где все мы — дети, а из таинственной вечности наблюдает за нами всеблагой и всевидящий Отец Небесный. Все мы и каждый из нас перед Ним, как на ладони, и Он видит нас насквозь, знаем мы это или нет, нравится нам или не очень. Господь призывает нас любить друг друга, беречься от травм и ушибов страстей, не прятаться от Него, ибо это опасно для нас самих. В помощь даны заповеди-законы, следуя которым человек способен прожить на земле радостную и безопасную жизнь, «исполненную днями». Мы же наперекор Ему своевольничаем, капризничаем, норювим куда-то без оглядки бежать, падаем и расшибаем носы, ссоримся и дерёмся. Господь видит всё это, но в большинстве случаев прямо и жёстко вмешаться в опасные игры Своих «детей» не может, ибо создал их подобными Себе и даровал ничем не ограниченную свободу выбора. В этом смысле Его положение уступает земным родителям. Мы не знаем, что творим, поскольку земнородный человек не обладает способностью видеть будущее, даже самое ближай-

шее. Отсюда следует простой и неопровержимый вывод: каждый наш шаг в жизни делается наугад и приходится в неизвестность. Предположим, сегодня я решил идти туда. Почему именно туда? Потому что мне так хочется, кто-то позвал или посоветовал, или ещё что-то в том же роде. Ни я сам, ни те, кто повлиял на моё решение идти «туда», не знают и знать не могут, что меня там ждёт. Может быть, совсем не то, на что я рассчитываю, а может быть, и смертельно опасное — «в снег башка попадёт, и совсем мёртвый будешь». Кто знает? А знает Бог, которому из вечности доступно будущее каждого и всех, и Он, как любящий отец, хочет каждого из нас предупредить, предостеречь, защитить, направить в нужную сторону. Но так Им же устроено, что сделать всё это Он способен, только если сердца наши открыты ему, чтобы Он мог войти и направлять земные стопы человека. «Сын мой! отдай сердце твое мне» (Притч., 23:26), — взывает Он, обращаясь к каждому из нас.

Слышим ли мы Его призыв? Беда в том, что взрослые дети способны творить недетское зло, и, чем дальше они отступают от Бога, вооружаясь иллюзией собственного величия и всезнания, тем страшнее становится жить на детской площадке под названием Земля.

ИСКУССТВО ТЕРПЕНИЯ

Есть слова очень важные и ценные, которые постепенно уходят из нашей повседневной жизни. Точнее сказать, они вытесняются или растворяются мутным потоком новодельных слов-паразитов, псевдоценностей, уродливых и порочных отношений. В этом ряду «любовь», «совесть», «благородство», «голубой» и другие. Сюда же я бы отнёс слово «терпение». Оно почти забыто, редко и неохотно употребляется, становясь незаслуженно легковесным и понемногу утрачивая свой истинный смысл. В век безудержной и разнузданной свободы греха терпение становится немодным, неудобным и нежелательным. Оно оказывается в одном ряду с другими словами-жертвами, которые в наш легкомысленный век бездумно отдаёт на растерзание врагу рода человеческого и тем приближает свою гибель.

Большую часть своей жизни я провёл в духовном невежестве и беспамятстве. Одним из очевидных следствий и проявлений тому стали резкие и довольно частые ссоры с женой. Происходили они, как теперь ясно, из-за моего нетерпения, а лучше сказать, по причине полнейшего незнания того, что есть терпение, каков его сакральный смысл и как вырабатывается это ценное качество в человеке.

Чтение Святых Отцов открыло мне тайну терпения. Оказывается, самым главным и трудным терпением для человека в этой жизни является не способность переносить боль и нужду, болезни и обиды, а терпение самого себя. Помню, как поразила меня эта мысль, когда я впервые натолкнулся на неё. Так

и есть: человек, живущий по инерции, по дурным своим страстям и похотям, не умея ухаживать за своей душой, вольно или невольно, рано или поздно превращает её, своего «внутреннего человека», в запущенное и безнадежно больное «я». Как обнажённый нерв душа содрогается и корчится от малейшего к ней прикосновения, от случайного взгляда, мимолётной мысли. Она, может быть, и не прочь стерпеть, да нет мочи. Вот и вспыхивает, как спичка, от малейшего неудобства, взгляда, слова, жеста. А если другая душа, контактирующая с ней, столь же больна и уязвима, беды не избежать. Тут и становятся духовная немощь и невежество, а не социальные условия — жильё, зарплата и т.д. — главной причиной повальной неспособности современной «просвещённой» и «свободной» молодёжи сохранять свои семьи от распада.

Как же воспитывается терпение? Первое, что приходит на ум, — стиснуть зубы и терпеть, сколько хватит сил. Это неплохо и в любом случае нелишне, ибо фиксирует благое намерение потерпеть и формирует начальный навык. Однако самой проблемы этот первый шаг не решает. Будучи одной из болезней души, нетерпение может быть излечено только вместе с самой душой. А она, как учат Отцы, исцеляется исключительно самим Богом — её творцом, но не автоматически, а в результате молитвенного обращения к Нему страждущего человека. Откликаясь на зов «Господи, помилуй!», Всевышний духом Своим входит в грешную душу и постепенно очищает её. Никому не дано знать, как это происходит, но однажды, когда назревает очередная ссора с любимым

человеком или просто соседом, в голову вдруг является простая мысль: «Что это со мной? Не лучше ли промолчать, не отвечать взаимностью, не служить стенкой для обид! Ведь передо мной такая же больная душа, как и моя, она искрит и взрывается. Кто-то должен уступить и потерпеть — пусть же им буду я!». Таким образом, терпение есть результат начинающегося понимания духовного механизма ссоры и желания помочь другому, пострадать за него. Это чувство сострадания не просто смягчает нравы. Оно направляет спасительную энергию любви в истрадавшееся сердце ссорящегося, оно же незримым экраном любви защищает и того, кто терпит удары от «огненных стрел» раздражения и обид.

Терпению нужно и можно учиться. Как сталь закаляется под ударами молота, так и человеческая душа набирает крепость по мере развития в себе навыка терпения. Сначала по привычке хочется с ходу вступить в перебранку. Однако не зря Святые Отцы учат, что терпение есть «молчание уст при смущении сердца». Раз стерпел, два — и через некоторое время ты видишь, с одной стороны, очевидные плоды терпения — меньше ссор и пустой траты нервов, а с другой — твоя собственная душа начинает ощущать то, что я бы назвал сладостью терпения. Это не сладость в прямом смысле слова, а, скорее всего, тонкое и приятное самоощущение душевного выздоровления и укрепления. Срывы на этом пути будут, куда без них, но и опытность при усидчивом отношении к делу тоже возрастает, тесня обиды и ошибки.

Важно ещё отдавать себе отчёт в том, что всякого рода ссоры и конфликты, будь то внутренние, скры-

тые от глаз, или внешние, в ста случаях из ста представляют собой не простые душевные потрясения и колебания, а самые что ни на есть жестокие нападения на душу человека со стороны извечных его невидимых врагов — демонов-мучителей. Отбиться от них без Бога и внимания к себе, то есть молитвы и поста, невозможно. Это выше сил человеческих. Терпение в этом смысле есть не просто способность души, а поистине дар Божий, дар любви.

КУДА ДЕЛСЯ БОГ?

Об этом забавном и поучительном случае мне рассказал один из монахов Псково-Печерского монастыря. Рассказал походя, между прочим, однако впечатление от услышанного оказалось настолько сильным, что память хранит его до сих пор.

Однажды в полуденный зной пожилой монах сидел на лавочке под кроной древнего дуба, что на северной стороне под крепостной стеной, и под молитву занимался рукоделием. Тут откуда ни возьмись к нему прибежали старшекласники из местного ПТУ, с которыми он дружил и время от времени вёл душеполезные беседы.

— Батюшка, батюшка! — возбуждённо и наперебой загалдели они. — Нам только что в школе сказали, что Бога нет.

— Как нет?! — от неожиданности старец выронил из рук своё рукоделие. — Только что был здесь. Куда же Он делся?..

ЧИТАЙ ОТЦОВ — НЕ ПОЖАЛЕЕШЬ!

После выхода из глубокой депрессии и краткого, в несколько месяцев, блуждания по дёбрям эзотерики мне посчастливилось наконец прикоснуться к творчеству Святых Отцов православия. Точно теперь уже не помню, но побудительным мотивом к этому, скорее всего, стала хлёсткая и отрезвляющая фраза старца Илии: «В православии всё есть, сын мой!». Эти слова меня одновременно и задели, и заинтриговали. Что такое православие и как оно может в себе содержать всё?

Душа моя в те дни остро нуждалась в укреплении, стабилизации, надёжной гавани, где она могла бы укрыться от остаточных потрясений и угроз только что перенесённой жизненной катастрофы. Толле и Ошо разбудили, растревожили её, однако эзотерики оказалось недостаточно, чтобы ответить на самые важные запросы исстрадавшейся души.

Забегая несколько вперёд, попробую сразу суммировать, чем меня тогда так поразила святоотеческая мысль. В книгах Иоанна Златоуста, Симеона Нового Богослова, Аввы Дорофея, Исаака Сирина, Силуана Афонского, Игнатия Брянчанинова и ещё десятков других православных авторов, от древнейших до современных, я с изумлением обнаружил следующие феноменальные особенности.

Первое. В них, как и в Евангелии, всегда говорится не о чём-то отвлечённом, а буквально о тебе самом, о том, что тебя по-настоящему волнует и тревожит в данный момент времени, независимо от того, знаешь ты это или нет. Заметил я ещё и такую деталь:

если тебя что-то мучает, открой наугад любую страницу из Отцов или в Евангелии — там обязательно найдёшь что-то для себя важное и утешительное. Надо, конечно, «вчитаться» в Отцов, научиться воспринимать их не умом, а неким духовным чутьём, действующим поверх слов. Это умение даётся не сразу, хотя, однажды возникнув, развиваясь и накапливаясь, переходя из силы в силу, как по ступеням, оно окрылит душу и вытащит её из очередного омота отчаяния и беспризорности.

Второе. У Отцов нет ни капли праздности и отвлечённости. Каждая страница содержит одну, а то и несколько ценнейших мыслей. Бывает, что ты не сразу схватишь эту мысль, неопытный взгляд проскочит мимо неё, но при повторном обращении к той же странице с чуть более высокой ступени духовной опытности и внимательности ты вдруг разглядишь её как золотой самородок в толще руды. Не то что обычная беллетристика, с помощью которой мы привыкли убивать время. Иную такую книгу прочитаешь и не поймёшь, о чём она, какую мысль содержит и есть ли она там вообще, эта самая мысль. Совершив для себя это открытие, я почти сразу и без малейших сожалений предпочёл Отцов всем пустопорожним книгам, сериалам, журналам и прочей макулатуре. Какой интерес и какая польза загружать свою несчастную голову очередной бытовухой, если ты уже из собственной жизни знаешь десятки таких же историй?

Третье. Святые Отцы прекрасно лечат больную душу. Разъясняя евангельские истины, они, с одной стороны, открывают нам доступ к неистощимому

ЧИТАЙ ОТЦОВ – НЕ ПОЖАЛЕЕШЬ! _____

источнику душевного здоровья и радости, скрытому в Писании, а с другой — неприметно ласкают и утешают страждущую душу в её повседневных «гневах, скорбях и нуждах». Когда сила их лекарства осознаётся вполне, оторваться от него невозможно.

Четвёртое. Душа человека после грехопадения, как отмечали некоторые Отцы, уподобилась зеркалу, разбитому на тысячу частей. Господь как солнце светит в такую душу, отражается в её осколках, но не воспринимается и не может быть воспринят единым целым. Отсюда все наши бесконечные метания, терзания, сомнения и страхи. Картина мира в больном и расколоте воображении неустойчива, хаотична и обманчива. Прикасаясь своим чистым духом, заложенным в слова, к осколкам наших душ, побуждая нас бороться с греховными страстями и следовать Заповедям Христовым, Святые старцы помогают нам собрать воедино зеркала своих душ, чтобы в них отразился Господь, а мы увидели Его.

Поистине пути Господни неисповедимы, однако один из них доподлинно лежит через наследие Святых Отцов.

ПРОХАНОВ

В жизни не бывает случайных встреч — слишком уж она скоротечна. Чем сильнее и глубже в сердце человека укореняется вера и Господь благодатью своей начинает открывать сердечные очи души, тем ярче и контрастнее становится закономерность, промыслительность всего происходящего с нами и вокруг нас. Как это устраивается применительно к одному человеку или ко всему человеческому роду, какой для этого необходим масштаб разума и власти, мы не только не знаем, но и вообразить не можем. Невместима эта грандиозность в спичечный коробок человеческого разума. Деликатно напоминая нам об этом, Господь говорит в Евангелии: «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои» (Ис., 55:8). Ему вторят Святые Отцы: самое немудрое у Бога мудрее самого мудрого у людей. Бережно, любве-обильно, ни в коей мере и никоим образом не нарушая свободы выбора и воли человека, Господь тем не менее незримо влияет на его судьбу. Видя душу каждого из нас лучше нас самих, он таким образом устраивает жизненные обстоятельства — события, встречи и явления, так аккуратно и при этом властно поставляет нас перед выбором добра или зла, что, имея мы дар различения духов, мы были бы просто потрясены степенью его реального участия в нашей повседневной жизни.

С писателем Александром Андреевичем Прохановым судьба свела меня более десяти лет назад. Случайной эту встречу назвать даже в голову не приходится. В каком-то смысле она не просто повлияла

на мою судьбу, но стала в ней важной поворотной вехой — одной из немногих подобного значения и масштаба.

Удивительно, однако с первых же дней знакомства у нас с Александром Андреевичем помимо взаимной симпатии возникло общее дело. Помню, как мы сидели на лавочке в загородном отеле «Плесков», любовались лазурной гладью Псков-озера с далёкими, будто висящими в воздухе островами на горизонте, и он неожиданно сказал: «Давайте, А.И., построим на Псковщине крест». Тогда я ещё только-только приходил в себя после самого тяжёлого в моей жизни потрясения. Да и к Церкви в то время я делал лишь первые робкие шаги. Какой крест? С какой стати? Что значит «построим»? Где? Эти мысли суматошно замелькали в моей голове, вызывая недюжинную оторопь. Тем не менее, сам не знаю почему и особо не раздумывая, я согласился: «Давайте!».

Этот разговор состоялся ранней весной 2007 года, а в сентябре уже вознесённый на вершину рукотворного холма из каменных глыб четырёхтонный десятиметровый крест озарил собою окрестности Изборска. В день Крестовоздвижения его освятил епископ Псковский и Великолукский Евсевий, и монумент, известный с тех пор всей России как Священный холм, вступил в своё земное и небесное служение. Бесчисленные наши с Прохановым хлопоты по обустройству этого памятника Русскому миру — как до, так и после его строительства — были обильно насыщены удивительными знаками Божьего Промысла. Чаще всего мы их не замечали, воспринимали как

нечто обыденное и само собой разумеющееся: повезло, совпало, сложилось, удалось. И лишь сейчас, с высоты прожитых лет, эти вехи пройденного пути, эти знаки высочайшего внимания, словно кадры кинохроники, открывают свою подлинную сущность, насыщенную чудесной и благой метафизикой.

Как это вообще стало возможно? За несколько месяцев два немолодых уже и изрядно занятых делами москвича без какой-либо государственной поддержки, мотаясь между Псковом и Москвой, сумели собрать воедино, согласовать и решить сотни практических задач: от создания удобной стоянки на федеральной трассе Псков — Печёры, установки генератора и сбора гранитных глыб в основание холма до съёмок кинофильма Аркадия Мамонтова, проектирования монумента, склейки из лиственницы и установки гигантской Голгофы. Всё было просто и непросто. Даже получение благословения владыки Евсевия потребовало от нас немалых сил и многих бессонных ночей.

А выбор места для Священного холма? объездили мы, почитай, всю Псковскую область от края до края, а всё никак. Отчаялись было, но в один прекрасный апрельский день промыслительно проскочили мимо поворота к Труворову городищу около Изборска, начали разворачиваться, и «Волга» Александра Андреевича вдруг заглохла поперёк трассы. Прямо перед собой метрах в ста мы увидели невысокую грудку камней, а дальше — башни первой на Руси каменной Изборской крепости. Припарковались на обочине и пешком, по вязкому весеннему полю добрались до искомого места. Посреди кам-

ней, на наше удивление, оказалась утоптанная сухая площадка. Взойдя на неё, мы почувствовали нечто странное: будто невидимые стеклянные стены отгородили нас от внешнего мира, уходя ввысь. День выдался поразительно тихим, и солнце сверху ласково заглядывало в нашу «колбу», ясно давая понять, что поиски завершены. Не сговариваясь и даже не обсуждая происшедшее, мы просто приступили к дальнейшей работе.

Впрочем, и на этом чудеса не прекратились. Мелких можно насчитать сотни, крупных — с добрый десяток. Взять хотя бы приземление на крест в торжественный день его освящения 27 сентября невесть откуда взявшегося аиста. Посидев на кресте, посланник небес спланировал прямо в тысячную толпу участников торжества и с важным видом гулял среди людей как среди своих. Что это было и как такое возможно — до сих пор не пойму. Ни до, ни после этого дня мне не доводилось видеть дикого аиста в метре от себя.

А снег, чудесным образом выпавший в ночь с 3 на 4 ноября того же года, чтобы скрыть очевидные недоделки строителей перед вторым открытием Холма в День народного единства? Как мы с Прохановым тогда огорчались, видя эти земные раны и рубцы, обезображивавшие наш Холм! Жаловаться было некому, делать что-либо поздно. Тогда-то, видимо, Господь и пожалел нас, впервые в этом году украсив Псковскую землю белоснежным ночным покровом. Когда утром мы явились к Холму, он сам и всё вокруг него сияло и блистало неземной свежестью и красотой.

Потом ещё был «Изборский клуб», возведение у Холма часовни Державной Божьей Матери, принесение памятных земель возвращённого России Крыма, десятки совместных творческих поездок, встреч, форумов... Однако отовсюду и всегда мы, не сговариваясь, мысленно возвращались к своему детищу. А оно, мужающее от собирания славных русских земель со всех концов света и даже со дна океана или поверхности Луны, невидимо обнимало и соединяло нас с собой. Не скажу, что мы с Александром Андреевичем были всегда и во всём согласны. Кое-где мы видели жизнь по-разному: он — с большим упованием на человеческий разум, государство и преемство русской истории; я — с всеобъемлющей надеждой на Промысел Божий и те малозаметные ростки Народа Божьего, которые на моих глазах всё больше и больше заполняли Россию, создавая могучий фундамент для её будущего расцвета и величия. Неважно. Каждый из нас, распоряжаясь дарованной Богом свободой, движется своим неповторимым «узким путём», и только Господь по окончании этого пути подведёт его итог. К тому же несколько лет назад мы, не сговариваясь, признались друг другу, что Холм, задуманный и построенный по велению души, без малейшей примеси корысти или гордыни, стал для каждого из нас главным делом прожитой жизни. Мне же остаётся лишь благодарить Господа за бесценную возможность пройти часть своей судьбы рука об руку с великим романтиком и писателем земли Русской, государственным и воином Александром Андреевичем Прохановым.

БОЛЕЗНЬ — ТОЖЕ ВЕХА

Когда Господь, обращаясь к апостолам, а через них ко всем нам, сказал: «В мире будете иметь скорбь» (Ин., 16:33), что это было? Угроза? Конечно, нет, ибо наш Бог бесконечно милосерден и человеколюбив. Предостережение, предупреждение — вот что это было. Так куда ближе к истине, в чём каждый из нас постоянно убеждается на собственном опыте. В мире нет и не будет человека, которому бы удалось прожить на земле без скорбей: потрясений, потерь, ошибок, неудач и т.п. Понятие «скорбь» тесно связано с понятием «грех». По сути, перед нами две стороны одной и той же медали. Поэтому, когда говорится, что «нет человека, который проживёт и не согрешит», мы без труда улавливаем точную аналогию с невозможностью жизни без скорбей. Строго говоря, грех — это и есть скорбь, ибо нарушением духовных законов бытия — Заповедей Христовых — человек прежде всего наносит ущерб и причиняет скорбь самому себе, только иногда эти последствия проявляются сразу, а иногда с задержкой. Любопытную мысль на этот счёт довелось мне услышать от отца Дмитрия Рощина. Все люди переживают скорби, правда, одни, неверующие во Христа, неосознанно и потому бессмысленно-болезненно; верующие же принимают скорби не просто как должное, а даже с радостью и благодарностью ко Господу, видя в них пусть и горькое, но действенное лекарство, а также знак внимания к себе со стороны Творца.

Болезнь — это тоже скорбь. Скорбь и одновременно важная веха на «узком пути, ведущем в жизнь»

(Мф., 7:14). Болезней в мире много, их тысячи, и они разные, и у каждого свои. Отсюда следует, что и вешек-болезней в нашей жизни предостаточно. Иная такая вешка стоит особняком, указывая, возможно, крутой поворот в судьбе. Порой в случае затяжной и хронической болезни, растянутой на десятки лет, справедливо говорить о целой трассе из вешек-болезней, сойти с которой практически невозможно. Когда лет тридцать назад врачи поставили мне подобный диагноз, и началось движение по болезненной «трассе», жизнь моя начала коренным образом меняться, хотя решающий сдвиг к лучшему, а именно воцерковление и принятие Христа, произошёл не сразу, а много позже. Тогда же, оказавшись под прессом неумолимого диагноза, выраженного словами профессора: «Жить будешь, но нелегко и нерадостно», — я начал на собственной шкуре постигать таинственную функцию болезни как горького, однако спасительного лекарства для души.

В самом деле, что делать и как себя вести, когда тебе выносится приговор, пусть и с неопределённо растянутой во времени отсрочкой исполнения? Горевать, унывать, тонуть в отчаянии, истязать себя и других? Или для начала просто принять эту скорбь как данность? Последнее, безусловно, лучше, чем первое. Древняя восточная мудрость гласит: если ты не можешь изменить неприятную ситуацию или избавиться от неё, то единственный выход — смириться с ней.

Православная «наука из наук», глубже всех наук постигшая тайны естества человека и его взаимоотношений с Богом и незримым миром, оставила

далеко позади восточных мудрецов-язычников и их последователей. Согласно Святым Отцам, болезнь, как и всё прочее в этом мире, является не случайным событием, вызванным происками микробов и бактерий, а глубоко закономерным, попущенным свыше скорбным испытанием. В болезни нет зла как такового, ибо после грехопадения каждый человек рождается в мир тленным, то есть изначально подверженным болезням, старению и смерти; любая же болезнь, как бы тяжела она ни была, всё-таки меньшее зло, чем смерть. Иногда лёгкая болезнь может означать для иного трудоголика принудительную остановку, на которую сам он не способен: заболел гриппом — и лежи неделю, лечись, отдыхай и набирайся сил. С тяжёлой болезнью сложнее. Она попускается, по определению апостола Павла, «как жало в плоть» (2 Кор., 12:7). Сам апостол, как явствует из Писания, страдал неизвестным хроническим недугом, об избавлении от которого он трижды молил Господа, будучи однажды «восхищен до третьего неба». Что характерно, Спаситель не благоволил дать ему избавление от докучливой болезни на том, в частности, основании, что апостолу и без того была дарована обильная благодать. Некоторые Отцы толкуют это событие в том смысле, что «жало в плоть» помогало Павлу удерживать себя в смирении, трезвении и благочестии, обращая, таким образом, зло мучительного недуга в целебный нектар для талантливой и потенциально склонной к превозношению души гениального апостола. Если смерть становится для человека безусловным благом, пресекая в душе возможность использовать тело как орудие греха,

то болезнь, особенно тяжкая, выполняет ту же задачу, только частично, в упредительном, так сказать, порядке. Скованный болью или постелью человек естественным образом ограничивается в грехе: мысль его перестаёт порхать и искушаться, внимание фокусируется на «внутреннем человеке», что само по себе полезно, перемещения в поисках удовольствий становятся не по силам. Внешне это выглядит как трагедия, но это не так. Душа, зажата в тисках болезни, смиряясь, со временем начинает замечать в себе явные сдвиги к лучшему. Она начинает размышлять о смысле жизни, горевать о былых грехах и прегрешениях, задавать себе вопросы, о которых раньше и не помышляла: кто я, зачем живу, куда уйду и прочее, тоньше и глубже ощущать не только своё бытие, саму себя как личность, но и ту неизъяснимую реальность, ту личность, которую религия называет Богом. В болезни, как ни странно, встреча с Живым Богом происходит куда чаще и явственнее, чем в потоке суетной и бестолковой жизни. К тому же где ещё, как не на одре болезни, можем мы сознательно, Христа ради, понести свой малый крест, пережить и почувствовать на себе хотя бы ничтожную толику тех страданий, которые добровольно, из любви к нам, грешным, претерпел безгрешный Спаситель.

Благо и чудо болезни в том состоят, что странным образом недуг плотского тела оборачивается бесценной возможностью пробуждения, укрепления и исцеления души — «внутреннего человека». Разумеется, это происходит не просто и не сразу. Как ни суди, а болезнь — это всё-таки горькое лекарство,

и принимать его надо с достоинством и терпением. Только тогда мы убеждаемся, что «сила Божия в немощи совершается». Важно лишь устоять и уберечься от новых соблазнов, новых грехов, возникающих на почве уже самой болезни. Важно не превратить остаток жизни в отчаянную борьбу со смертью, когда иной пациент, может быть, и не столь уж больной, начинает копаться в медицинской энциклопедии, примеряя на себя все найденные там диагнозы. Надо ли лечиться? Надо, спору нет. Хотя и здесь важны мера, осмотрительность и понимание сути и смысла происходящего. Главное — не сорваться с того спасительного пути, на который душа встаёт благодаря болезни, не стать по слабости жертвой коммерческой медицины, действующей по принципу: «За ваши деньги мы вылечим вас от любой вами же придуманной болезни», не потерять из вида Христа.

НАХЛЕБАЕМСЯ МЫ С НИМ!

В народе говорят: мудрость приходит рука об руку со старостью. Действительно, чаще всего так и бывает, хотя в отдельных случаях старость, к великому сожалению, приходит одна.

Что такое мудрость? Сочетание рассудительности с житейским опытом и глубокими познаниями в тех или иных сферах. Таким багажом чаще всего и обладает пожилой человек. С одним из них мне довелось встретиться в начале нулевых. В тот период я работал советником вице-мэра Москвы Валерия Шанцева. В сфере моей ответственности попал строительный комплекс столицы. По поручению шефа близко познакомился с руководителями крупнейших домостроительных комбинатов, строительных управлений и механизированных колонн. Все как на подбор заслуженные строители, герои, а то и дважды Герои Соцтруда. Фамилии почти легендарные: Копелев, Чернэ, Нестеренко. Люди бывалые, опытные и заслуженные, все старше и мудрее меня.

Как-то руководитель Мосстроймеханизации-5 Михаил Александрович Чернэ пригласил меня к себе ранним утром — строительные боссы начинают свою работу в шесть-семь утра — и предложил включиться в реорганизацию и оздоровление одного из крупнейших в Москве ДСК-4. Некогда мощное предприятие, ежегодно возводившее около миллиона квадратных метров типового панельного жилья, лежало в тот момент на боку, балансируя на грани банкротства. Тогдашний мэр Ю.М. Лужков, по словам Чернэ, был готов помочь в реабилитации ДСК-4,

но только после серьёзного аудита, смены команды управленцев и ряда других хлопот. Для решения всех этих вопросов мне предстояло плотно поработать с гендиректором ДСК-4 по фамилии Г. Начали действовать, и вдруг снова звонит Чернэ и срочно зовёт к себе. «Знаете, А.И., — без церемоний начал он, — с этим Г. работать больше не будем. Пустое дело». Ошарашенный столь крутым и неожиданным поворотом я начал возражать, ссылаясь на то, что уже многое сделано, потеряна куча времени, сил и денег, почти всё готово. Однако Чернэ твёрдо стоял на своём, и тогда я поинтересовался, что же произошло, что стало причиной столь жёсткого вердикта.

Грузный, седовласый Чернэ пояснил: «Да с ним всё ясно. Тут на днях вызвал его к себе, так он вместо среды приехал в четверг, перепутал, видишь ли. А вчера Лужков назначил нам аудиенцию в мэрии, так он опоздал — какие-то гаишники его тормознули. Ну его, нахлебаемся мы с ним!». На мой вопрос — и это всё — ветеран стройкомплекса и один из влиятельнейших хозяйственников Москвы подтвердил: да, это всё.

Вот образец глубокой мудрости. Миллиардная сделка и огромные труды безжалостно сводятся на нет на основании вроде бы пустяшных, на первый взгляд ничего не значащих обстоятельств. На самом деле опытный, знающий человек без труда усмотрит за этими «пустяками» серьёзную проблему, непроходимый тупик, а дальше — возможный крах. Чернэ предпочитает махнуть рукой на все уже совершённые труды и затраты, лишь бы не угодить в западню.

Не отдавая себе отчёта, я многое вынес для себя из той истории. Понял, что, во-первых, в больших,

как и в малых делах пустяков не бывает. Во-вторых, человеческий фактор всегда решающий независимо от масштабов проекта. В-третьих, хвост лучше рубить сразу, а не по частям, меньше будет мучений. В-четвёртых, в любом деле нужно стараться за внешними деталями разглядеть внутренний план.

Михаил Александрович Чернэ, Царство ему Небесное, сам того не ведая, преподнёс мне, горячему и азартному новичку, ценный урок, через призму которого в дальнейшем я рассматривал и оценивал не одну подобную ситуацию с двойным дном. Конечно, речь здесь идёт не о даре различения духов, то есть способности верующего человека при помощи Божьей видеть скрытую от глаз истинную духовную подоплёку людей, предметов, событий и процессов. Нет, Чернэ продемонстрировал мастерство другого уровня — человеческое чутьё, где главную скрипку сыграли не духовные рецепторы, а уже упомянутые рассудок, опыт и зрелость, одним словом, то, что называется житейской мудростью. Она тоже важна и нужна, без неё никуда, она не достигает вершин и эффективности духовного ведения, но как нам её порой не хватает в повседневной жизни!

ОЗАРЕНИЕ СЕРГЕЯ СТОРЧАКА

В судьбе каждого человека есть люди, с которыми жизнь сначала сводит, сближает, а потом надолго, если не навсегда, разлучает, не нарушая достигнутой душевной близости и дружеского расположения. К таким людям в моём случае смело можно отнести Сергея Анатольевича Сторчака, многие годы занимающего высокий пост заместителя министра финансов России. Оглядываясь назад, вижу: Промыслу Божьему угодно было соединить наши с Сергеем «узкие пути» на некоторое время для того, очевидно, чтобы каждый из нас постиг нечто для себя важное, обогатив другого и поддержав на трудном пути к Богу.

Что же важное? Не буду вдаваться в подробности, но свела нас в конце нулевых общая беда: я только-только выползал из-под обломков собственного вразумляющего крушения, Сергей на долгие девять месяцев угодил в лефортовское СИЗО по надуманному обвинению в «намерении совершить хищение государственной собственности». Как можно обвинить человека в намерении, остаётся загадкой, которую тогдашние следователи по «делу Сторчака» унесут с собой, скорее всего, в ад. Так или иначе, мой друг был обвинён и брошен за решётку. Мы же, его семья и немногие верные товарищи, принялись обивать пороги высоких инстанций, нанимать адвокатов, звонить в медийные колокола, одним словом, защищать Сергея и его доброе имя.

Впрочем, не подробности почти четырёхлетней этой борьбы являются предметом данной заметки. История с Сергеем многому меня научила — и не просто в житейском, но и в духовном смысле. По

мере её развития я невольно как бы прикладывал происходящее к себе, к собственным своим поискам и переживаниям, находя много схожего и поучительного. Взять хотя бы такой момент, как молниеносное сужение «круга друзей и знакомых», когда с человеком случается подобное несчастье. К тому времени я уже имел на этот счёт личный опыт. После начала моего кризиса — суда Божьего в 2004 году — с горизонта моей жизни сразу и навсегда исчезли сотни так называемых друзей, которые часто и любезно одаривали меня знаками внимания и преданности, пока был ещё жив возглавляемый мною банк и сохранялся высокий статус советника вице-мэра Москвы. Куда они все подевались, до сих пор не знаю, однако поле моего общения в те скорбные месяцы и годы сузилось до нескольких по-настоящему преданных друзей, с которыми я иду по жизни до сего дня.

Уже после освобождения Сергея из тюрьмы мы как-то баловались с ним чайком и полусерьёзно обсуждали положительные стороны тех бед и треволнений, которые Промысл посылает человеку для его же блага. Помнится, высказал я Сергею мысль, что с помощью таких потрясений, как крах бизнеса или заключение, пусть и несправедное, всеблагий Бог как бы просеивает через невидимое сито наше окружение, отделяя здоровое от больного, нужное от ненужного, полезное от вредного. В самом деле, согласились мы с Сергеем, сколько каждому из нас потребовалось бы жизненных сил и недюженных аналитических способностей, чтобы с такой же точностью выполнить столь же виртуозную «селекционную работу». Годы и годы, да чего там, всей жизни не хватит! А тут Господь слегка подул и одним махом отделил мякину от зёрен. Благо несо-

мненное, хотя ради него приходится потерпеть немалые скорби.

Потом перешли на шуточный лад. «Вот смотри, Сергей Анатольевич, как тебя Господь тюрьмою обильно вознаградил!» — «Прямо так уж вознаградил?» — усомнился мой друг. «Ещё бы, — продолжал я, — давай подведём итог. Первое — уже упомянутое очищение от лжедрузей. Второе — приход к Богу». В тюрьме Сергей начал читать Евангелие и Святых Отцов, впервые причастился и именно там познал Бога Живого. Третье — в тот же период были написаны и изданы две книги С. Сторчака: нашлось свободное время — не терять же даром! Четвёртое, по словам самого Сергея, там, на нарах, он узнал несколько интересных людей, не говоря уже о бесценном опыте, которого в другом месте не получишь. Пятое — благодаря всей этой шумихе фамилия Сторчака, доселе никому не известная, стала настоящим «брендом». Шестое — под гнётом несчастья сплотилась семья Сергея, а жена его Людмила показала качества настоящего бойца, организатора и лидера нашей «группы спасения». Наконец, седьмое — тут я уже окончательно перешёл на шутливый тон: «В Лефортово ты, мой друг, отрастил бороду, которая, признаться, тебе очень к лицу. Разве это не здорово?».

Святоотеческая мысль издавна утверждает: Бог во Вселенной зла не создавал, как не создавал Он тьмы, лжи, уродства, насилия и вообще всякой «мерзости запустения». Промыслом Своим он всячески старается смягчить и исправить человеческие огрехи, обратить само зло во благо, не нарушая при этом безграничной свободы человека. Стоит лишь присмотреться, и каждый сможет отыскать в своей

жизни примеры такого милосердия Господня. Сможет, если, конечно, будет предельно честен, внимателен и беспощаден к самому себе, любимому. Тогда, и только тогда, удастся распознать благодатное и многократное присутствие Божье в своей личной судьбе, чтобы в итоге опытно уверовать в Него умом и сердцем, как это посчастливилось нам с Сергеем Сторчаком.

УТЕШЕНИЕ ОТ ОТЦА НИКОЛАЯ

Кто из нас всерьёз верит, что не умрёт? В душе — никто, хотя падкий на всякие глупости рассудок иной раз и шепнёт по наущению «духов злобы»: не бойся, все умрут, а ты один — нет!

«Помни последняя своя, и вовек не согрешишь!» — из тьмы прошедших веков взывают к нам Святые Отцы православия. Это означает: помни о неотвратимости и непредсказуемой внезапности твоего ухода из мира сего, ожидай Страшного суда Христова над грешной душой твоей, ежеминутно блюди себя, исполняя предписанные Богом духовные законы-заповеди. И тогда, пролетая между страхом и надеждой, как корабль между Сциллой и Харибдой, душа встретит Судью с упованием на милость и добрый ответ Его для жизни вечной.

Страх в том состоит, что ни один из смертных людей, включая и настоящих святых подвижников Христовых, заранее не знает своей участи за гробом. И знать не может. Любые наши самооценки на этот счёт ничтожны и даже опасны, поскольку они субъективны и самочинно упреждают окончательный вердикт из уст самого Судии. Потому-то даже признанные святые, такие как Павел Простый, Сисой Великий и тысячи других, до последнего мгновения молили Бога о даровании им дополнительного времени для покаяния. При этом многие искренне считали себя недостойными рая и «хуже всякой твари», а греха в себе усматривали «аки песка морского».

Чего уж говорить о нас, окаянных и духовно беспризорных современниках «лукавого и лъстивого

мира сего»? Какие у нас и есть ли вообще, с позволения сказать, шансы на «добрый ответ» Спасителя? На фоне святых — почти никаких. А лучше сказать, вовсе их нет. Одна лишь надежда на безграничное человеколюбие и милость Господа, превосходящие всякий наш грех и всякое разумение. Невозможно даже отдалённо представить, каким ужасом и растерянностью объята будет душа грешника, когда она в первый и единственный раз разлучится с телом. Привычный мирок исчез, связи с ним порваны, стены плотского убежища навсегда разрушены, вокруг новый, невообразимый, нестерпимо грозный и яркий духовный мир, в сравнение с которым наш земной мир есть лишь слабая и тусклая тень. Что она, душа, испытает, несчастная, воочию увидев безобразные фигуры бесов? Как ей защитить себя от их нападков, оскорблений и яростных обвинений — заслуженных и незаслуженных? Где найти силы и отваги, чтобы преодолеть двадцать бесовских страж, отделяющих её от Неба? Только одним она спасётся — именем Христа и верой в Него. Больше ничем, ибо нет уже у неё ни ручек, ни ножек, ни связей, ни денег, ни друзей, ни наград — ничего! Всё и навсегда оставлено на земле. Даже земные знания в этот момент упраздняются и теряют смысл, ибо, по свидетельству апостола Павла, они неприменимы к незримому миру.

Благодарю Бога за то, что жизнь свела меня, а лучше сказать, Господь благоволил соединить мой «узкий путь» с замечательным человеком — протодьяконом Николаем Поповичем. Орденоносец-фронтовик, один из последних русских людей ду-

ховного звания, прошедших Великую войну, отец Николай и в свои девяносто остаётся бодрым, энергичным и энциклопедически образованным человеком. Встречи и беседы с ним, как ничто иное, укрепили меня в православной вере, ибо перед глазами имел я живой пример того, как обогащает Господь энергиями и знаниями «немногих верных Себе». Однажды коснулись мы с отцом Николаем и темы загробной участи души. Говорили о том, как незавидна участь «внутреннего человека», если он, оставив тело, но сохраняя полноту сознания, не имеет навыка молитвенного обращения ко Христу и Пресвятой Божьей Матери. Почему не имеет? Да на земле, оказывается, всё было недосуг, всё драгоценное время потрачено было на «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую». А на Бога времени, увы, не хватило. Не возник, не укоренился в этой душе навык призывания имени Божьего в трудных обстоятельствах. Не сформировалась живая и трепетная ниточка-связь с Творцом, именуемая религией и осуществляемая исключительно в Церкви Христовой. Не повезло душе добровольно и свободно выполнить единственную и главную, по словам преподобного Серафима Саровского, задачу человека на земле — стяжать благодать Духа Святого. Лишь эта незримая благодать и способна достойно доставить душу, лишённую тела, в мир иной, защищая её от болезненных, хотя и заслуженных, потрясений и испытаний, оправдывая перед лицом Суда Господня. За гробом нет покаяния, следовательно, нет и уже не может быть изменения души к лучшему, через смывание грехов и слёзную молитву к Богу. Заблудшая

душа и рада бы возопить ко Господу: помилуй мя, грешную! — но привычки нет, осознанной веры нет, откуда же взяться спасительной мольбе в столь критический и грозный момент?!

А дальше? Что будет с душой на Страшном суде, открывающем все её «тайные дела» на земле? Отвечая на этот вопрос, отец Николай с грустью поделился со мной неожиданной мыслью, утешающей меня до сих пор. «Думаю, что меня, дорогой А.И., там ждёт ад, но, слава Богу, войду я туда с верой во Христа, а это так утешительно!» Спасибо отцу Николаю! Сам того не зная, он утвердил важную веху в моей судьбе. А может быть, и не только в моей, но и в сознании тех многих верующих, кто, следуя заветам Отцов, предпочитает видеть свои грехи прежде мнимых своих достижений и достоинств.

РАЗУМНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ

Много ли надо человеку для счастья? Если дать себе труд честно оценить собственные реальные потребности, отбросив иллюзии и так называемые социальные стандарты, то ответом будет — немного. В молодости хочется того и этого, туда и сюда, но с возрастом у большинства эти страстные желания слабеют и блекнут. Когда-то, этак лет сорок назад, двухкассетный магнитофон казался мне пределом мечтаний, я бредил им и чуть ли не душу был готов отдать за это «чудо техники». Сегодня тот же самый магнитофон, успевший стать раритетом, пылится в дачном чулане, и дела нет до него. Человеческая душа без Бога невероятно ранима и уязвима для всевозможных искушений и соблазнов, нескончаемым потоком порождаемых падшей цивилизацией и её главным орудием — научно-техническим прогрессом. За этой ярмаркой тщеславия, как объясняют нам Отцы, притаились незримые кукловоды-бесы, слуги человекоубийцы от века — дьявола. Они обольщают наивные души избыточными потребностями, мечтами о деньгах, славе и власти, незаметно дёргают за ниточки страстей, подталкивая свои жертвы к гибели. Мало кто способен видеть эту тайную подрывную «работу», ибо, по словам святителя Игнатия (Брянчанинова), «жизнь человека есть парение над бездной его небытия». То есть бездна всегда под тобой, но она укрыта от глаз облаками обыденности. И всё-таки открыть глаза, чтобы разглядеть бездну, рано или поздно придётся, если ты не хочешь до конца дней

своих остаться игрушкой в лапах опытных искусителей.

Впервые мысль о разумной достаточности явилась в мою голову, когда после длительной депрессии и краха всей прежней жизни по благовому попущению Божьему мне посчастливилось вырваться из смертоносной трясины неверия и слепоты, чтобы сделать первые шаги по своему «узкому пути». Тогда я не читал запоем, как сейчас, Святых Отцов, барахтался в луже эзотерики, но затяжные мучения и искренние поиски выхода из тупика уже начали давать первые плоды. Не то чтобы сработала духовная интуиция — её ещё попросту не было, а по-другому, через неуклюжие и лихорадочные размышления о том, что со мной приключилось и что делать дальше. Финансовая моя «империя» рухнула до основания, как небоскрёбы-близнецы в Нью-Йорке, правда, фундамент, пусть и неглубокий, остался, на жизнь хватало, дети выздоровели, с семьёй наладилось... Настало время решать, что дальше. Ослабленный, но не утраченный инстинкт жизнелюбия понемногу снова звал в бой: вернуться в строй, восстановить разрушенное, кому-то что-то доказать. Однако сознание, к этому времени отчасти очищенное и потрясённое судом Божиим — таково в переводе с греческого точное значение слова «кризис», — вяло сопротивлялось, не принимая на веру эту стандартную и лукавую логику. Что-то мешало. Что же? В мозгу возникла простая мысль: зачем гнуть спину, если в принципе на жизнь хватает? С другой стороны, как избежать праздности и безделья? И то, и другое меня пугало, поскольку советское воспитание и семейная тради-

ция исключали тунеядство как образ жизни. Надо было работать и зарабатывать, но зачем зарабатывать, если и так хватает?

Эти «сердитые» вопросы довольно долго терзали меня, порой мешая спать ночами. В любой работе должен быть стержень, смысл, а его-то как раз и не находилось. Потом пришло озарение: нужно зарабатывать, но не для того чтобы присваивать, а чтобы отдавать. Это была, по сути, церковная истина, хотя пришла она в голову тогда ещё не церковными путями. Много позже услышал я похожие слова, завершающие каждую Божественную литургию: «Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть». Господь в тот момент осветил грешную и больную мою душу светом истины своей. Не понимая этого, по эгоистической инерции невера я тут же присвоил себе это «открытие» и взял его на вооружение.

Так по Промыслу Божьему в 2006 году из небытия и хаоса возникла «Переправа» — сообщество людей, оказывающих друг другу и всем остальным помощь в переправлении с топкого и грязного берега неверия на сухой, чистый и светлый берег веры Христовой. Росточек был маленьким, у его корней стояло поначалу два-три человека, но средства на его полив и рост исправно находились, издавались журналы, открывались интернет-сайты, отовсюду прибывали единомышленники... За десять лет хилый росточек превратился в настоящее дерево с глубокими корнями и широкой кроной. Возникали ли по ходу сомнения? Как без них? Лукавый не раз нашёптывал: зачем это тебе, брось, не справишься, стоит ли убиваться за других! С особой силой эти провокационные помыслы воз-

никали и действовали, когда приходилось не только отдавать заработанное, но и залезать ради дела в семейный бюджет. Спасали две вещи: во-первых, радость от самого дела, нового окружения и непередаваемого «вкуса православия», который ощущался тем сильнее, чем больше отдавалось; во-вторых, более глубокое, осознанное понимание слов Господа: «Отдай плоть, прими дух». Стяжание Духа Святого невозможно без умаления себя, хотя бы в малой степени. Отрезать же от себя, пусть поначалу и немного, кусочек, всё же больно и непривычно. Но другого не дано.

Оглядываясь назад, отчётливо вижу: не формальное учреждение «Переправы», а глубокое и болезненное переосмысление себя, жизненных смыслов, навыков и ценностей, которыми прежде руководствовался, — вот что в действительности стало одной из важнейших вех, важнейших поворотов на моём «узком пути». Бог есть дух, вещественный мир Он создал не для нашего услаждения, а для добровольного нашего исправления в духе истины. И Ему, да и нам в перспективе вечной жизни несколько не важны земные достижения людей. Значение имеет только то, как эти достижения, как наши земные хлопоты и страдания отразятся на состоянии наших душ — к добру или ко злу. Человеку действительно нужно немного, чтобы удовлетворить свои нормальные потребности, не превращая их в источник злостных страстей. Каждый из нас, обладая здравомыслием, способен понять и эту нехитрую истину, и то, сколько ему разумно, достаточно следует иметь, чтобы чувствовать себя на белом свете уверенно и спокойно.

ПОСЛЕДНЕЕ КИТАЙСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, ИЛИ КАК ЧИТАТЬ ЗНАКИ

С одним моим дальним родственником по имени Олег несколько лет назад приключилась беда: любитель быстрой езды, он на полном ходу слетел с трассы и, пропахав на своём «Мерседесе» метров сто, угодил в дерево. Машина превратилась в груды металла, но Олег на диво почти не пострадал. Неделю спустя я навестил его в псковской больнице, найдя целым и здоровым, без единого перелома, но всего с ног до головы иссечённого битым стеклом. Сам не зная почему, словно по какой-то команде извне, я тогда с грустью сказал ему: «Знаешь, Олежек, а ведь это тебе последнее «китайское предупреждение». Других не будет!». Справедливости ради надо признать, что прирождённый лихач серьёзно воспринял мои слова и с тех пор предельно аккуратно водит машину. Тогдашнюю аварию он интуитивно правильно «прочитал» как знак Божий, обращённый лично к нему, и сделал правильные выводы.

Убеждён, что жизнь каждого человека буквально насыщена большими и малыми, явными и едва заметными знаками, с помощью которых Промысел старается помочь нам двигаться по жизненному пути, не нарушая при этом нашей безграничной свободы. Разумеется, не всё и не всегда заслуживает звания «знак». Когда с полки случайно падает книга, это никакой не знак — её надо просто поднять и поставить на место. А вот поворотные события, необычные встречи, болезни — всё это, как правило, те самые знаки, мимо которых

можно бездумно пройти, принимая их за случайность, а можно попытаться прочесть, уловить тот вразумляющий и направляющий смысл, который Господь вкладывает в ту или иную ситуацию, событие или скорбь. Если это делать с молитвой и подкреплять священными церковными таинствами, знаки сделаются более рельефными, а движение по жизни — более уверенным и даже увлекательным. Приятно, согласитесь, идти по крокам, а не напролом. Однажды в лекции кого-то из современных богословов я натолкнулся на интересное рассуждение по поводу революции 1917 года. Он посчитал, что крупнейшей исторической трагедии XX века предшествовали сто семнадцать роковых обстоятельств и всякого рода событий: от покушений террористов на царей до предательства императорского окружения и искусственного голода в Петербурге. Эти обстоятельства-знаки вытекали друг из друга, набегая как волны, гонимые дьявольским «ветром перемен», образуя тот революционный «девятый вал», который в итоге разнёс в щепки «Белую империю» Романовых, а с ней и православную Россию. Признаться, этот метод меня тогда изрядно заинтриговал, и я навскидку, без особого труда ретроспективно установил около двух десятков несопоставимо меньших, но столь же роковых стечений-знаков, предшествовавших крупнейшему и поворотному кризису в моей собственной судьбе, датированному 2004 годом. Естественно, в тот период я был ещё слеп и не смог разглядеть своего «девятого вала» ни в целом, ни в какой-либо из его частей. Полная духовная тьма!

Не скажу, что с тех пор мне удалось совершить какой-то прорыв в области чтения знаков. Это вообще не профессия и не магия, потому Господь и предупреждает от увлечения всякого рода чародейством и знахарством, говоря, что «таковые не наследуют царства небесного». Речь совсем о другом. По мере того как через жизнь в Церкви вера Христова начинает наполнять и оживлять иссохшую душу духовного безпризорника, его «внутренний человек» постепенно оживает. Духовные очи бедолаги разлепляются и начинают сначала смутно, а затем всё ярче и тоньше распознавать незримый план бытия. Это сам Бог благодатью Святого Духа открывает своему чаду доселе скрытые от него тайны мироздания. Человек специально ничего не доискивается, он просто начинает видеть. Оживающая душа подобно камертону начинает реагировать на звуки Вселенной. Доселе она напоминала, скорее, вконец расстроенное пианино — на нём даже великий Моцарт не сыграл бы ничего путного. Жизнь по Евангелию шаг за шагом, струна за струной, клавиша за клавишей исправляет и настраивает сложнейший инструмент души, и он мало-помалу начинает выполнять свои природные функции: видеть, слышать, рассуждать. Тогда-то встречи и события, даже внешне малозначительные, наполняются глубиной и смыслом. Душа вибрирует в такт этим знакам, улавливая, скорее, не то, что они такие по форме, а то, насколько они созвучны или нет её «узкому пути». Это свойство души развивается и укрепляется лишь одним образом — вниманием к себе и жизнью по Христу, то есть ровно тем, к чему Господь призвал Антония Великого, озадаченного необъяснимой сложностью бытия.

ГЕНЕРАЛ БРИТВИН

С этим человеком судьба свела меня в конце нулевых годов. Общались мы относительно немного и нечасто, но его незаурядная личность и тернистый путь прихода к Богу, часть которого происходила на моих глазах, оказали, как сейчас я отчётливо вижу, серьёзное влияние и на моё становление во Христе.

Генерал-полковник ФСБ в запасе, ветеран боевых действий, кавалер ордена «Мужество», Николай Николаевич Бритвин промыслительно встретился мне на «узком пути». Это он познакомил меня с профессором МДА Алексеем Осиповым. Приезжая в Москву, он изредка делился со мной опытом своего мучительного и извилистого восхождения ко Христу из болота мирских влечений и соблазнов, неприметно тем самым ведя и меня, грешного, по тропе войны с дьяволом. В судьбах наших, несмотря на существенные внешние различия, оказалось много духовно общего. «Попадая в Москву после всех ужасов и потерь в Чечне, — делился со мной генерал, — видя, как жируют все эти воры и кровососы, я испытывал только одно желание — разогнать, раздавить всю эту нечисть. Наши ребята гибли там за Родину, а здесь ресторанные фейерверки, блуд, обжорство, хохот и глумление бесстыжих «жирных котов». Душа нестерпимо болела, не зная ещё выхода из тупика, в отчаянии готова была ринуться куда угодно, хоть в преисподнюю». Состояние это было мне до боли знакомо. Пьянство, ожесточение против всех и вся — всё это, правда, несколько в другом виде, выпало и на мою долю; внешне другое, а по сути, то же самое. Те же

безнадёжность и опустошённость, те же мучительные поиски заблудшей душой выхода из жизненного беспросвета, те же предательства лжедрузей и прочие неурядицы. Одним словом, обстоятельства падения, погружения в кризис — суд Божий у всех нас разные, а вот путь, ведущий со дна наверх, к свету, к Богу, фактически один и тот же. Этого непередаваемого словами чувства схожести, духовной близости и родства, оказывается, вполне достаточно, чтобы сблизить и соединить, притом в кратчайшие сроки и на больших расстояниях, самых внешне несхожих и далёких друг от друга людей. Сам того, возможно, не зная, верующий генерал помог мне укрепиться в вере, увидеть себя как бы со стороны, осознать те препоны и рогатки, которые всегда встречаются на скользких склонах ямы неверия и невежества, когда пробуждённый Христом человек, осознав горечь своего падения, начинает сквозь боль и страх из всех сил карабкаться наверх. Звание, награды и заслуги здесь теряют значение. Они словно бы растворяются, расплавляются в благодатном огне нового рождения во Христе. Остаются души, обнажённые и растерянные. Пред лицом Бога они естественным образом тяготеют к себе подобным, ища укрепления и поддержки друг в друге и незаметно для себя восходя на тот высший уровень доверия, понимания без слов и согласия, который знаком каждому верующему сердцу и возможен лишь в духе Божьем.

По удивительному стечению обстоятельств, именному Промыслом Божиим, у нас с Николаем Николаевичем оказался общий духовник — отец Л. из Сергиева Посада. Сколько сил и лет положил

он на то, чтобы помочь двум страждущим обрести единственно верный путь в жизни! Без опытного духовника здесь не обойтись, особенно если заблудшая душа, с одной стороны, перегружена земными знаниями, успехами и производными от них иллюзиями, а с другой — по-дикарски духовно невежественна и потому совершенно беззащитна перед натиском демонов-мучителей. Это и был наш случай. Наблюдая за своим другом, я лучше и легче усваивал премудрости православной аскетики, то есть наставлений Святых Отцов, как нужно и должно защищать и развивать свою душу, спасая её от вечной гибели. Шаг за шагом мы с генералом углублялись в это потрясающее и бескрайнее царство Истины, учились молиться и внимать себе, «не верить себе, пока не помрёшь».

В последние годы пути наши несколько разошлись, но чувство родства и близости осталось. Дух Святой вооружает верующих такими «коммуникациями», о которых наука и мечтать не может. Сколько раз, бывало, один из нас звонил другому, и выяснялось, что в этот же самый момент тот, другой, встречно уже набирал номер. Объяснить эти совпадения логически невозможно: теория вероятности здесь просто «отдыхает». На наших глазах совершалось то, что у Отцов называется «пребывать в духе». Уйдя в отставку, генерал не поддался обычному в подобных случаях «падению с высоты» расстройству и унынию. Он тут же взялся за дело и у себя в Ростове-на-Дону начал воплощать в жизнь идею столь востребованного в наши дни святоотеческого просветительства. Вокруг него, как фигуры заслуженной и авторитетной,

естественным образом начали собираться идущие к Богу. Господь возложил на него задачу продвижения теории и практики умного внутреннего делания в среду молодёжи и студенчества, чиновничества и офицерства. До сих пор мы созваниваемся и изредка встречаемся, продолжая неосознанно искать друг в друге недостающую каждому духовную опору и поддержку.

СИРИЙСКИЕ ВИРАЖИ

Движение моё по дороге жизни ретроспективно делится на несколько этапов, и лишь последний, или, как теперь принято говорить, крайний из них, вышел на курс «узкого пути». После окончания в 1975 году МГИМО МИД СССР по специальности «Экономист по внешней торговле» мне так ни разу и не удалось поработать по профилю. Сначала пять лет занятий международной журналистикой в Праге, затем семь лет в Институте востоковедения Академии наук СССР, увенчавшихся защитой кандидатской диссертации по политической истории Сирии и Ирака, следом почти семилетняя командировка в Дамаск и работа на дипломатическом поприще, возвращение в Москву в начале лихих 1990-х, уход из МИДа и десятилетие банковской карьеры, завершившейся жёстким кризисом и всеобъемлющим переосмыслением пройденного «пространного пути» с выходом на новую, доселе неведомую и завораживающую траекторию «Переправы».

Опыт работы в МИДе и особенно в нашем посольстве в Дамаске, несомненно, послужил некоей промыслительной поворотной вехой на пути к «Переправе», бывшей тогда ещё где-то за горизонтом. Не той сжатой, точечной вехой в виде встреч, событий и размышлений, которые во множестве начали вставать на пути после личного кризиса 2004–2005 годов, а вехой, как бы растянутой во времени, но тем не менее столь же значимой. Сам не ведая того и ничего ещё не зная ни о Христе, ни о духовной жизни, я, по воле Божьей, очутился в самом центре, у само-

го корня восточного христианства, ныне именуемого православием. Здесь, в самой древней столице мира, возраст которой составляет шесть тысяч лет, мне довелось ходить по тем же улицам и дышать тем же воздухом, что и первые христиане времён земного служения Христа. Здесь, в узких улочках Старого города, до сих пор сохранилась древняя христианская церквушка, наполовину вросшая в землю. Это к её настоятелю Ананию две тысячи лет назад в отчаянии припал ослепший после встречи со Спасителем фарисей и гонитель христиан Савл. После обращения и прозрения он получил имя Павла, с которым вошёл во всемирную историю уже как первоапостол язычников, а значит, и нас, русских. Здесь, среди нескончаемых лабиринтов старейшего рынка Хамидии, укрылась от глаз блистательная мечеть Омейядов, где и поныне хранится равно почитаемая христианами и мусульманами честная глава Иоанна Предтечи. В пряных запахах Дамаска будто смешались царства и эпохи, религии и мифы человечества. Над всем этим непостижимым и непередаваемым великолепием, бережно укрытом вуалью будничности и старины, властвует дух какой-то таинственной всепримеряющей и всепонимающей премудрости, дух тепла, простоты и согласия. До трагических событий 2011 года проявления этого духа можно было встретить в любой точке благословенной Сирии.

Там же мне довелось, как говорится, «на контрасте» испытать на себе действие другого духа, духа западного, духа англосаксонского. Нередко большое видится в малом, однако понимаешь это не сразу, а лишь с течением времени, когда оседает пыль сию-

минутных впечатлений, и память, совершив свою тайную селекционную работу, выталкивает на поверхность действительно важные судьбоносные открытия. Одним из моих коллег по дипкорпусу в Дамаске был первый секретарь тамошнего посольства США со странным корейско-ирландским именем Ким Мак-Гил. Мы, как водится, периодически встречались, изображали дружелюбие, даже играли в теннис, по ходу дела выуживая друг у друга деликатную информацию. Что именно тогда мне удалось добыть, уже не вспомнить, но одно общее впечатление от этих контактов крепко-накрепко засело в моей голове и с тех пор с неизменным успехом подсвечивает любые зигзаги и выверты американской политики, какими бы хитрыми и двусмысленными они ни представлялись.

Американцы и вообще западники в большинстве своём инстинктивно, до жути боятся арабов. Боятся и одновременно презирают. Как, каким образом в одном и том же человеке уживаются страх и высокомерие к другому человеку, остаётся загадкой. Тем не менее на примере моего коллеги-американца я наблюдал этот феномен воочию, а со временем смог убедиться, что это не частный случай паранойи, а вполне универсальная характеристика подавляющего большинства англосаксов. Только представитель Старого и Нового Света, кем бы он ни был по образованию и положению, априори чувствует себя выше «всех этих индейцев, арабов, африканцев, латинос и иже с ними». На чём основано это превосходство, он и сам не объяснит, хотя доподлинно известно, что ни один западный инженер или офицер

не замарают своих рук грязной работой наравне с нижестоящими «аборигенами». А вот русский инженер, русский капитан замарают. Почему? Потому что русский человек, пусть и недолюбливая какого-нибудь египтянина или сомалийца, никогда ни мыслью, ни словом, ни делом не поставит себя выше него. Только русский инженер, ничтоже сумняшеся, подставит плечо под тяжёлый груз, переносимый местными рабочими. Может быть, поэтому люди Востока повсеместно и ответно доверяют русским, открывают им сердца и двери жилищ, считают чуть ли не родными. Пример из жизни: несмотря на строгие запреты, жёны наших дипломатов в Дамаске в поисках удачных покупок бойко сновали по самым дальним лабиринтам уже упомянутой Хамидии, и не было случая, чтобы они подверглись агрессии со стороны коренного населения.

Бедный американец Ким! Его машина была буквально нашпигована всякими датчиками и переговорными устройствами, призванными контролировать каждый его шаг, оберегая от страшных опасностей на улицах и площадях «зоны страданий» — так в переписке Госдепа называлась тихая и спокойная Сирия. А тихой и спокойной её в те годы можно было смело назвать хотя бы на том основании, что за год в этой стране с 15-миллионным населением совершалось от силы пять – семь злонамеренных убийств. И все раскрывались, а потом тела повешенных преступников в мешках по несколько суток висели на одной из центральных круговых площадей Дамаска, внушая страх и предупреждая о неотвратимости наказания. Как это недемократ-

точно и по-варварски! — охали да ахали представители образцовых западных демократий. Зато как действительно! — отвечали им мы, свободно общаясь с сирийцами, разъезжая в любое время дня и ночи по самым отдалённым сёлам и городкам этой древней страны от Пальмиры до Сувейды.

В Дамаске, как, впрочем, и в других местах моего профессионального служения, всюду я встречал множество замечательных русских людей — русских не по паспорту или национальности, а по духу. Русских армян, русских узбеков, русских евреев... Общая история, кровь и пот, пролитые в борьбе за суверенитет и достоинство Русского мира, совместные победы и поражения, язык и традиции, одним словом, одна на всех судьба — всё это по-настоящему сплавило многоликий и многоязычный русский народ в единый монолит чести и совести. С детства отец учил меня уважать и, следовательно, по-своему любить любого человека. «В каждом из них, — говорил он мне, — независимо от рангов ты найдёшь что-то, чего нет у тебя. Ты сможешь научиться полезному и, наоборот, передать ему нечто полезное от себя». Великая мудрость, исходящая из любящего сердца!

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ «ПЕРЕПРАВА»?

Откуда взялась «Переправа»? Шёл непростой 2005 год. Только-только мне удалось, слава Богу, выползти из тяжёлой депрессии. Душа, ещё ослабленная, жадно искала ответы на главный вопрос «быть или не быть» и нащупывала новые, нехоженые тропы. Ей уже было неосознанно очевидно, что с прежней «успешной» жизнью покончено, а как жить дальше, она пока не понимала. Так Промысел и действует на земле: благая воля Божья, которая во всём и над всем, изменяет жизненную ситуацию таким образом, что человеку самому приходится решать, на чьей он стороне — добра или зла, света или тьмы. Господь же помогает, даёт подсказки свыше, но при этом никоим образом не подавляет свободной воли индивида.

Слово «переправа», помнится, впервые бросилось мне в глаза во время чтения «Исповеди» Л.Н. Толстого. От самой «Исповеди» в памяти мало что осталось, пожалуй, только простая и чрезвычайно глубокая притча о бродяге, которого приютили добрые люди, обеспечили едой и одеждой, и всё при единственном условии: ему надо было ежедневно некоторое время крутить рукоятку, вал которой уходил в стену. Наш бродяга поначалу так и делал. Однако потом его разобрало любопытство: что он крутит, куда уходит вал, что там, за стеной? Мораль сей притчи, насколько я её понял, такова: не утруждай себя лишними мыслями, крути свою рукоятку, вверенную тебе Всевышним в этой жизни, делай добро и уклоняйся от зла. Или, как говорят Святые Отцы,

«делай, что можешь, и будь, что будет». При этом поменьше задавай вопросов и не старайся без нужды интересоваться вещами, которые лично тебя напрямую не касаются.

Точно не знаю почему, но идея «переправы» крепко засела в моей голове. «Слово-то какое многозначное!» — подумалось мне тогда. Ведь переправа — это и переход с одного берега на другой, например, от неверия к вере; и переправление-исправление самого себя, что равнозначно греческому слову «метанойя», обозначающему одновременно покаяние и изменение. И, наконец, это одно из названий Пасхи Христовой.

На переправе всегда тревожно, волнительно, а иногда и по-настоящему страшно. В этом смысле трудно найти более подходящего образа всей нашей здешней суетной и скорбной жизни, вступление и выход из которой не зависят от воли человека. Переправа может быть индивидуальной, но она же выражает состояние целых народов и всего человечества, история которого завершится вторым пришествием Христа и Страшным судом.

Вот какие мысли и образы бродили в моей голове, когда сообщество «верующих профессионалов» по имени «Переправа» ещё только задумывалось, когда у его основания было всего лишь два-три человека, а не сегодняшние сотни и тысячи.

УРОК ПОСЛУШАНИЯ ОТ ОТЦА ЛУКИ

На рубеже нулевых годов в течение трёх лет «Переправа» располагалась в стенах московского Донского монастыря. Там по благословению настоятеля мы восстановили разрушенную пристройку и начали полноценную духовно-светскую жизнь: причастие из единой чаши, беседы с благочинным монастыря отцом Лукой на духовные темы, исполнение различных послушаний по дежурству в храмах, организации праздников, участие в хозяйственных нуждах. Сам воздух древней Донской обители, пропитанный Божьей благодатью, смягчал и исцелял наши сердца. Общее дело вкупе с молитвой давало свои благодатные всходы: со временем стало понятно, что не мы, новоначальные дети века сего, вошли в монастырь, а как бы сам монастырь с его вековым уставом и монашеским духом понемногу вливался в наши огрубевшие сердца, сообщая им знания, смыслы и навыки, каких не добыть ни в одном другом месте.

На многое в жизни я тогда стал смотреть по-новому. Всего не перечислишь. Хотя один пример стоит привести. Как-то бродил я по тропинкам обширного монастырского пантеона и среди многочисленных надгробий, изваяний и крестов, свезённых сюда ещё в советские годы со всей Москвы, натолкнулся на свежие захоронения. Это были могилы генерала Деникина и философа-богослова Ильина. Буквально накануне их прах был торжественно перевезён из французского Сен-Женевьев-де-Буа. На всю жизнь запомнил я слова Ильина, написанные чуть ли не простым фломастером на табличке на его надгро-

бии. Смысл их был прост: только оказавшись в изгнании за пределами Родины, мы поняли, каким сокровищем в лице царской России мы обладали. Эта простая мысль пронзила меня прямо в сердце. Сколько раз слышал слова народной мудрости: «Что имеем, не храним, потерявши плачем», и лишь теперь до меня дошёл их истинный смысл. Речь идёт не о вещах и даже не о близких людях, а прежде всего о самом высоком и бесценном — Родине. Не дай Бог нам нынешним пережить хотя бы частичку того горького опыта, который выпал на долю этих русских людей. Не дай Бог!

В монастыре же довелось мне постичь некоторые уроки «практической духовности», преподанные твёрдой рукой отца Луки. Главная особенность этой «учёбы» в том, что происходит она не в классах и чаще всего без малейшего предупреждения, как бы невзначай, в потоке обыденной жизни. Даже осознаются эти уроки не сразу, а лишь с течением времени.

Однажды отец Лука задумал отремонтировать две комнаты по соседству с офисом «Переправы». Предполагалось, что в них смогут останавливаться паломники и наши иногородние гости. Дело благое, монастырю и нам полезное, и «переправщики» дружно принялись за работу. Когда ремонт почти завершился и осталось поклеить обои, ко мне прибежал раздосадованный подрядчик и начал жаловаться на отца Луку: он-де требует невозможного. А именно: изменить положение уже установленных входных дверей, то есть начать всё сначала. Признаться, в первый момент меня это известие тоже сильно раздосадовало. Столько трудов, и всё, как говорится,

псу под хвост! Правда, чуть позже, когда мы с расстроенным подрядчиком уже шли на переговоры с «капризным» благочинным, в душе моей что-то сдвинулось. Вспомнились слова одного из Святых Отцов о том, что «терпение — это молчание уст при смятии сердца». Другой же Отец, продолжая ту же мысль, добавлял: «...и так до кровавой слюны». Почему, с какой стати в мою голову вплыли тогда эти поучения, теперь и не скажешь, но они оказались как нельзя кстати. Я решил для начала не возражать и не спорить. Подрядчик нервничал, мы же с архимандритом, не подавая вида, спокойно обсуждали, куда и насколько сдвигать злополучные двери. Пару раз мне почудилось, что отец Лука искоса поглядывает в мою сторону, словно оценивая, как я реагирую на происходящее.

Когда мы в тот день расстались, я, сам не знаю почему, заверил подрядчика, что батюшка непременно остынет и всё как-то уладится. Прошёл день, другой. Отец Лука вновь заглянул в наши «пенаты», мы ещё раз посмотрели «объект», я начал рассуждать на тему неудобств, которые перемещение дверей вызовет во внутренней планировке комнат, и... наш духовник неожиданно легко согласился с моими доводами: «И правда, зачем менять, пусть будет как есть». Неожиданно, потому что отец Лука имел в монастыре репутацию неодолимо строгого, твёрдого в решениях, если не сказать упрямого, руководителя.

Урок же состоял в том, что только смирение и послушание способны умягчать сердца в любых спорах. Терпение не рождается на пустом месте. Как сталь оно закаляется под ударами искушений — малых и больших. Тот небольшой урок пришёлся мне,

самоуверенному «умнику», как говорится, ко двору. Усвоив его, я начал лучше различать и другие поводы к терпению, ощущать его пользу не только для себя, для своей страждущей души, но и для того, от кого терпишь. В терпении есть великая тайна и непередаваемая сладость. Неслучайно сам Спаситель возгласил: «Претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф.,10:22).

ВЫГОДНОЕ ДЕЛЬЦЕ

У бизнеса, как и почти у каждого дела на земле, есть две стороны: светлая — праздничная, и тёмная — буднично-трагическая. В большинстве учебников и пособий, посвящённых предпринимательству, первая сторона выпячивается, вторая стыдливо как-то замалчивается. А зря. Не мешало бы поменять их местами, ибо в реальной жизни неудачи встречаются гораздо чаще, чем явные удачи. Поэтому, вступая на скользкий и тернистый путь погони за богатством, славой и властью — злейшими страстями человечества, юные соискатели «птицы счастья» должны держать в уме несколько важных соображений. Во-первых, все удачи, сколько бы их ни было, кончаются одним и тем же — уходом из земной жизни и безвозвратным расставанием с их плодами. Во-вторых, задолго до Рождества Христова один из успешнейших, влиятельнейших и богатейших людей в истории — царь Соломон — с вершины своей славы не без разочарования сообщил всем, кто ищет её: «Всё суета сует и томление духа». В-третьих, успешность измеряется не количеством денег, а состоянием души. Никакие внешние достижения, тем паче добытые несправедливо, не смогут заглушить страха и боли израненного грехами «внутреннего человека». В-четвёртых, вступая в очередное предприятие, полезно знать, как избежать скрытых в нём изначально рисков и угроз.

Русская душа невероятно талантлива и широка. Фёдор Михайлович Достоевский считал даже, что неплохо бы её сузить. В бытность свою руководи-

телем инвестиционного банка я десятки раз сталкивался с такими блистательными фантазёрами и обманщиками, что перед ними спасовал бы сам барон Мюнхгаузен. Стоит, бывало, этаким прожектёр в моём кабинете и рисует на доске схему сложнейшей финансовой операции, лучше сказать, аферы, где, соединяясь стрелками, перемешиваются векселя и долговые расписки, депозиты и аккредитивы, валюты и границы. На кону, по словам «докладчика», миллиарды долларов. Всё звучит заманчиво и убедительно, но какой-то внутренний голос поверх этих звонких речей и прогнозов тревожно шепчет: всё здесь обман. В итоге разоблачением и кончается, и наш несостоявшийся «магнат», покидая банк, мимоходом просит сто рублей на метро.

Дело здесь не в доверии или недоверии. Жизнь на передовой «войны» за деньги научила меня предельной осторожности, хотя и она в конечном счёте не уберегла от финального поражения. Почему? Общаясь с себе подобными, а также с предметами и явлениями вещественного мира, человек, будучи сам частью этого мира, без помощи Божьей не в состоянии постичь истинной, духовной, скрытой от глаз сущности вещей. Одного рационального ума и инстинкта самосохранения явно недостаточно, чтобы решить это многосложное уравнение и без ошибок двигаться по дороге жизни. Тем более что согласно Священному Преданию движение по ней без веры и Бога равнозначно блужданию слепца по бескрайнему болоту, именуемому «пространным путём, ведущим в смерть». Даже если сильно повезёт и какую-то часть пути удастся преодолеть более или менее

гладко, дальнейшие срывы и ошибки неизбежны. Ведь бизнес — это не просто рядовая сфера деятельности, но буквально минное поле, нашпигованное смертельными опасностями и рисками.

Много лет назад меня поразила фраза, с которой начинается блестящий рассказ О' Генри «Вождь краснокожих». В устах одного из героев-злоумышленников эта фраза звучала так: «Дельце как будто наклёвывалось выгодное... Как говаривал потом Билл, нашло временное помутнение рассудка». Именно так! Лукавый враг рода человеческого внушает нам радужные перспективы, а сам тянет в коварную западню.

Десятилетний опыт участия в финансовых «крысиных бегах» — иначе его и не назвать! — обнажил для меня тёмную сторону банковского дела. Этот многолетний опыт, на удивление, не был богат вехами «узкого пути», ибо таковые всё же больше и чаще обозначают ступени духовного роста, а последний по-настоящему начинается лишь в процессе реального воцерковления. Вехой, мне кажется, стал весь этот отрезок жизни в целом. Он приоткрыл мне глубины собственного падения и «нищеты духа», а также объяснил мне, что значит на практике святоотеческое «не доверять себе, пока в гроб не ляжешь». Окончательным же переломом в моей судьбе и вступлением на трудный, но радостный «узкий путь, ведущий в жизнь» (Мф., 7:14) стало по-своему закономерное крушение моей банковской карьеры.

НАПУТСТВИЕ ОТЦА СЕРАФИМА

В судьбе каждого человека — убеждён, что каждого, — встречаются люди, играющие роль посланцев Божьих. Их задача — предложить нам сменить, так сказать, ложный курс на истинный. Но делается это не назойливо и не принудительно, а в режиме «предложения на выбор», и человеку самому предстоит принять решение — совершить поворот или нет. В моих духовных поисках, особенно на начальном этапе воцерковления, роль таких учителей-наставников сыграли три человека. Двоих из них — оптинского старца Илию и профессора МДА Осипова — мне посчастливилось знать лично. Знакомство с третьим, американским иеромонахом Серафимом Роузом произошло заочно, через многочисленные статьи и книги отца Серафима.

Оглядываясь назад, отчётливо вижу «функциональные» различия между ними. Оптинский старец одной короткой фразой: «В православии всё есть!» — единым махом выдернул меня, заблудшего, из трясины эзотерических заблуждений. Урок тот был неприятен, обиден и болезнен для моего тогдашнего чрезмерного самолюбия, но с того момента я напроць потерял интерес к Толле, Ошо и прочим лжеучителям как к чему-то недостаточному и примитивному.

Алексей Ильич Осипов своими лекциями и книгами о христианстве и духовной жизни, сам того не зная, помог мне удержаться на уже избранном «узком пути», сделать по нему первые пусть робкие, но правильные, выверенные Отцами шаги, а глав-

ное — крепко усвоить, что путь этот сложен и тернист, что усеян он не розами, а шипами, и идущему по нему надо многое узнать и многому научиться, чтобы не пасть жертвой собственной «удобопреклонимости ко греху», не говоря уже о таких помехах, как изощрённые происки «незримых духов злобы».

Отец Серафим Роуз довершил начальное моё духовное образование. Он творил в 1960–1980-е годы, когда в СССР ещё царила атмосфера безбожия и ощущался острый дефицит духовной публицистики, а на Западе уже поднимался «девятый вал» сатано-нигилизма, грозя хлынуть на просторы постсоветской России через поверженный «железный занавес».

Между нами возникло странное родство, удивительная близость, для которой ничего не значили никакие расстояния. Ещё студентом будущий отец Серафим самозабвенно искал высшие истины. Ровесник послевоенного американского поколения хиппи, «расширившего сознание» с помощью свободной любви, наркотиков и оккультизма, молодой Роуз не избежал увлечения индуизмом и буддизмом. Впрочем, в отличие от меня недостойного, ухватившегося за соломинку эзотерики перед лицом личных невзгод, он изучал индуизм и дзен-буддизм годами, предельно серьёзно и вдумчиво, на языке оригинала, с живыми наставниками. Скорее всего, мне просто повезло родиться в России, на спасительной почве Третьего Рима, потому и увлечение восточными школами оказалось для меня столь мимолётным и кратким.

Изучая его жизнь и труды, его приход ко Христу, принятие монашества, знакомство с русским под-

вижником и будущим сотайником отцом Германом, учреждение ими в горах Северной Калифорнии скита под названием Платина пустынь, я словно шёл за ним след в след. С ним думал, наблюдал, сомневался и укреплялся. Переживал, как свои, его разочарования и искушения. Отец Серафим обладал потрясающей прямоотой и честностью в вопросах веры — тем, чего так нам порой недостаёт в эпоху тотального наступления духа века сего. Удивительнее же всего для меня стало сочетание в нём этой непоколебимой стойкости с тем чувством теплоты и любви, которым пронизаны все строки его произведений. Уже позже до меня дошло: любовь к людям и стойкость в вере — это стороны одной и той же медали. Одно из другого проистекает, одно другим питается и укрепляется.

Труды отца Серафима и прежде всего его книга «Православие и религии будущего» широко раздвинули границы моего духовного восприятия. Оказывается, душа человеческая не просто безгранично глубока, но и беспредельно широка, для неё открыт весь мир, все тайны бытия. Именно Роуз впервые объяснил мне, что такое незримый мир, как он устроен, кем населён, и как в действительности он близок к человеческой душе в любой момент времени. Полтергейст, НЛО, астральные путешествия, миражи клинической смерти, языческие чудеса — все эти бесовские проделки и издевательства над душой, лишённой опоры в Боге, открылись мне благодаря отцу Серафиму во всей своей потрясающей очевидности. Обрушилась целая стена ложных моих представлений и убеждений, порождённых

бытовым атеизмом и полнейшим духовным невежеством. Тогда-то я впервые с ужасом осознал себя беспомощной грелкой в острых зубах Тузика-беса, понял, как наивен был, всецело доверяя рациональным наукам и так называемому жизненному опыту, построенному на шаблонах и предрассудках, реально почувствовал, что такое щит веры и обоюдоострый меч Слова Божьего в руках воина Христова. Мир распахнулся для меня, воочию явив мглу духовного порабощения и растреления, наползавшую на мою Родину со стороны падшего Запада. Одновременно он открыл мне свою глубину, непостижимую духовную глубину, вход в которую скрыт в сердце каждого из нас и достигается верой, смирением, покаянием, терпением и молитвой.

Отец Серафим покинул этот мир в конце 1980-х, однако след, оставленный им в моей душе, неизгладим. Перед смертью он много страдал физически и духовно, терзаемый недугами и гонениями со стороны некоторых «сверхправильных», по его определению, архиереев Русской Зарубежной Церкви, что помогло мне лучше и тоньше понять сущность ненавистной Богу «теплохладности» и подготовиться к неотвратимой встрече с нею на собственном «узком пути». Как это часто бывает, теперь я не помню многих важных деталей искусства духовной брани, почерпнутых и усвоенных из книг святого Серафима: эти детали уже во мне, они действуют, вплавившись в сознание «внутреннего человека». Ясно одно: многие, если не все мои последующие изыскания в части разработки метода духовного познания действительности — человека, общества, государства,

политики — вдохновлены трудами этого американского православного подвижника.

По воле Божьей «Переправа» до сих пор поддерживает тесные связи с насельниками Платиной пустыни. На страницах одноимённого журнала мы публиковали прозорливые письма сотайника Серафима Роуза — русского по происхождению отца Германа. В самом начале президентства Обамы вопреки распространённой тогда эйфории он прямо сравнивал нового лидера США с Адольфом Гитлером. Кстати, именно это наблюдение отца Германа послужило толчком для последующих моих рассуждений в прессе и на радио по поводу инволюции американской элиты в сторону идеологии и практики «Четвёртого рейха». Что же до отца Серафима, то он и поселе жив в моём сердце, поминаемый в ежедневных утренних и вечерних молитвах. А дома на столике перед иконами, как зеницу ока, храню частичку гроба святого Серафима Роуза, привезённую из США одним из братьев-паломников.

НЕ БЛАГОСЛОВЛЯЮ!

Сей поучительный инцидент произошёл несколько лет назад, когда «Переправа» обитала в стенах Донского монастыря. Один из наших братьев, довольно крупный предприниматель, обратился к отцу Луке, чтобы тот благословил его новое начинание — только что введённую в эксплуатацию ликёро-водочную линию. До сих пор не знаю, зачем он это сделал. Скорее всего, благословение к этому моменту им уже было получено от другого священника. Этот брат по имени А. не без гордости сообщил отцу Луке, что, мол, производство первоклассное, а продукция самого высокого качества. Ответ духовника прозвучал как гром среди ясного неба: «Не благословляю!». Признаться, все свидетели этого разговора, а было нас в тот момент человек десять, буквально опешили. Как же так? Видя наше состояние, отец Лука обратился к А.: «Водка-то, может быть, у тебя и хорошая, но как проследить за каждой бутылкой, что она натворит с человеком, его судьбой, его семьёй?.. Не благословляю». На А. было больно смотреть. Он ждал совсем другого; кстати, после этого случая А. постепенно отошёл от нашего сообщества, хотя и продолжал благотворительную деятельность на ниве православия.

Тот случай, скорее, даже эпизод заставил всех нас призадуматься. Как часто мы совершаем поступки, принимаем решения и затеваем дела, не давая себе труда поставить вопрос, что они такое пред лицом Бога и Заповедями Его. Земная мишура и стереотипы успеха застят нам глаза, и вот уже впопыхах

делается нечто, за что потом придётся краснеть и страдать на Страшном судище Христовом. Если уж, по словам Спасителя, «от каждого слова осудишься и от каждого оправдаешься», то не тем более ли от дел? Понять нашего товарища можно: ждал одного, в глубине души, наверное, слегка тщеславился своими достижениями, а получил другое. Всем нам урок. Духовник двумя словами приоткрыл нам тайну воли Божьей, а заодно и смысл слов Его: «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои» (Ис., 55:8). Сам того не сознавая, в тот день каждый из нас начал смотреть на себя и на окружающую жизнь немного по-другому: строже, что ли, опасливее, внимательнее, вдумчивее.

СТРАШНО ЖИТЬ?

В начале 2010-х годов пригласили меня два-три дня поработать экспертом в молодёжном лагере «Селигер». По заведённой традиции, накануне отъезда нужно было встретиться с руководителями московских молодёжных организаций. Встреча состоялась в МГУ имени Ломоносова. В зале собралось человек двести. Организаторы попросили не акцентировать вопросы веры и Бога: дескать, молодёжь в аудитории разная, образованная, острая на язык — не случилось бы конфуза...

С чего начать? Я оглядел шумные ряды и неожиданно для себя задал аудитории вопрос: «Страшно жить?». Зал сразу притих, словно по рядам пронёсся ледяной сквозняк. На меня смотрели сотни настроенных глаз. Возня и смешки как-то сами собой утихли, и я понял, что попал в точку. Им, ребятам, страшно, всем и каждому, хотя все и каждый ни за что на свете не признаются в этом. Они будут по молодости дерзить, хохмить, хорохориться, демонстрировать свою оригинальность и независимость, но за всей этой мишурой в каждом сердце будет ощущаться тревожное биение глубинного страха. Всего каких-то двадцать лет назад этого страха не было вовсе или его было на порядок меньше. Советский строй при всех его изъянах и недостатках, которые, впрочем, найдутся в любом политическом строе и при любой власти, раскрывал над детьми надёжный социальный зонтик: безопасность, бесплатное образование и воспитание, кружки и секции, уверенный взгляд в будущее. И вот на развалинах

детского царства выросли дикие джунгли безжалостной конкуренции, насилия и лжи. Каждый сам за себя, и все против всех. Убегай или нападай! — юные «маугли» живут отныне под этим девизом. Их учат верить только в себя, добиваться успеха любой ценой, до самозабвения повышать самооценку, презирать и не щадить «лохов» и «лузеров», полагаться только на свои острые зубы и клыки. Однако, как бы ни старалась новая чужая «мораль», наши дети в большинстве своём остаются прирождённо русскими, духовно талантливыми от природы, и они знают, душа им подсказывает, что предлагаемый джунглями «путь к успеху» ведёт в никуда, что это движение вверх по лестнице, ведущей вниз, что, наконец, как бы ни были остры клыки, в джунглях всегда найдутся клыки поострее.

Страшно жить! В тот день мы с ребятами дышали одними смыслами и говорили одним языком о «едином на потребу». Тогда же, пожалуй, я впервые серьёзно заинтересовался проблемой доставки святоотеческой «науки из наук» в молодёжную среду. Не формального знания церковной истории и обрядовости, а прямого ответа на самые сокровенные, самые жгучие и волнительные запросы молодого духовного беспризорника перед лицом страшных вызовов и рисков нынешней бесчеловечной эпохи.

КРЕСТ ВЛАДИМИРА КВАЧКОВА

С полковником Квачковым я был знаком лично. Мы не были близки и встречались всего несколько раз. Правда, разговаривали подолгу и предельно откровенно. Наверное, именно острота тех наших многочасовых споров на берегу Псков-озера и охладила дальнейшие отношения: они остались дружескими, но удалёнными, без взаимного притяжения, свойственного людям единомысленным.

Не стану вдаваться в детали многолетнего судебного преследования непримиримого к либералам экс-офицера ГРУ и героя Афганистана. Каюсь, пристально не следил за этими событиями, да и не слишком силён в лукавой юриспруденции. От объявленного приговора — более десяти лет колонии строгого режима — на душе возник стойкий осадок какой-то тяжести и чувства несправедливой несоразмерности наказания. Ну да, мотался он по городам и весям, встречался с офицерами, призывал к восстанию. К слову, в разговорах, помню, Владимир Васильевич часто ссылался то ли на Конституцию США, то ли на Билль о правах, где прямо зафиксировано право народа на вооружённое сопротивление правительству, если то проводит антинародную политику. Но нашли-то у него при аресте — если и вправду нашли! — всего один автоматик да горсть патронов. И всё! Куда там до наших чернобровых горцев, вольно разъезжающих по Москве с оружием и палящим в воздух где ни попадя! Ни планов восстания, ни подпольных складов с оружием, ни денег, ни тонн листовок, ни боевых дружин по всей стране — ниче-

го такого у нашего современного «Дубровского» не нашли.

Что же касается жёстких нападков на Кремль, то нашим чутким следователям я бы посоветовал внимательнейшим образом проанализировать, например, выступления ряда ведущих «Эха Москвы», особенно в те не столь уж давние периоды нашей новейшей истории, когда «болотная» и всякая прочая оппозиция выводила десятки и даже сотни тысяч людей на улицы Москвы и других крупнейших городов, а не какого-то забытого Богом провинциального Владимира, где и схватили Квачкова с товарищами-отставниками во время загородного пикника. Там, на «болотных» ристалищах, всё как раз было всерьёз и по-взрослому. Там враги Путина открыто вели людей на свержение существующей власти. При этом никто из ультралибералов и не думал скрывать, что цель «бузы» — именно государственный переворот, а средство — хаос, митинговая стихия и уличное насилие. Кстати, мы прямо писали об этом в «Переправе», анализируя, в частности, воинственные возгласы «Шендеровича и Ко» в декабре 2012 и марте 2013 годов. Что-то я ничего не слышал об арестах и расследованиях по этим эпизодам. А их ведь и доказывать не надо, хотя реальный ущерб для стабильности государства от «Эха» в те дни (да и поныне тоже) куда серьёзнее, чем, в общем-то, дилетантский и приватный «заговор» нескольких оскорблённых и униженных военных пенсионеров.

А Владимира Васильевича, ей-богу, искренне жаль. И не только в связи с суровым судебным вердиктом.

Жаль потому, что смелость и патриотизм этого человека, не вызывающие сомнений ни у кого, кроме разве что «засланных казачков», его действительно нерядовые энергии и талант командира изначально устремились в ложное и тупиковое русло. Гибельное русло. На эту тему мы как раз больше всего и дискутировали с полковником, что и позволяет мне, надеюсь, писать сейчас эти жёсткие слова.

В политике есть такое понятие — добросовестное заблуждение. Как ни печально это констатировать, это тот самый случай. И тогда, в ночных наших спорах до хрипоты, и поныне я стою на том, что ставка на оружие, мятеж, «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» заведомо обречена. Исторически и духовно это битая карта. Ничего, кроме новых бедствий и страданий, она не даст ни России, ни её народу, ни тем горячим головам, которые в тысячный раз соблазнятся этой поистине дьявольской приманкой. «Неужели вам, господин полковник, — горячился я, — не понятно, что даже в случае успеха такого мятежа ровным счётом ничего не изменится: ну, снесут восставшие солдаты с матросами в очередной раз ворота Кремля. Предположим, внесут они на своих натруженных руках очередного диктатора в Грановитую палату (всё одно — Квачкова В.В. или кого-то другого), пусть даже усадят его на трон и вручат скипетр с державой... Дальше-то чего? В тени, за всем этим «ликованием победившего народа», как когда-то в 1917-м и 1991-м, обязательно мелькнут хитрые рожицы новых Абрамовичей и Березовских, а за ними, ещё глубже во тьму, — рога главного революционера всех времён и народов — Сатаны».

Не понял меня тогда Владимир Квачков, не захотел понять, не расслышал. Кипели в его сердце благородные гнев и законная боль за родную страну — та же боль и тот же гнев, что и сейчас жгут моё сердце... Правда, с поправкой: на разных мы с ним стоим духовных платформах, почти диаметрально разных. Патриотический рационализм, слегка подслащенный «уважением» к православию, по сути, противоположен, а местами и открыто враждебен религиозному патриотизму как относительно новому течению в русском освободительном движении. Первый, почти не различая Бога и дьявола, продолжает упорно искать правду там, где её никогда не было, нет и не будет, — правду человеческую, нравственную, эмоциональную, интеллектуальную, страстно-нервную. Второй, открывший для себя уже высшую Истину Христову, каковая есть любовь к Богу и людям, навсегда отринул иллюзию строительства Царства Божьего на земле, оплаченную за долгую историю рода людского реками крови и пота. Две позиции, две линии новейшей русской истории: уходящая, но готовая перед уходом громко хлопнуть «революционной дверью» и ещё не вполне зрелая, но растущая и день ото дня набирающая мощь и ясно сознающая, что путь революций — это путь уничтожения России.

Вот момент истины! Вот что составит сердцевину и смысл предстоящего этапа освободительного движения в нашей стране! Это не спор двух субъектов или двух частных точек зрения. Это выбор вектора исторического пути. По мере погружения России в пучину кризиса актуальность этого выбора будет

лишь возрастать, а от его исхода во многом будет зависеть судьба России.

Владимира Квачкова мне искренне жаль. Мы должны сделать всё для его освобождения. Хотя бы из уважения к его заслугам перед Родиной и в благодарность за то, что он своей решимостью, своей отчаянностью и храбростью, своей пассионарностью, своей личной голгофой напомнил всем нам, окаянным, что есть на свете вещи куда более высокие, чем желудок, карман и комфорт.

МОЙ ПАТРИАРХ

Первая наша и единственная встреча с Его Святейшеством Алексием II состоялась на самой заре «Переправы», когда и было-то нас у корня её всего несколько человек — меньше, чем пальцев одной руки, а журнал делал первые робкие шаги по ухабистой ниве православного просвещения. Собственно, именно эта встреча, а точнее, полученное в итоге патриаршее благословение и вдохнули жизнь в наше сообщество. Благодаря этому мы живы до сих пор и, несмотря ни на что, сколько есть сил, работаем Христу.

Больше всего, если честно, поразила меня тогда домашняя простота и какая-то непередаваемая открытость, детскость этого великого человека. Опыт контактов с высокими чинами у меня к тому времени уже имелся, и опыт немалый: годы работы в журналистике, Академии наук и МИДе не прошли даром. Но то были великие чины, а тут — великий человек. Пастырь с большой буквы. Широкая душа, которой хватило и на то, чтобы по велению Божьему воссоединить разорванную революционным лихолетьем Русскую Православную Церковь, и на почти двухчасовую встречу с представителями никому тогда ещё не известной «Переправы».

Патриарх принял нас сотцом Михаилом Ходановым у себя в московской резиденции, что в Чистом переулке. Облачён был, помнится, как-то совсем просто: в скромную и свободную рясу без каких-либо знаков отличия. Пили чай с конфетами. Мы, грешные, как могли, рассказывали Его Святейшеству о «гранди-

озных» планах просветительской работы с новоначальными и оглашенными; об историческом вакууме в духовном воспитании, жертвами которого пали миллионы наших соотечественников, вчерашних коммунистов и комсомольцев, с трудом выбирающихся из-под обломков безбожного режима, чтобы заново обрести веру в Бога; о необходимости поиска особого языка церковного общения с «духовно беспризорными». Патриарх слушал внимательно, как бы вбирая в себя каждое предложение и взвешивая его на незримых весах своей души. Было видно, что результат этого «взвешивания» ему нравился, и, хотя на этот счёт им не было произнесено ещё ни слова, чувство теплоты и одобрения непостижимым образом передавалось и нам, «докладчикам», вызывая ответную смелость и воодушевление. Потом он поднял глаза, отложил чётки и тихо произнёс фразу, и поныне остающуюся для меня директивной: «Мне кажется, церковью в России уже восстановлено и построено достаточно. Пора строить человеческие души. Вот задача для всех нас!».

Не буду вдаваться во все прочие детали того мыслительного разговора, который отпечатался в моей памяти, словно минули не годы, а всего несколько дней. Равно поразили меня и проникновенные слова патриарха о той объединительной миссии, которую Господь возложил на него и владыку Лавра, тогдашнего главу Русской Православной Зарубежной Церкви, и ради чего Бог вернул ему жизнь и силы, несмотря на перенесённый тяжелейший инсульт. Немецкие врачи, усмехнулся в бороду Святейший, не поверили своим глазам, когда наутро после

удара их тяжелобольной проснулся и встал на ноги, как ни в чём не бывало. «Не знаю, поняли ли они, что спасли меня не только их знания и опыт, но и обращённые ко Всевышнему всенощные бдения, прошедшие в день операции по всем русским монастырям?»

Чем же всё-таки дорога и незабываема для меня та встреча? Прежде всего ощущением масштаба личности патриарха, который не щадил ни времени, ни сил своих, далеко уже не безграничных, не только для сильных мира сего, равных ему по рангу, но и для простых людей. Уверен: подлинное величие человека определяется и измеряется именно этой неброской меркой. И только ею! Ибо какое достоинство, если «начальствующий» ищет встреч лишь с равными себе, а от людей низшего звания отгораживается сонмом помощников и советников? Земные критерии отнюдь не исчерпывают всей полноты и сложности двусоставного мира, а дух, как известно, дышит, где хочет.

Чуткость и внимание к духовному плану бытия, облечённые в естественную для этого состояния простоту общения и силу пастырского слова — внешне тихого и неброского, — вот чем прежде всего дорог мне патриарх Алексей II — мой наставник и проводник на «узком пути, ведущем в жизнь». Царство ему Небесное!

САВВУШКА

Про себя, искренне любя, я называл этого человека «Саввушка». Это имя до сих пор ассоциируется в моём сознании с чем-то большим, добрым и родным. Безгранично открытым и русским. А конкретно — с искусствоведом и реставратором всея Руси Савелием Васильевичем Ямщиковым.

В тот день, 19 июля 2009 года, его не стало. Он тихо умер в городской больнице Пскова, так и не дождавшись — интригами его завистников и недругов — тысячекратно заработанного им звания «Почётный гражданин Пскова». А Саввушка так ждал этого признания! Что ж делать, ничто человеческое ему было не чуждо.

Кончина Саввушки случилась на диво «безболезненной, непостыдной и мирной». Точь-в-точь такой, какую вымаливают у Господа православные христиане в каждой литургии. А её, подобную кончину, ещё заслужить у Бога надо. Он был похоронен, о чём он специально просил друзей, в нежно любимых им Пушкинских Горах, на вершине холма, под стенами действующей церкви.

Саввушка в моём понимании был настоящим бойцом, воином Христовым. Никого и ничего не боялся, столь распространённой нынче теплохладностью не страдал. Правду-матку мог рубануть и министру, и губернатору, и президенту. А ещё в газете и по центральному телевидению. Мог посреди президентского совета, грузно опираясь на суковатую палку, подняться из-за общего стола и, отвечая на недоуменный взгляд главы государства, изречь: «Видите

ли, Дмитрий Анатольевич, что хотел, я Вам сказал, а теперь простите, у меня другие дела».

Как никто другой, умел он дружить: прямо, жёстко, требовательно, бескомпромиссно. Моментами, может быть, даже чересчур бескомпромиссно. Для него, когда речь шла о друзьях, не существовало дня и ночи, ни расстояний, ни отговорок. А легендарная записная книжка Саввушки! Пухлая, исчёрканная вдоль и поперёк тысячами фамилий. Он так и стоит перед моими глазами, вернее, сидит, грузно вдавившись в кресло, у себя в «берлоге» — стареньком деревянном реставрационном центре на улице Бурденко. На журнальном столике перед ним эта самая книжка, в одной руке — трубка городского телефона, в другой — мобильник.

Когда Саввушка бывал в Пскове, он частенько оставался в «Плескове». По утрам и вечерам при зажжённой свече он молился, сидя у окна с видом на сияющую даль Псков-озера, затем до запятой вычитывал пачку свежих газет. Сердился, по моим наблюдениям, в двух случаях: когда в его присутствии упоминалась фамилия Швыдкого, и когда его подводил кто-то из ближайших друзей. В выборе выражений особо не стеснялся, однако, как это бывает с некоторыми людьми, даже самая беспардонная брань в его устах звучала, прости Господи, как-то обоснованно и вполне уместно. За несдержанность в речах Саввушка себя корил и незаметно просил у Господа прощения.

Сегодня, через несколько лет после ухода Саввы Васильевича, я с особой остротой вижу, какую важную поворотную роль сыграла эта незаурядная лич-

ность прирождённого борца в моей судьбе, как мне повезло встретить её на своём пути. У Саввушки незаметно для себя я учился смотреть правде в глаза, называть вещи своими именами, а главное — не бояться. Его пример стал для меня отправным в размышлениях о природе страха, в том числе и страха смертного.

Случайных встреч в Божьем мире не бывает. До «Переправы» у меня были сотни «друзей», однако большая беда разметала их как «прах от лица земли». После вступления на путь служения со всеми его неровностями и срывами, но с мотивацией именно служения Господь начал посылать в попутчики таких людей, как Саввушка, — жертвенных, смелых, талантливых, негласно предлагая брать с них пример. Теперь, как никогда, мне ясно: хочешь изменить к лучшему круг твоего общения, изменись в эту сторону сам. Ведь вселенский закон непреклонен: подобное тянется к подобному.

ВОЕННАЯ ТАЙНА

Как сделать, чтобы взрослый, думающий и многодетный обыватель не просто отважился, а всей душой захотел прыгнуть с парашютом? И чтобы это был не просто сумасшедший одиночка, а несколько сот человек сразу? В обычной жизни представить себе такое совершенно невозможно. Но только не в русской армии. Не знаю, выдаю ли я сейчас страшный государственный секрет, главную военную тайну наших ВДВ или нет, однако решается данная задача так.

...В Псковскую воздушно-десантную дивизию на трёхмесячные сборы переподготовки я угодил в 1980 году 27-летним женатым человеком и без пяти минут кандидатом наук. Забегая чуть вперёд, скажу, что явился я на эти сборы с военной специальностью «Переводчик арабского языка», а вышел оттуда командиром разведвзвода. Готовили нас для отправки то ли в Польшу, то ли в Афганистан, что явствовало из подписанного каждым курсантом добровольного обязательства «исполнить свой интернациональный долг» и набора экзотических языков, которыми почти в совершенстве владел личный состав сборов, а попросту мои товарищи по казарме — все люди солидные, с высшим образованием и в большинстве своём семейные.

Сборы выдались, мягко говоря, насыщенными. Мы бегали по псковским лесам, устанавливали мины-ловушки, катались под танками, из чего только не стреляли, преодолевали полосы разнообразных препятствий, занимались единоборствами и учи-

лись взрывать бетонные опоры мостов, корпели над картами и чертили виртуальные маршруты спецопераций, жевали осточертевшую перловку в столовой и за глаза поругивали «жестокое» начальство. О предстоящих прыжках, конечно, догадывались, но плотный, до минут расписанный график плюс надежда на русское «авось Бог милует» как-то закрывали и отдаляли от нас эту неотвратимую, как оказалось, перспективу. Прыгать, понятное дело, никто из нас не врался.

Примерно за восемь-девять дней до первого прыжка — тут я перехожу к изложению собственно тайны — в наши ежедневные упражнения, состоявшие из непрерывной беготни туда-сюда — даже в столовую приходилось трусить, а не шагать, как нормальные люди, — вклинилось новшество. В тридцатиградусную жару, на открытом плацу, по несколько часов в день нам было велено раскладывать и складывать парашют ПД-5. Разбившись на пары, мы сначала вытягивали из ранца шёлковое полотнище с двумя десятками длинющих строп, аккуратно, под строгим взором инструктора расправляли его на раскалённом асфальте, а затем по команде «уложить» шаг за шагом укладывали «купол» обратно в ранец. Операция занимала с полчаса, не больше, и всё бы ничего, да только повторять её приходилось раз по десять на день. Первый день «сборки-разборки» прошёл почти как праздник — с шуточками-прибауточками, прерываемыми разве что отрывистыми и не всегда печатными комментариями наших инструкторов. Второй и все последующие, посвящённые, как вы уже догадались, всё тому же нудному занятию, сопрово-

ждались уже не смешками, а всё более мрачным и напряжённым молчанием. Солнце выжгло из нас остатки юмора, а движения рук и ног, доведённые до автоматизма — глаза бы не смотрели на этот парашют! — со стороны напоминали, наверное, взмахи вёсел на римских галерах, движимых рабами.

К концу многодневной «каторги» усталость и напряжение в наших нестройных рядах достигли точки кипения. По рядам пошёл глухой ропот: когда же это кончится! Именно в этот иезуитски точно выверенный момент кто-то из начальства пустил слух, что после первого прыжка собирать и разбирать парашют больше не придётся. Коллектив сначала не поверил, но слух делал своё дело. Он посеял надежду, и, когда на исходе восьмого дня «каторги» командир сборов майор Жданеня громко объявил: «Завтра подъём в пять утра и выезд на аэродром для первого прыжка», — несколько сотен басовитых глоток, не сговариваясь, с неподдельным ликованием проревели «Ура!».

Как ни странно, в ту ночь всем спалось хорошо, и даже зябкий августовский утренний туман не омрачил общего приподнятого настроения. Мы успешно прыгнули с тренировочных Ан-2. Каждый пережил это событие по-своему, и почти никто не пошёл в «отказ». «Поле дураков» — так называлась площадка для приземления парашютистов в псковском районе Черехи — приняло в тот день три сотни новоиспечённых десантников.

Так я узнал главную тайну ВДВ, обрёл новых друзей и, наверное, сделал очередной поворот на своём жизненном пути.

СЕКРЕТЫ ПРОФЕССОРА ОСИПОВА

Первая моя встреча с профессором МДА Алексеем Ильичём Осиповым состоялась в здании Духовной академии в Сергиевом Посаде. Первое впечатление: профессору за шестьдесят, седовлас, невысок, плотен, широкоплеч. Походка быстрая, лёгкая. Строгий бежевый костюм, элегантный галстук, военная выправка. Высокий, чуть резковатый голос, знакомый по аудио- и видеозаписям тысячам россиян, ищущих в наши непростые дни пути духовного исцеления и спасения во Христе.

Профессор Алексей Ильич Осипов, сам того не ведая, стал третьим — после старца Илии и иеромонаха Серафима Роуза — моим наставником. Он довершил превращение крещёного невера в неофита. Если старец Илия, образно говоря, установил меня на твёрдую почву веры, пустынножитель Роуз показал, где мой «узкий путь», то Алексей Ильич научил делать на этом пути первые робкие шаги, предостерег от многих ошибок и заблуждений, которыми усеян путь духовного делания, а заодно явил моим глазам тысячелетнюю красоту и мудрость Святых Отцов. Его лекциями о христианстве я заслушивался в машине и дома, книгу «Путь разума в поисках истины» штудировал, как студент, с карандашом в руках. Потом снова всё заново переслушивал, пересматривал, перечитывал. Сама жизнь вливалась через эти слова в иссохшие жилы и вены моего «внутреннего человека». Высокими токами осиповского повествования открывался мне

доселе неведомый — это при всех-то моих высших образованиях и научных регалиях — архипелаг знаний, имя которому — Писание и Предание Церкви Христовой. Перед моими глазами будто распахивались одна за другой страницы «энциклопедии» мира незримого, храма «науки наук», содержащего бесценные сведения о Боге, человеке и Вселенной, полученные не от «лжеименного разума», а от Всевышнего Первоисточника. Параллельно, шаг за шагом, раскрывались подробности о самом себе, обретаемые каждым из нас лишь по мере и в результате мучительного личного преображения в положительном, христианском смысле.

Естественно, осваивая богословие Осипова, я не мог пройти мимо размышлений и о нём самом, о его личности. В чём тайна притягательности этого человека для множества нас — людей, по большей части не просто далёких от ограды Церкви, но ко всему прочему ещё и изначально недоверчивых, рационально-заносчивых, духовно беспризорных, «блудных сынов», забывших Отца своего Небесного? Беспризорники ведь — публика тонкая, нервная и капризная, задиристая и решительная. С ними ещё надо повозиться, чтобы найти общий язык, «спеться», иначе ничего не выйдет, разбегутся кто куда! Именно здесь, как мне кажется, кроется один из секретов Осипова. Алексей Ильич не подавляет слушателя проповедническим напором, не упивается втайне собственной эрудицией, не подлаживается под сиюминутные настроения аудитории. Неравнодушным своим сердцем он взывает и ищет отклика в заблудших сердцах, делится с ними сокровенными

мыслями, предлагает им Слово Божье как спасительное лекарство от страха и смерти, как непостыдную надежду на новую землю.

Честно говоря, собираясь на эту встречу, я немножго волновался: боялся разочароваться. Как часто доводится слышать с высоких «православных трибун» правильные слова о смирении и служении, призывы к подвигу во имя Господа и ближнего... а потом терзаться соблазном осуждения, видя, как эти декларации расходятся с делом.

Сомнения мои и страхи оказались, слава Богу, напрасны. Даже сам неброский, вполне светский облик известного профессора подчёркивал его близость к нам, простым смертным, ради которых он живёт и не покладая рук трудится, как монах, в миру. Вот ещё один «секрет» Алексея Ильича! Даже отсутствие на его лице бороды, оказывается, имеет свой скрытый и важный смысл. На вопрос «почему так?» Алексей Ильич хитро улыбается и отсылает к своему духовному учителю — игумену Никону (Воробьёву), письмами которого я зачитывался и зачитываюсь до сих пор наравне с трудами древних Отцов; выяснилось, что это именно он, отец Никон, давным-давно отсоветовал «Лёшеньке» отпускать бороду, поскольку «это — внешнее».

Был ли тот совет случайным, или отец Никон прозревал, какой крест миссионерского служения ожидает его юного воспитанника — тогда ещё семинариста Осипова — в мучительно-переломные для России годы лихолетья, на стыке двух тысячелетий? Как знать...

— Алексей Ильич, вы живёте здесь, в Сергиевом Посаде? — интересуюсь я.

— Да, рядом с академией, минут пятнадцать ходьбы. За руль авто сажусь редко, разве что когда на улице совсем ненастно... да и с педалями у меня беда. Когда-то в машине их было целых три, и приходилось всё время вспоминать, какая для чего. Теперь, слава Богу, их только две.

— А как вы воспринимаете собственную известность?

— Профессора Осипова не люблю, книг его никогда не читаю, лекций не слушаю и не смотрю!

Вот так дела! Добрая сотня часов всевозможных аудио- и видеозаписей этого человека сумасшедшими тиражами «гуляет» по стране, возбуждая умы и заставляя думать и жить «инаково», не так, как диктует дух века сего, и на тебе — «не люблю»!

Впрочем, если постараться, понять профессора тоже можно. Служение ведь — это добровольная каторга, а не сладостное, хотя порой и трудоёмкое, восхождение на гору брэнной славы. Апостольский труд. Сейчас и времена-то напоминают апостольские, раннехристианские. Все идеологии, все до последнего «измы» обанкротились, плавают, как дохлая рыба — брюхом кверху. Поезд бездушной цивилизации несётся в пропасть под завывания платных апологетов и продажных СМИ. Миллиардам его пассажиров, зажатым внутри и погружённым в изучение Интернета и комиксов, даже невдомёк, куда он летит: видеть пропасть впереди могут лишь те, кто в кабине машиниста или... кто вообще не в поезде. Нужны, ох как нужны теперь именно та-

кие люди, как наш профессор, — понимающие, что происходит и что надо делать, стремящиеся предупредить об опасности, перекричать грохот летящего под откос эшелона!

Главная забота и главная боль профессора Осипова — судьба Русской Православной Церкви. И это именно он разъяснил мне, что нет и не может существовать деления на «я» и «Церковь». Есть одна Церковь, в которой, как в едином Теле Христовом, свободно и неразлучно собраны и соединены все мы: новички и старцы, миряне и монахи, прихожане и священники. Подобно утёсу Церковь отражает наскоки падшего мира, и, хотя ржа и ересь тут и там дают о себе знать, по обетованию Господа, «врата ада не одолеют ее».

Ржа — это бесовский дух равнодушия и мещанства, отталкивающий от человеческого сердца светлую благодать. «Увы, — сокрушается Алексей Ильич, — сегодня многие, находясь в церкви, перестают замечать её и благоговейно чтить как обитель Бога. Храм становится чем-то обыденным: вторым жильём, местом службы, кругом общения... чем угодно, только не святым алтарём, незримо соединённым с Небом... Вообще, — продолжает он, — увлечение внешним планом в вере, в религии, в Церкви — страшная угроза, нависшая над православием. Особенно сейчас, когда, как грибы после дождя, выросло целое сословие церковных «хозяйственников», «менеджеров», «управленцев» — словно речь идёт не о Церкви, а о какой-нибудь фирме или корпорации! Всё больше становится суеты и нарочитой деловитости, расчёта, словесной шелухи. Слепцы! Но не-

редко именно таких духовно слепых ставят у руля... Правда, по степени внимания к внутренней жизни наша внешняя, социальная жизнь приобретёт, точнее, может приобрести положительный, устремлённый к Богу характер».

А младостарцы?! Сколько их, лжепророков «последних дней», адептов «пагубного комедианства», по хлёткому выражению святителя Игнатия Брянчанинова, объявилось на почве нынешней русской беды?! Профессор Осипов считает это церковное явление свидетельством глубокого духовного обмирщения современного российского общества. Любопытно, но в этот день мы с ним, не сговариваясь, коснулись фигуры некоего отца В., слывущего в околоцерковных кругах выдающимся старцем.

Так вышло, что незадолго до поездки в лавру по рекомендации знакомых я оказался в городе Б. специально, чтобы встретиться с отцом В. Было раннее, морозное утро. Перед кельей старца в коридоре братского корпуса толпился народ — десятки людей. Было душно. Какие-то паломницы, сменяя друг друга, пели псалмы. Многие из них прибыли издалека, некоторые — с малыми детьми. Вместе с остальными я ждал приёма, продвигаясь к заветной двери сообразно командам пожилого «коменданта очереди» с явно военным прошлым и вахтёрскими замашками. Было уже понятно, что многие, если не большинство из присутствующих, так и не дождутся приёма в этот день и останутся ночевать, чтобы завтра снова занять очередь к старцу.

В томительном ожидании минуло часа два. За окном начало светать. Вдруг, нарушая тишину, к

двери кельи отца В. пробилась молодая женщина с грудным ребёнком на руках. Она была на грани истерики и просила только об одном: немедленно пустить её к старцу. «Вахтёр» принялся урезонивать её, но тут заветная дверь открылась, и вышел сам отец В. Я видел его впервые: в рясе, невысокий, полный, с открытым, благообразным лицом. Я ожидал от него чего угодно: слов утешения, приглашения войти, чего-то ещё в том же духе... Однако случилось иное. И это иное повергло меня в шок. Отец В. принялся жёстко отчитывать несчастную женщину, велел ей немедленно покинуть помещение и предупредив, что никогда больше её не примет! Дальше всё шло, как в тумане. Дождавшись своей очереди, я механически зашёл в келью, мы поговорили с отцом В. почти уж и не помню, о чём. Уехал я от него со смешанным чувством стыда и смущения, какое, наверное, бывает всякий раз, когда не понимаешь, что думать и как поступить. Постарался быстрее забыть, стереть из памяти этот тягостный эпизод.

И надо же такому случиться! Рассуждая о проблеме «младостарчества», то есть «людях, принимающих на себя вид древних, духовных старцев, не имея их духовных дарований», Алексей Ильич неожиданно в качестве примера упомянул уже знакомого нам отца В. Однажды, по словам профессора, к этому «старцу» обратилась его знакомая, у которой потерялась малолетняя дочь. «Старец» уверенно отправил мать на поиски ребёнка в один из районов Москвы, заявив, что девочка находится там. Однако уже на следующий день — можно представить себе состояние

бедной женщины! — ребёнка нашли мёртвым на дне соседского пруда.

Или другая история. Лично знакомая нашему профессору супружеская пара приехала на встречу с «прозорливым» отцом В. Первой в келью входит жена. Диалог:

— Ну, здравствуй, Татьяна, проходи.

— Не Татьяна я, Ниной меня зовут.

— Давно пьёшь?

— Не пью я вовсе, батюшка, ни капли не принимаю спиртного! С самого детства не пью.

И так далее, в том же духе.

С мужем — такой же разговор и похожий конфуз.

Настоящие духовидцы своим «сердечным оком» прозревают, конечно, неизмеримо больше, чем то, что они сообщают собеседнику, но такой высоты духа способны достичь только люди, победившие в себе грех и страсть. Знание будущего для большинства из нас бесполезно и даже опасно: погружая в уныние или радость, оно мешает нам молиться и уповать на волю Божию. В наше время и старцев, равных по силе древним, не осталось. А остались лишь, по словам Алексея Ильича, «старшие, духовно более опытные Отцы», хотя и они «не вправе командовать, а могут лишь советовать, призывая наставляемого проявлять рассудительность и принимать собственные решения».

— Какую роль в вашей жизни сыграл игумен Никон — спросил я, зная, что профессор длительное время состоял в духовной переписке со старцем.

— Да, он мне писал, — подтвердил собеседник. — Это он вдохнул в меня жизнь, разомкнул мне уста.

Прежде у меня и в мыслях не было проповедовать... Удивительный был человек! С ним одинаково легко было общаться и взрослым, и детям. Силища от него исходила великая. Таких сейчас нет: бывает, встретишь человека — чистый, светлый, святой, но нет в нём подлинной глубины ведения, он... как духовный младенец.

Из лавры в тот день я уезжал окрылённым. Про себя отметил: усталости никакой. Что же, видно, и на мою долю досталась частичка той духовной силы, которую когда-то передал Алексею Ильичу духоносный отец Никон.

ПРИНЦЕССА В КАМЕНКАХ

У «Переправы» есть давний партнёр — подворье Марфо-Мариинской обители в селе Каменки Волоколамского района. В храме этой обители в течение пяти лет служил духовник сообщества протоиерей Михаил Ходанов. Дивные, красивые русские пейзажи окружают обитель. Если вы действительно хотите ощутить благодать настоящей сельской литургии при чадающей печурке и удивительно мелодичном пении монахинь в тесном приделе скромной недостроенной церкви, милости просим сюда, в село Каменки.

Именно здесь, в далёкой подмосковной глуши, на Всенощную под Пасху мне довелось неожиданно встретиться с британской принцессой Маргаритой фон Баден. Семидесятидевятiletняя представительница лондонского королевского двора, праправнучка принцессы Виктории — сестры основательницы Марфо-Мариинской обители Елизаветы Фёдоровны Романовой, прибыла сюда в наши края с неофициальным личным визитом. Никакой помпы, никакой прессы, никаких высокопоставленных сопровождающих лиц! И ни одной, заметим, жалобы на неудобства, связанные с проживанием и передвижением: пожилая принцесса — инвалид-колясочница. Она приехала, по её собственным словам, «встретить Пасху и отдохнуть душой». Когда намерднн старец Илия спросил её, понравилось ли ей что-нибудь в России, её сиятельство, не задумываясь, ответила: «Каменки... Сколько там звёзд! Всё небо усыпано. В Англии видно, дай Бог, одну-две».

...Пасхальная служба шла уже четвёртый час. Принцесса сидела в своей коляске в первых рядах молящихся, внимая течению православной литургии. Краем глаза я иногда замечал: она молилась, она жила и дышала каждым словом отца Михаила. Шевелила губами, повторяя незнакомые русские слова «Христос воскрес!»». Наверное, в этот момент в ней пробуждалась родовая память предков — греков и сербов. Или её просто тронула непринуждённость окружавших её простых сельских жителей? О том, что эта укрытая шалью худенькая пожилая женщина в коляске — британская принцесса, они узнали только в самом конце всенощной, когда отец Михаил сначала в знак уважения к знатной даме прочитал соответствующий евангельский отрывок помимо русского ещё и на английском языке, а потом специально обратился к госте со словами приветствия. Поразительно: после причастия люди подходили к принцессе и троекратно лобызались с ней, что вызывало у неё слёзы радости и умиления. Впрочем, и в обычные дни Маргарите фон Баден одинокой себя в подворье чувствовать не пришлось: за ней постоянно ухаживали послушницы обители, заодно оттачивая свои познания в английском.

Волоколамская земля тесно связана с историей дома Романовых. Здесь, в селе Осташёво, в жалком полуразрушенном состоянии прозябает бывшая усадьба дяди царя-мученика — Константина Романова, один из пяти воевавших сыновей которого Олег пал на фронтах Первой мировой войны. Надо же! Наследники трона, а воевали как простые смертные, вместо того чтобы в духе века сего при-

строиться в каком-нибудь тёпленьком местечке далеко в тылу. Олег похоронен на территории усадьбы, и в его честь здесь же возведена часовня.

Лондон давно и пристально следит за судьбой остащёвской вотчины Романовых. Пару раз пытались вмешаться, помочь её восстановлению... Однако, как всегда, сработала наша доблестная российская бюрократия: сами ничего не делаем и другим не дадим! Впрочем, принцесса не теряет надежды. По возвращении домой она, по слухам, намерена переговорить с принцем Чарльзом относительно оказания помощи родному теперь для неё подворью в Каменках, где трудами и молитвами монахинь сохраняется добрая память о святой и праведной Елизавете Фёдоровне, мученице российской.

ПОД ПОКРОВОМ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

В конце нулевых годов довелось мне пару раз побывать в Китае. Останавливался на территории посольства России в Пекине у своего давнего институтского друга Сергея Сергеевича Разова, служившего послом РФ в КНР. Из множества впечатлений от этих поездок сильнее всего в душе отпечатались два. Первое — стремительная и неудержимая мощь как на дрожжах растущего восточного соседа. Второе — интуитивное чувство исходящей от него потенциальной угрозы. На эту тему и состоялся памятный разговор с Сергеем.

Что нам делать, спрашивал я друга, если это полутора-миллиардное государство, оснащённое новейшими технологиями и издревле сжимаемое ограниченной территорией, возымеет желание двинуться на северо-запад за богатствами ослабленной России?

Ответ посла одновременно поразил и успокоил меня. Китайцы, по его словам, не исповедуют ни одной религии как таковой, и в этом их глубинная слабость перед лицом страшных духовных вызовов и угроз современной эпохи. Почитаемый здесь Конфуций — всего-навсего мудрый философ, он учит добродетели, не касаясь темы Бога. В то же время китайцы — весьма тонкие и чуткие ценители мистики, и не их вина, что сегодня они поголовно поклоняются идолу денег — Мамоне. Скорее, это их беда.

Два фактора, по мнению посла, надёжно сдерживают китайский экспансионизм, по крайней мере в отношении России. Первый — это веками укоренившаяся психология «внутренней империи», государства за Великой стеной, не столько нападавшего, сколько тысячелетиями отбивавшегося от захватчиков. Второй,

метафизический, — трепет и ужас, испытываемые руководством Китая перед лицом Пресвятой и Пречистой Богородицы. Этот вопрос даже выносился на заседания Политбюро Китайской компартии, рассматриваясь по значению чуть ли не наравне с «ядерным зонтиком» России. Логика такая: есть, мол, в России некая Божья Матерь, которая держит её под своим покровом, ограждая от любых врагов, многократно являясь на полях сражений и повергая недругов Москвы в паническое бегство, да так, что русские, всякий раз не готовые к войне, в конечном итоге на плечах противника триумфально въезжают в его столицу.

Часами мы с Сергеем обсуждали актуальные аспекты российско-китайских отношений, но тот, духовный, самый главный аспект не выходил из моей головы. С одной стороны, приятно осознавать себя народом Третьего Рима, хотя порой и кажется, что мы ещё не достойны, ещё не доросли до столь Высокого покровительства, и Господь жалеет нас не за заслуги наши, а за немощь. С другой стороны, духовный взгляд на ситуацию невольно рождает тревогу, но уже за сам Китай. Густонаселённая страна, вступая в тесные хозяйственные и культурные отношения с Западом, вольно или невольно ставит себя под удар: у неё нет духовного покрова в лице православного христианства, и ядовитые миазмы падшей западной цивилизации, не встречая препятствий в лице религиозных устоев и благодати Божьей, в одно мгновение могут сокрушить нынешнее процветание «внутренней империи». Если что и способно спасти Китай, так это только православие, однако это уже другая история.

«ОСТРОВ», «МАТРИЦА», «АВАТАР»

Фильмы, особенно фильмы талантливые, тоже играют важную роль в духовном становлении личности. Сразу понять и оценить их действие на душу довольно трудно, почти невозможно: как и другие неприметные вехи «узкого пути», они становятся заметны с дистанции порой в несколько лет. Тем более что и скрытый, духовный контекст многих фильмов сам по себе бывает противоречивым, сообразно взглядам и убеждениям своего создателя.

Редко когда из-под руки режиссёра выйдет такое совершенное творение, как «Остров». Этот фильм я видел добрый десяток раз, открывая для себя при каждом новом просмотре какие-то свежие интонации и ассоциации.

«Матрица» — тоже шедевр, но другого рода, с двойным дном. С одной стороны, мир там представлен как виртуальная реальность, управляемая извне чуждой силой. Такой взгляд точно соответствует православному пониманию зависимости миллиардов людей от незримых могущественных и беспощадных «духов злобы поднебесной». Пока не откроются «мысленные очи», человек действительно слеп и глух, помещён словно в кокон самодовольства и комфорта, а демоны-мучители исподволь манипулируют его сознанием, как им заблагорассудится. Но так лишь с одной стороны. По-настоящему христианского миропонимания в «Матрице» нет и в помине, за исключением разве что ярких проявлений дружбы и любви главных героев фильма. «Версия» устройства мира, представленная здесь, — жёстко

антихристианская, постмодернистская. Главный герой фильма — компьютерная Программа, захватившая власть над человечеством. С нею, с бездушной цифрой, искусственным разумом, как с равным противником, ведут отчаянную борьбу последние осознанные люди на планете. Исход этой борьбы так и остаётся неясным. Бога в фильме нет, даже намёка на Него. Но вот что мне пришло на ум: понимание духовной ущербности, однобокости «Матрицы» только укрепило меня в уже обретённой вере. Таким образом, думается, Господь, водя рукой режиссёра-невера, обращается через него и к «немногим верным», претворяя зло в добро.

В том же ряду киношедевров «двойного назначения» располагается и «Аватар». Этот потрясающий по красоте фильм с редкой для наших дней остротой и прямоотой исполнения вскрывает убожество нравов современной технократической цивилизации. Он показывает, как много среди нас тех, кто готов ради кошелька или брюха стать убийцей или смиряться с преступлениями убийц, и, напротив, как до обидного мало других — людей, способных различать добро и зло, отстаивать добро пусть и ценой собственной жизни.

«ЗАГОВОР» В КАМЕНКАХ

В ту памятную зиму в подворье Марфо-Мариинской обители, что в селе Каменки под Волоколамском, нагрянула беда. Настоятельница мать Иоанна потеряла покой и сон: из новенького, только летом построенного курятника подворья с регулярностью раз, а то и два в неделю начали исчезать куры. Всё указывало на то, что в монастырский курятник повадилась заходить лиса. К кому только не обращалась деятельная мать Иоанна — от городских попечителей до местных охотников и даже забулдыги-соседа, взявшегося за две «беленьких» выследить-таки «проклятую воровку и подарить начальнице её шкуру на воротник». Ничего не помогало. Устраивались засады, тщательно был обследован весь двор... всё без толку.

Тайна раскрылась внезапно и почти случайно. Лиса действительно была, приходила она из леса, но после очередного преступления пряталась не в лесу, а в... конуре местного Шарика, призванного как раз охранять подворье и курятник от ей подобных. Когда и как сложился этот удивительный «альянс», это, наверное, навсегда останется тайной. Налицо сам факт: в один прекрасный день лиса в панике забежала в жилище Шарика вместе с добычей, там они её впервые по-братски поделили, и с тех пор заговор вошёл в полную силу. Лиса душила кур, а потом спокойненько укрывалась от недоброжелателей из числа людей и собак в самом надёжном и безопасном месте — будке своего нового друга и партнёра по разбойному промыслу Шарика. Их союз мог про-

цветать ещё не одну неделю или месяц, но подвела привычка монахинь к чистоте и порядку: логово «злоумышленников» обнаружилось по вороху куриных перьев при очередной уборке конуры нашего Шарика.

Некоторые Святые Отцы называют природу «пятым Евангелием» — столько в ней свидетельств неиссякаемой силы, премудрости и благодати Божьей. Нужно лишь взглянуть в этот чудесный и загадочный мир, а не скользить по его поверхности равнодушным взглядом в погоне за миражами века сего. Тогда изумлённому взору откроются неподражаемые по глубине и гармонии натюрморты и пейзажи, написанные рукой самого Творца, тогда всякая малая птаха успокоит мятущуюся душу своей искренней деловитостью и полным безразличием к тому, кто вы и откуда, есть ли у вас деньги или нет; тогда для примирения с Вселенной достаточно будет лишь встать на колени и всмотреться в луговой микромир размером с носовой платок — сколько там движения, разнообразия и тайн!

А Шарик, к слову, был реабилитирован и после раскрытия подлого заговора продолжал нести свою звонкую службу, оглашая окрестности громким лаем по поводу и без.

ЛЮДИ-АНГЕЛЫ

Воля Божья постоянна и разнообразно присутствует в жизни каждого человека. У кого-то больше, у кого-то меньше, но не по причине «невнимания» Господа к Своим земным чадам, а сообразно степени привязанности самого человека к Творцу, его вере. Порой мне представляется, что мы чуть ли не ежеминутно соприкасаемся с вечностью, которая следит за нами, помогает двигаться по жизни в сторону добра, спасает из трудных ситуаций. Иногда в этом участвуют и люди-ангелы.

...Лет двадцать назад тётушку мою Антонину постигло глубокое горе. За короткое время она потеряла сразу двух любимых людей — мужа и сына — и осталась на свете, по сути, одна. Позднее как-то всё утряслось, к тётушке подтянулись дальние родственники, хотя в тот начальный момент ей казалось, что жизнь остановилась, и в ней для неё нет больше смысла. К тому же начались странные припадки: посреди улицы она внезапно могла потерять сознание. Именно в такой тягостный и беспросветный этап явилась к ней, по её словам, милость Божья. В один из дней по дороге на дачу, куда она продолжала ездить по инерции, чтобы как-то убить время, в поезде к ней подседа женщина в дорогой шубе, взяла тётушку за руку и почти полтора часа разговаривала с ней о жизни и о личных драмах, силе воли и необходимости ради ушедших близких продолжать начатые с ними общие дела. Рассказывая мне о той памятной встрече, тётушка призналась, что почти ничего не помнит из состоявшегося разговора, не запомни-

ла и лица женщины, не знает, откуда она взялась и куда потом делась. В памяти осталось только чувство умиротворения, твёрдая решимость достроить дачу, начатую с мужем и сыном, и ещё... новое желание жить. Кстати, припадки её с того дня прекратились и больше не возвращались, а в день и час гибели сына в тот год на дачу прилетал белый голубь — прилетал не случайно, а пробыл с тётушкой почти полдня, перелетая с одного места на другое и явно не желая оставлять её.

Или другой случай, граничащий с настоящим чудом. Он произошёл с, наверное, самым близким моим другом по имени А. С А. мы одноклассники, общаемся чуть ли не ежедневно, дружим семьями, секретов нет ни у него от меня, ни наоборот. На днях А. рассказывает мне такую историю. По Интернету на него окольными путями, словно бы ниоткуда, вышел человек. Предложенный им проект не состоялся, однако по ходу общения новый знакомый заинтересовался, что у моего друга с глазами (А. страдал от дистрофии сетчатки). Мой друг ответил, что лечится, и тогда собеседник, оказавшись в прошлом сотрудником Бакулевского центра, настойчиво посоветовал А. провести УЗИ сосудов, питающих головной мозг; самому А. это даже в голову не приходило. Врачи-офтальмологи ни разу о таком не упоминали, и никаких неприятных симптомов на этот счёт у А. не наблюдалось. Ехать в больницу ради УЗИ не хотелось, но его новый знакомый не просто настоял на своём, но и, буквально взяв А. за руку, отвёз его к специалистам, потратив на это чуть ли не полдня собственного времени. К ужасу А., УЗИ показало,

что его сонная артерия почти полностью закупорена холестериновой бляшкой, и необходима срочная хирургическая операция. Счёт шёл если не на дни, то на недели, дальнейшее бездействие грозило А. возможным инсультом, притом в любой момент. Избегая ненужных деталей, сразу скажу: операция состоялась и прошла успешно. Мой друг же с тех пор не перестаёт благодарить Господа и его посланника за столь свое-временное и благое вмешательство в его судьбу.

Кто-то наверняка скажет: мол, случайность, совпадение, повезло. Не стану спорить: с верующим человеком и спорить-то не о чем, а с неверующим бесполезно, ему хоть кол на голове отеши. Если же присмотреться сначала к себе, а потом и к круговерти окружающего мира, если взглянуть на круг своего общения под углом зрения ангельского или дьявольского служения тех или иных людей — служения не всегда и не обязательно осознанного, — то выяснится потрясающая картина: мы буквально окружены этими людьми, держим их за руки, звоним по телефону, стоим в очередях. Надо только немного сфокусировать духовное зрение...

Александр Нотин
Вехи «узкого пути»
Моим детям и внукам посвящается

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви.

Корректурa: Ю. Познахирко
Макет и вёрстка: Ю. Промыслова

Подписано в печать 12.04.2017
Формат 84X108/32.
П.л.6,19. У.-п. л. 10,4
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство Московской Патриархии Русской
Православной Церкви, 2017

Отпечатано в типографии НИИ школьных технологий
109341, г. Москва, ул. Люблинская, д. 157, корп. 2
Тел.: +7 (495) 972 59 62